

ISSN 2308-6947

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 29

Под редакцией В. Н. Никулина

Издательство
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2023

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

С28

Рецензенты

В. Н. Ратушняк, д-р ист. наук, проф.,
Кубанский государственный университет;

В. А. Ильиных, д-р ист. наук, Институт истории Сибирского отделения РАН

Редакционная коллегия

А. Ю. Дворниченко, д-р ист. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); *В. В. Кондрашин*, д-р ист. наук, проф. (Институт российской истории РАН); *В. Н. Никулин*, д-р ист. наук, проф. — отв. редактор (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *Л. Н. Жданович*, канд. ист. наук, доц. — отв. секретарь (Балтийский федеральный университет им. И. Канта); *З. А. Тимошенкова*, канд. ист. наук, доц. (Псковский государственный университет); *Е. Н. Швейковская*, д-р ист. наук (Институт славяноведения РАН)

В оформлении обложки использована картина художника А. А. Платова «Жатва» (1945).

С28 **Северо-Запад в аграрной истории России** : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — Вып. 29. — 171 с.

Содержит статьи по актуальным проблемам как общероссийской, так и региональной аграрной истории дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Затронуты вопросы экономического развития страны, социального положения российской деревни, общественного движения.

Адресован научным работникам, преподавателям, студентам-историкам и всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 930:338.431

ББК 66.017.717

© БФУ им. И. Канта, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черкасова М. С.</i> О хозяйственной структуре Троице-Сергиева монастыря по Описи 1641/42 года.....	4
<i>Иванов В. И.</i> Уровень стабильности населения и особенности расслоения крестьян Шуерецкой волости в XVII веке	15
<i>Соколова Н. В.</i> Об аграрной специализации вотчин Патриаршего дома на рубеже XVII—XVIII веков (по материалам описных книг Елецкого и Лебедянского уездов М. Т. Толубеева).....	26
<i>Степанова Л. Г.</i> Споры о меже и установление границ земельных владений в конце XVIII — первой половине XIX века.....	38
<i>Никулин В. Н.</i> Отечественная историография управления крестьянами Сибири во второй половине XIX — начале XX века	48
<i>Ланской Г. Н.</i> Историографические дискуссии об уровне сельскохозяйственного развития России второй половины XIX — начала XX века как объект источниковедческого изучения	62
<i>Александров Н. М.</i> Крестьянская молодежь и отхожие промыслы в столицу в конце XIX — начале XX века (по материалам Костромской и Ярославской губерний)	74
<i>Бершадская О. В.</i> Население и хозяйство черноморской деревни в 1920-е годы по материалам статистических обследований ..	85
<i>Иванов А. А., Федяева Т. П.</i> Крестьянское движение в Марийском крае в годы революции и Гражданской войны: итоги и перспективы исследования.....	92
<i>Кондрашин В. В.</i> Крестьянство под властью антибольшевистских правительств	104
<i>Роднов М. И., Тагирова Л. Ф.</i> Сельские кустари в условиях Гражданской войны: стратегия выживания.....	127
<i>Наухацкий В. В.</i> Аграрная политика и сельское хозяйство регионов Северного Кавказа (1953—1964).....	138
<i>Томилин В. Н.</i> Колхозы в аграрной политике государства (1946—1950).....	150
<i>Шевельков А. И.</i> Документы федеральных архивов о формировании аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в первой половине 1970-х годов	162
Об авторах	170

**О хозяйственной структуре
Троице-Сергиева монастыря
по Описи 1641/42 года**

Рассмотрена организация и основные отрасли хозяйства в крупнейшем русском монастыре. Документальной основой стала недавно опубликованная Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. — результат комплексной правительственной ревизии.

The article examines the organization of the economy and the main types of economic activity of the largest Russian monastery. The documentary basis was the recently published inventory of the Holy Trinity St. Sergius monastery of 1641/42, which was the result of a comprehensive revision.

Ключевые слова: Троице-Сергиев монастырь, Опись 1641/42 г., землевладение, хозяйство, кредит, промыслы

Keywords: St. Sergius monastery, the Inventory of 1641/42, land ownership, economy, credit, crafts

Сравнительно недавно сотрудницами Сергиево-Посадского музея-заповедника Л. А. Кириченко и С. В. Николаевой на высоком научно-археографическом уровне была опубликована обширная по объему Опись строений, имущества и хозяйства крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря 1641/42 г. [1]. В научный оборот был введен ценный источник, касающийся многих вопросов социально-экономической, социкульту-

турной, демографической истории Троицкой духовной корпорации и ее приписных филиалов (землевладение, хозяйство, организация управления, крестьянское и бобыльское население, прочие категории работников и слуг, социальный состав братии и вкладчиков, ссудно-кредитная, торгово-промысловая сферы деятельности, архитектура, иконография, документальное и книжное собрания). Опись стала результатом государственной ревизии Троице-Сергиева монастыря, проведенной правительственной комиссией в составе окольничего Ф. В. Волынского, Н. Ф. Панина, дьяков И. Федорова и Д. Прокофьева.

И хотя издание сопровождается рядом глубоких статей, содержание Описи позволяет более подробно рассмотреть хозяйственную структуру и порядок управления обширной вотчиной на разных уровнях: отдельных сел, приписных обителей и многочисленных служб в самом монастыре. И первое, с чего следует начать, — это сектор домениального (господского) земледельческого производства.

О его широком территориальном распространении в 28 уездах свидетельствует обширный комплекс писцовых книг 1592—1594 гг. Не случайно *обеление* господской запашки Троицкого монастыря (то есть освобождение от налогов, введенное указом Б. Годунова в 1598 г. и подтвержденное позднее царскими грамотами 1617 и 1619 гг.) имело важное общегосударственное значение. В конце XVI в. это было связано с возведением Смоленской крепости и каменным строительством в самом монастыре [2, с. 168—180], а после смуты — с задачами скорейшего восстановления его экономики в десятках уездов и городов [3, с. 248—251].

Участки господской пашни были размещены, как правило, в крупных селах, надзор над ними осуществляли старцы-*посельские* или приказчики (из светских слуг), нередко вкуче с выборными представителями общины — мира. Представители администрации в лице ключников и посельских ранее всего были известны в подмонастырных с. Петровское, Борково, Путилово, Богородицкое в волости Воре Московского уезда. До-

мениальная пашня в селах обрабатывалась крестьянами в рамках десятинного верстания (определенное количество дес. на выть как окладную единицу). Такие вотчинные комплексы имели по преимуществу натурально-барщинный облик.

Наиболее значительный центр господского земледелия находился в Подмонастырной округе, где, по Описи 1641/42 г., он занимал 81 % от всех отведенных под эту отрасль пашни. Возделывала ее особая категория работников — воловики и детеньши. Местом их проживания в 1640-е гг. были 22 чулана на Воловьем дворе под управлением *большого посельского старца* Нифонта Третьякова. Там же были возведены амбары, сараи, конюшни, приспособления для сена и «плетенница», куда складывались бороны и дровни. Опись отметила в двух клетях 101 четв. чистого и 250 четв. невейанного овса.

На соседнем с Воловьим Полозовом дворе был анбар «со всякой пахотной рухлядью»: 75 сох с сошниками и полицами (отвалами), 11 плугов с лемехами и «с чертцы» (ножи/отрезы), 9 сох-косуль, 60 отдельных отрезков, 115 кос и 11 кос-горбуш. Там же размещались и транспортные средства: 30 дровень, 75 телег с новыми колесами. Еще имелся анбар с большими мясными запасами: 232 полти ветчины, 22 каравая сала ветчинного и 17 полтей «плохой ветчины, есть ее не мочно» [1, с. 670]. Кроме Полозового двора, много железных земледельческих орудий и инвентаря было сосредоточено в амбарах Оружейной казны, подведомственной оружейному старцу Исидору Нармацкому. В их числе железная снасть для ветряной мельницы, 26 сошников, 500 сошных полиц, 20 плужных лемехов, 2 плужных чертца, 540 серпов, 346 новых кос [1, с. 604].

По Ужитному списку *большого посельского* Моисея Хупанского 1640/41 г. сжатый хлеб был сложен в 2878 сотных копен, из них вымолочено 335 четв. ржи, а на полях оставалось «в кладех» 3 скирда. К 1641/42 г., по данным Ужитного списка *большого посельского* Нифонта Третьякова, было посеяно 345 четв. ржи, из них 257 четв. в Подмонастырном поле и

88 четв. — на пустоши Казначеевой. Местами складирования зерна были гумна с работавшими там *гуменными старцами*. В Описи отмечен 1 каменный и 3 деревянных овина, одна «мекинница». На каменное строительство некоторых хозяйственных служб в монастыре указывают упоминания о кирпичных сараях. На гумне было размещено 2 скирда ржи, 1 скирд ярицы на 230 копен-сотниц, 24 *скирдца* и 4 овина овса. Комбинация терминов — скирд и скирдец, зарод и зародец интересна для последующих метрологических изысканий и вместе с тем свидетельствует о тщательном учете хлебов разного вида. Всего по Ужитному списку 1641/42 г. под Троицким монастырем было сложено 2269 сотных копен ржи и 2088 сотных копен овса. Немолоченная «конопель» была размещена на двух «ослонах» (жердях для складывания снопов).

Представление о хлебном бюджете Троицы в 1641/42 г. дает Роспись *житничного* старца Варсонофия Ипатского. Учетный им в житницах запас ржи, ячменя, ярицы (ярового хлеба), пшеницы, гороха, толокна, гречи, разных видов муки и солода в головном монастыре и мельнице на р. Воре составлял 19 644 четв. К этому следует добавить еще 550 четв. солода ржаного, ячного и муки овсяной, записанных в житницах на Пивном дворе под надзором *подкеларника* Иева Булатова [1, с. 609, 615]. Его хозяйственные функции относились к келарской службе, в которой действовал также *меньшой подкеларник* старец Измаил. Он руководил группой *хлебников*, работавших в ряде хозяйственных помещений (Верхнее раздаточное сушило, Среднее сушило, Средняя палата, погреб с рыбными запасами, Гостиная поварня и приспешня) [1, с. 612].

В столь крупном монастыре в середине XVII в. были еще 2 каменные поварни: одна братская, а в другой «стряпают в государев приход». Ими ведал *большой поваренной старец* Демид Вологжанин. Над Братской трапезой и Хлебной избой надзирал *большой хлебной старец* Авраамий Федотов, а *хлебодаром* (раздатчиком хлеба братии на трапезе) указан Тихон Вологжанин. Важными объектами жизнеобеспечения на

обширной территории монастыря были 2 колодца и пруд. Колодцы были вырыты у поварен и против архимандричьей кельи, а пруд — у житниц [1, с. 640].

Погребной службой, представленной погребами и ледниками, управлял *чашиник*, старец Дорофей Персидин. В Описи 1641/42 г. указано несколько ледников: Большой, Государев малый, а еще теплый малый погреб. Поражает разнообразие и количество хранящихся там «питей», прежде всего меда: калачного, *обарного* (именно так, разновидность хмельного холодного напитка полугодовой выдержки во льду), боярского, малинового, вишневого, черемхового, смородинового, «государева приборной новой ставки», меда-сбитня, а еще в теплом погребе «меда великого чудотворца Сергия». Возможно, под последним понимались запасы меда к приходу паломников на памятный день кончины основателя монастыря 25 сентября (1392 г.).

На Пивном дворе в житницах хранилось 550 четв. солода ржаного, ячного и овсяной муки. К напиткам относились также «пиво ячное простое», «пиво простое расхожее», «квас ячной», уксус. Имелись запасы брусничной воды и несколько бочек вина церковного. Всего в теплом погребе, «на песку» и других помещениях насчитывалось 3117 ведер разных «питей» [1, с. 609]. О развитии садоводства позволяет догадываться упоминание вишневой и яблочной воды, вишен и яблок — «старых» и «в патоке».

Впечатляет запас меда-сырца — 3258 пуд., размещенных в подвале под церковью Соловецких чудотворцев. Там же были складированы запасы «астраханской рыбы»: 4040 «калуг» (особо крупные осетровые), 1675 осетров, 1010 белужьих и осетровых «полурыбников», 197 косяков и 30 белужьих «теш» (особо вкусных брюшков с краями бочков), а еще 72 рогожи соли [1, с. 589]. Рогожа обычно вмещала в себя 30—32 пуд. соли. Местом хранения меда-сырца указана *сытня*. В ней были еще запасы патоки, 2 пуд. восковых свечей и 2,5 пуд. воска [1, с. 609].

Наличие столь крупных хлебных, рыбных, мясных, питьевых запасов объяснялось, помимо, растущего числа братии в XVII — начале XVIII в. (с 200 до 400 чел.), прибытием в монастырь высоких особ, царского двора и толп паломников в общерусские праздники, на Троицу и дни памяти преп. Сергия Радонежского. В Описи 1641/42 г. отмечены царские хоромы «к их государеву приезду в монастырь», в связи с чем персонально названы царь Михаил Федорович, его супруга, царица Евдокия Лукьяновна, и их царевич, 12-летний на тот момент наследник престола Алексей Михайлович [1, с. 634].

Помимо собственно Троицкого монастыря важным его административно-хозяйственным центром был расположенный в Московском Кремле приписной Богоявленский монастырь. Он существовал с середины XV в. и выполнял роль своего рода «постпредства» большой Троицы в непосредственной близости от светских и церковных властей, царского двора, патриарха, приказных учреждений. Правомерно считать его столичным подворьем Троицы. Но только представительными функциями дело не ограничивалось.

Нередко именно сюда, а не в головной монастырь в Подмосковье свозились из сел значительные хлебные и другие продуктовые запасы, получаемые от монастырского хозяйства и крестьянского оброка. Здесь же оседали и различные товары, покупаемые на московских рынках. По Описи 1641/42 г. на Богоявленском подворье обитали подкеларник, житничный, хлебный, поваренный старцы и мукосей. Согласно скаске житничного старца Демьяна Слотинского, здесь имелось 300 четв. купленной ржи, а из сел Замосковного дворца привезено 493 четв. ржи и 900 четв. овса, сыпанные вместе с купленной рожью [1, с. 747—748]. В Описи было также отмечено множество других видов хлеба и хлебопродуктов (муки пшеничной, круп «грешневых» и овсяных, проса, ядриц, толокна, сухарей).

Еще одним направлением хозяйственной деятельности Троицы являлась широко развернутая ссудно-кредитная практика — хлебная и денежная. Крупные ресурсы позволяли мо-

настырю предоставлять в долг хлебные ссуды своим и сторонним крестьянам (индивидуально, малым группам и целым общинам), массе частных лиц разного социального статуса. Так поддерживались маломощные крестьянские хозяйства, а «новопорядные и новоприхожие» крестьяне получали ссуды хлебом, деньгами, лошадьми и «животиною» на первоначальное обзаведение. Монастырь оказывал помощь погорельцам в вотчинных селах и деревнях, а еще распространял среди них соль и рыбу, фиксируя это как долги на крестьянах с последующим возвращением в денежном эквиваленте. Обширный перечень хлебных кабал в Описи охватывал период с 1628/29 по 1640/41 г. За это время было выдано в долг 47935 четв. ржи (по 156 записям) и 5291 четв. овса (по 86 записям). Намного меньше корпорация раздала муки ржаной, солода ячного и «пыжа конопляного» [4, с. 197, табл. 2].

Л. А. Кириченко установила общий объем денежных кабал, выданных Троицким монастырем: 1601 чел. по 1321 записи на 26 155 руб. Кабалы выдавались крестьянам (их более всего — 240 чел.), слугам, служкам, старцам, частным лицам, ямщикам. Чаще всего среди заемщиков фигурировали жители Московского уезда. Л. А. Кириченко обоснованно считает Троице-Сергиев монастырь крупнейшим кредитором России в середине XVII в., а его годовой денежный бюджет сопоставимым с бюджетами отдельных московских приказов [4, с. 180—198].

Наиболее высокий удельный вес — 26% (в абс. 3175,5 руб.) — денежных долгов троицких крестьян составляли обязательства по выплате за соль. Долги эти также фиксировались на отдельных крестьянах, сельских общинах, приписных филиалах в целом. За Троице-Казанским монастырем числился соляной долг в 633 руб. Торгово-ремесленные крестьяне получали денежные ссуды по выплате таможенных пошлин, приобретению материалов для ремесел. Приходским общинам направлялись деньги на ремонт церквей и укомплектование печатными книгами. За получение последних было записано 975 руб., или 8,2% от всего денежного долга. Но самый крупный долг всех

крестьянских миров перед корпорацией составлял 5341 руб. (или 45 %) за военный налог — «даточных людей» [5, с. 251, табл. 1]. Так, общее усиление военно-фискального пресса государства до некоторой степени смягчалось фактором внутривотчинных, сеньориально-крестьянских отношений.

Не только отмеченный выше Богоявленский монастырь в Московском Кремле, но и другие приписные монастыри имели сходную хозяйственную инфраструктуру, независимо от того, были ли они городскими или сельскими. Всего же приписная система большой Троицы в 1641/42 г. включала 14 обителей — мужских и женских. Ими маркировались некоторые географические «оконечности» Троицкой духовной корпорации: на севере это был расположенный в нижнем Подвинье Николо-Чухченемский, а на востоке, в Приуралье, — Чердынский Иоанно-Богословский монастырь. В каждом из этих «филиалов» функционировала совокупность хозяйственных служб и помещений: «поварни естовные» либо братские, пиво- и квасоварни, конюшенные и скотские дворы, житницы, погреба, сушила, ледники (деревянные и каменные), хлебни и хлебодарни, бани, кузницы, амбары «для плужной рухляди», пчельники, мельницы, огороды-капустники, яблоневоы сады.

Весьма внушительным было и конюшенное хозяйство Троице-Сергиева монастыря. По Описям 1641/42 и 1701 гг. К. А. Филимонов установил его структуру, которая представляет собой совокупность нескольких «дворов»: Конюшенного, Воловьего, Колесенного, Полозового, Тележной слободки, а в ближних селах Кесовского, Копнинского, Тарбеевского. В 1641 г. на Конюшенном дворе было 145, а в 1701 г. — 130 выездных лошадей. В жилых избах этого двора размещалась часть царской свиты во время государевых посещений. В Конюшенной слободе проживали монастырские конюхи и «конские мастера» [6, с. 112—119].

На Воловом дворе по Описи 1641/42 г. содержалось 237, а по Описи 1701 г. — 286 рабочих лошадей. Двор обслуживали

воловики и детеныши, а в подмонастырных селах конюшен-ные дворы выполняли функцию конных заводов. В 1701 г. сельское поголовье состояло из 377 лошадей — стоялых жеребцов и стадных кобыл с жеребятами. Помимо естественного приплода, важным источником пополнения конского поголовья в Троицком монастыре служили многочисленные вклады. Информация об этом по вкладной книге за 1600—1686 гг. обобщена в специальной статье П. А. Фрольцовой [7, с. 181—220].

Центрами конюшенного и шире — животноводческого — хозяйства монастыря были конские и скотьи дворы в крупных вотчинных селах. В Описи 1641/42 г. отмечен Коровий двор, которым на тот момент ведал *подкеларник* старец Калинин Клементьевский. Здесь было учтено 56 голов взрослого скота (коровы, быки) и 16 голов молодняка (бычки, телочки), а еще несколько десятков свиней и кур. Свиноводство и птицеводство в описях как отдельные отрасли не выделялись, но были размещены вблизи коровьих дворов. Последние были также местами первичной кожевенной обработки, здесь отмечены 7 кож яловичных сырых и 11 *опойков* (высокосортной кожи молодых телят).

Много конюших и коровьих дворов было в троицких селах Дмитровского, Переславского, Ростовского, Костромского, Бежецкого, Владимирского, Нижегородского, Муромского уездов. Это с. Варавино, Дерюзино, Городок Радонеж, Давыдовское, Романово, Озерецкое, Синково, Ольявидово, Хребтово, Выпуково, Глинково, Олексино, Семеновское, Бебяково. Господское стадо в них насчитывало около 600 голов крупного скота (коровы, быки, включая «плужных», молодняк). Назначение рабочих лошадей (386 голов меринов и кобыл) в вотчинных селах указывалось так: «для монастырские пашни», «пахотные» или «плужные мерины». Подобные ремарки в Описи указывают на барщинные села Троицы с особо крупным поголовьем меринов и кобыл — с. Городок Радонеж, юрьевские с. Кинобал и Кучки, ростовские — с. Дебалы и Бер-

люково, костромские — с. Федоровское и Кувакино, бежецкое с. Присеки, кашинское с. Фроловское. Детально было описано поголовье скота: лошади (кони, мерины «для монастырские пашни», меринки, «меринишко рыже, старо», жеребцы / жеребчики, кобылы / кобылки, иногда с указанием породы — ногайская, она же «аргамачья»; крымская), коровы (быки, бычки, телицы, телушки / телушечки / телки) и мелкий скот (овцы, бараны, козы, козлы, свиньи), птицы (куры, петухи, гуси, реже — «гнезда кур индейских»). Изредка упомянуты пчелиные улья.

Отмечался возраст скота — селеток (приплод «сего лета», порой с уточнением «сосунок, молоко пьет»), он же «годовик / годовичок»; лонцак / лонщина (двух лет), третьяк (трехгодовалый). Иногда возраст определен еще точнее — «полугодовой» либо обобщенно — овец (или баранов / свиней) молодых / старых столько-то. Про недавно рожденных порсят указывалось, что они «из-под свиней» или корытники, боровки (в отличие от боровов — взрослых особей). Об определенной селекции свидетельствуют ремарки про молодых овец-ярок и свиней — «припущены на племя». Применительно к коровам нередко говорится «дойные», а местами дойки указаны дойники, или денники (специальные для того помещения).

За пределами нашего обзора организационно-хозяйственной структуры крупнейшего монастыря осталась его промыслово-торговая сфера. Это отчасти объясняется рамками статьи, а также тем, что данные вопросы были уже рассмотрены нами [8, с. 13—29].

Список источников и литературы

1. *Опись* Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года : исследование и публикация текста / изд. подг. Л. А. Кириченко, С. В. Николаева. М., 2020.
2. *Черкасова М. С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.
3. *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII в. (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004.

4. *Кириченко Л.А.* Заемные и кабальные договоры по Описи 1641/42 г. // Опись Троице-Сергиева монастыря 1641/42 года : исследование и публикация текста. М., 2020.

5. *Черкасова М.С.* Денежные и хлебные долги крестьян Троице-Сергиева монастыря во второй четверти XVII в. // Аграрный рынок в его историческом развитии. М., 1991. Вып. 2.

6. *Филимонов К.А.* Из истории конюшенного хозяйства Троице-Сергиевой лавры в XV—XIX вв. / Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. М., 1998.

7. *Фрольцова П.А.* Конюшенное хозяйство Троице-Сергиева монастыря по вкладной книге 1672/73 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1—2 (53—54).

8. *Черкасова М.С.* Промысловая структура крупной феодальной вотчины в XV — первой половине XVIII в. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2010. Вып. 17.

Уровень стабильности населения и особенности расслоения крестьян Шуерецкой волости в XVII веке

На основе сопоставления данных окладных книг XVII в. и других источников исследуется вопрос об уровне стабильности крестьянского населения Шуерецкой волости, выявляются изменения в системе хозяйственной деятельности и дифференциации.

By analyzing the XVII century tax records and supplementary sources, this study examines the degree of population stability among peasants in the Shuerets volost shedding light on shifts within the economic structure and variations in social stratification.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, XVII век, Поморье, мобильность, расслоение крестьянства

Keywords: peasant economy, XVII century, Pomorye, mobility, stratification of the peasantry

В XVII в. волость Шуя Корельская (или Шуерецкая) претерпела серьезные изменения как в своем статусе, так и в составе населения, его хозяйственно-экономическом положении. В 1613 г. эта черносошная волость переходит в разряд монастырских земель [1, 6—9]. За 100 лет количество крестьянских хозяйств в ней увеличилось чуть ли не в 3 раза — с 57 (1597 г.) до 147 (1699 г.). Интересно отметить, что их число в этой во-

лости в последующее время мало менялось — через 170 лет, в 1866 г., здесь было зафиксировано 155 дворов-хозяйств [2, с. 26]. В какой-то степени этот рост объясняется тем, что в документах общинного делопроизводства помимо собственно крестьян, владельцев тяглых земельных угодий, стали учитывать беднейшее население, преимущественно пришлое — бобылей и казаков [3, с. 5—23; 4, с. 4—14]. Но даже без учета этих последних категорий население (имеется ввиду число крестьянских хозяйств) увеличилось в 2,3 раза. Одновременно в источниках встречаются хозяйства крестьян (они зафиксированы в общей массе тяглых крестьян), которые не имели луковых (тяглых) земельных угодий. Возможно, это вызвано какими-либо чрезвычайными временными обстоятельствами, которые не лишали их статуса крестьян, членов общины. В XVII в. произошло резкое уменьшение земельных владений крестьян: так количество хозяйств, владевших целым луком и более, уменьшилось почти в 3 раза (с 20 до 7), а их доля в составе населения — в 7 раз (с 42% до 6%). В это время мелкие владения стали еще мельче (в 1699 г. 3 хозяйства имели 0,05 лука), а доля малоземельных хозяйств, владевших менее 0,5 лука возросла в 2 раза (с 27% до 59%). Основная часть луковых угодий (50—56% их общего объема) во второй половине XVII в. находилась в составе средних (от 0,5 до 0,9 лука) владений.

После царского пожалования этой волости Соловецкому монастырю каргопольский стрелецкий сотник Иев Карпов в январе 1614 г. переписал и передал волость монастырю [5, ф. 281, д. 5520]. По его отказной книге, там было 48 живущих дворов крестьян, 92 чел., 38 луков угодий и 54 пустых дворовых места, 48 луков; 6 «живущих» соляных варниц и 9 пустых варниц и варничных мест [5, ф. 281, д. 5521, л. 10, 17—19; 6, с. 205—214]. Несмотря на то, что волость передавалась монастырю со всеми крестьянами, которые должны были во всем слушаться игумена с братией, значительная их часть вскоре покинула монастырскую вотчину. Подробности этого процесса выяснить пока не удалось. А вот результат наглядно пред-

ставлен в монастырской росписи, которая составлена, очевидно, в конце 1640-х — 1650-е гг. [6, ф. Р-1, оп. 2, д. 13—15 (1659—1660 гг.); 7]. Из нее следует, что крестьяне-старожильцы, занесенные в отказную книгу 1614 г., или их дети, внуки, братья (40 чел.) составляли 58% всех тяглых крестьян. Следовательно, 42% приобрели «луковые згодья» после 1614 г. Треть тяглых крестьян (23 чел.) были пришлыми, черносошными, еще 4 чел. пришли из соседних монастырских вотчин. Из 5 старожильцев, которые в 1614 г. были бобылями и в книгу не занесены, 2 приобрели луковые угодья, получив статус тяглых крестьян, а 3 продолжали жить бобылями. Подавляющее же большинство бобылей (18 чел.), не имевших луковых угодий, пришли из черносошных волостей. Получается, что ровно половину всего нового населения Шуерецкой волости составляли пришлые люди.

При проведении поименного сопоставления населения Шуерецкой волости по окладным книгам 1663 г. (75 чел.) и 1681 г. (120 чел.), оказалось, что из 75 хозяйств, переписанных в 1663 г., только в 21 в 1681 г. сохранился тот же владелец, еще одно оказалось в руках сына бывшего владельца [7, ф. Р-1, оп. 2, д. 24, 69]. Это означает, что почти 30% хозяйств в течение 18 лет находилось во владении близких родственников. Кроме того, можно предположить переход владения к сыновьям, братьям или другим родственникам еще в 15 хозяйствах, поскольку владельцы имеют одинаковые фамилии или фамилии-отчества, совпадающие с именем бывшего владельца. С учетом такой предположительной преемственности получается, что только около половины хозяйств, зафиксированных в 1663 г., продолжали принадлежать одной и той же семье (или семейной группе). Таких потенциально близких родственников среди крестьян и бобылей 1681 г. в целом насчитывается около 30 чел. (или 25% от всего населения).

Довольно подробная характеристика состояния Шуерецкой волости в начале 60-х гг. XVII в. уже опубликована [2, с. 22—24]. Чтобы выявить изменения, которые произошли в

ней в последней трети XVII в., сопоставим данные окладной книги 1699 г. с уже имеющимися сведениями окладной книги 1663 г. Следует отметить, что в конце века пользовались несколько измененными правилами составления окладных книг. В частности, «головы» (работники) и луковые земельные угодья крестьянских хозяйств перестали оценивать в денежном выражении (в 1663 г. любая «голова» приравнивалась к 1 руб., а лук — к 2 руб.). Заметно ниже стали оценивать домашний скот (лошадей — в 1—1,5 руб., а 1 корову — в 0,3 руб. или 3 — в 1 руб.), в то время как ранее оклад лошадей мог достигать до 4,5 руб., в среднем 2,5 руб., а коровы практически все оценивались в 0,5 руб. Поэтому общая окладная сумма несмотря на почти двойное увеличение числа хозяйств в конце века оказалась меньше.

Сопоставим хозяйственные характеристики Шуеречской волости 60-х и 90-х гг. XVII в. По окладной книге 1663 г. значится 75 хозяйств, а в 1699 г. их насчитывается почти в два раза больше — 147, причем 17 из них (12% общего числа) выделены как бобыли и казачки (хотя один из них Еупл Тимофеев имел в своем хозяйстве четь лука, корову, $\frac{1}{8}$ црена¹ [7, ф. Р-1, оп. 2, д. 193, л. 21], то есть по всем параметрам должен быть отнесен к тяглым крестьянам). На эти хозяйства в 1663 г. приходилось 108 «голов» (работников), а в 1699 г. — 206. В обоих случаях на одно хозяйство приходилось в среднем около 1,4 «головы» (работника). При оценке «головы» в 1 руб. их оклад составлял бы соответственно 7% и 13% окладной суммы волости (от 1530 руб. и 1634 руб.). Земельные угодья занимали и в 1663 г., и в 1699 г. около 6% от общей суммы оценки. Наибольшую долю окладной суммы в 1663 г. составили рыболовный доход — 31% (в 1699 г. — 20,2%), суда и снасти морских промыслов — 20% (в 1699 г. — 19,8%). Рыболовство и морской промысел, таким образом, в этой волости играли решающую роль, но доля их в общем окладе едва превышала 50% (а в 1699 г. — только 40%). Торговый доход равнялся 16%

¹ Црен — большая сковорода для выварки соли из рассола.

(в 1699 г. — 15%). Оценка скота — 16% (в 1699 г. 11%, однако следует напомнить, что оклад и лошадей, и коров был уменьшен почти в 2 раза), солеваренный и другие виды промысловых доходов — 5% (в 1699 г. — 8%) [7, ф. Р.-I, оп. 2, д. 24; 9, с. 533—541]. Надо признать, что никаких существенных различий в характеристике хозяйственной деятельности в 1663 г. и 1699 г. не выявлено. Эти показатели дают, очевидно, довольно объективную картину хозяйственно-экономического положения шуерецких крестьян, несмотря на всю условность оценок и изменение правил оклада.

Солеваренный промысел, которым занимались местные крестьяне, окладывался раздельно по оборудованию и по количеству вываренной соли. Црены долями (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{8}$) принадлежали 9 крестьянам, что в 1663 г. составило в сумме 1,875 црена, оцененные в 36,75 руб., а доходы — в 72 руб. (или 7% от общей окладной суммы). В 1699 г. доли цренов от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{16}$ (наиболее частым — у 15 хозяйств — было $\frac{1}{8}$) имело 29 хозяйств, то есть в 3 раза больше. Всего им принадлежало 3 црена, их общий оклад равнялся 51,5 руб., а солеваренные доходы 34 хозяйств — на 111,8 руб., что составляло около 7% всего оклада.

Около 20% шуерецких крестьян в 1663 г. (17 из 75 хозяйств) занимались торговлей, а в 1699 г. только 7% (8 из 113) луковых хозяйств, или 5% всех 147 хозяйств. Торговые деньги в 1663 г. составили более 250 руб., или около 16% окладной суммы волости, а в 1699 г. — 19% (или 15%, если учесть оценку голов и луков), но доля крестьян, имевших торговый доход, сократилась в 3—4 раза.

В среднем на одно крестьянское хозяйство в 1663 г. приходилось около 20 руб. окладной суммы, а в 1699 г. — в 2 раза меньше, то есть 9 руб. (или 11 руб. с учетом оценки голов и луков). Величина и структура оклада отдельных хозяйств сильно колебались: от 147 до 2 руб. в 1663 г., от 300 до 0 руб. (5 хозяйств не имели оклада) в 1699 г., отражая их имущественную и хозяйственную специфику и дифференциацию.

Все 75 хозяйств, переписанные в 1663 г., по величине окладных сумм разделены нами на 6 групп: 1) хозяйство крупного торговца и предпринимателя Фефила Михайлова (147 руб.); 2) крупные промыслово-торговые хозяйства (5 хозяйств: Михаила Денисова, Матвея Антонова, Емельяна Антонова, Андрея Васильева и Фефила Иванова), оклад которых в среднем равнялся 87 руб.; 3) зажиточные промысловые хозяйства (17 хозяйств), средний оклад — 32 руб.; 4) мелкие промысловые хозяйства (14 хозяйств), оклад — 15 руб.; 5) бедные промысловые хозяйства (27 хозяйств) со средним окладом 8 руб.; 6) беднейшие крестьянские хозяйства (11 хозяйств) со средним окладом 3 руб. [2, с. 24—25]. Т. В. Старостина, анализируя данные окладной книги 1663 г., выделила 8 групп хозяйств по окладным суммам (в руб.): 1) 147; 2) 83—86; 3) 41—82; 4) 22—40; 5) 15—20; 6) 11—14; 7) 6—10; 8) 1—5, которые распределены на высшие, средние (от 11 до 20 руб.) и низшие [10, с. 205—207].

Прежде чем приступить к характеристике отдельных слоев крестьянского населения волости в 1699 г., следует напомнить, что последняя треть века не была для Шуерецкой волости периодом безмятежного процветания. С 1667 г. по 1676 г. рядом происходило Соловецкое восстание (или «сидение») [11, с. 249—280; 12]. Трудно не согласиться с мнением А. А. Савича о том, что оно «разорило вотчинное хозяйство» [11, с. 280]. Но не только монастырское хозяйство было дезорганизовано. Все это время на монастырских крестьян, которые были отписаны на государя, налагались чрезвычайные поборы (поземельное обложение выросло в 4—5 раз, достигнув 2 руб. с лука, а подушное — 1 руб. с «головой») [9, с. 442—443]: они должны были содержать многочисленные правительственные войска, осуществлявшие осаду монастыря. В 80—90-е гг. начались новые войны, продолжился рост государственного обложения (в начале XVIII в. в Шуерецкой волости собирали более 3 руб. с лука) [9, с. 443].

Опираясь на данные окладной книги 1699 г., нами выделено 7 групп хозяйств: в 1-й (также как в 1663 г.) только одно хозяйство, но не Фефила Михайлова (имя такого крестьянина в позднейших окладных книгах не встречается), а Сидора Михайлова сына Денисова. Т. В. Старостина прямо называет Дениса Михайлова (из окладной книги 1681 г.) братом Фефила Михайлова (из окладной книги 1663 г.). К сожалению, у нас нет никаких прямых свидетельств их родства. Судя по всему, вывод основан на исключительном, самом высоком окладе их хозяйств (147 руб. и 165 руб.) и одинаковом отчестве [13, с. 60]. Уровень оценки хозяйства Д. Михайлова выше, чем у Ф. Михайлова в 1663 г. в 2 с лишним раза: оклад составил 300 руб. (в рукописи он был исправлен с 304,5 руб.) хотя сумма всех указанных доходов и имущества равна 315 руб. (причина снижения оклада не указана), а если добавить к этому оценку «голов» и луков (5 руб.), то она равнялась бы 320 руб. Две трети оценки (65%) составляла торговая прибыль — 205,5 руб. Рыбой и «мякотным товаром» (под ним, скорее всего, имелась в виду тонкая, хорошо выделанная кожа) [14, с. 343], он торговал в Москве (100 руб.), а кроме того записан доход от хлебного торга (95 руб.), очевидно, в Беломорье и на Мурманских промыслах, а также от торговли на р. Вага (10,5 руб.). Д. Михайлов владел 3 большими морскими судами: лодью «корелка» (19 руб.), 2 соймами — большой (27 руб.) и «убойной» (13 руб.). Ему принадлежали и 4 промысловых мурманских судна (32 руб.). Их оценка составляла 29% его окладной суммы. Остальные 6% начислены за лошадь, 3 коров, аренду соймы («соемный провоз»), промысловые снасти и добычу (последние не превышали 2%). Так, местный богач превратился в купца общероссийского масштаба.

В 1699 г. группы крупных промыслово-торговых хозяйств уже не было, так как самый высокий оклад после С. Денисова был у Игната Иванова (вероятно, племянник богача) и равнялся 50 руб., причем половину этой суммы (деньгами и хлебом) дал сам Сидор Денисов! Третьим в этой иерархии был Аникей

Иванов (очевидно, брат И. Иванова и племянник С. Денисова) с окладом 22,5 руб., который для уплаты взял 20 руб. у того же С. Денисова [7, ф. Р-1, оп. 2, д. 193, л. 3].

В 1699 г. во 2-ю группу мы объединили 12 хозяйств (20 «голов») с окладом от 20 до 50 руб. (в среднем 32 руб. или 35 с головами и луками) — это зажиточные промысловые хозяйства. В руках рассматриваемой группы была сосредоточена почти половина всех судов (45%) и $\frac{1}{3}$ часть (30%) промысловой добычи волости. Им принадлежали 12% (из оставшихся 16%) торговых доходов. В этой группе 37% оклада составляли промысловые суда (с промысловыми снастями — 44%) и 32% — добыча от морских промыслов, по 8% приходилось на солеварение и торговлю. Она почти полностью соответствует 3-й группе 1663 г. — зажиточные промысловые хозяйства.

В 1699 г. 3-я группа (19 хозяйств) со средним окладом 13,5 руб. соответствует группе мелких промысловых хозяйств (4-я группа в 1663 г.) Основную часть, почти $\frac{2}{3}$ их окладной суммы составлял промысловый доход 62% (морские рыбные промыслы около 44% и солеварение 17%). Из 19 хозяйств 12 вообще не имели судов, поэтому они практически не имели торговых доходов. Но они были достаточно хорошо обеспечены земельными угодьями (в среднем по 0,55 лука на хозяйство) и скотом — почти 2 лошади (1,8) и две с половиной (2,4) коровы на 1 хозяйство. Это самые высокие показатели среди всех групп.

В 1699 г. в 4-й группе (30 хозяйств) средний оклад равнялся 6,9 руб. Это бедные промысловые хозяйства, соответствующие 5-й группе 1663 г. со средним окладом 8 руб., половина которого состояла из промыслового дохода. При наличии 0,42 лука на 1 хозяйство они имели 1 лошадь и 1,6 коровы. Доля этой группы в общем окладе волости составляла всего 16% (при 20% числа хозяйств).

В 5-й группе (45 хозяйств) беднейших крестьянских хозяйств средний оклад равнялся примерно 3 руб. На 1 хозяй-

ство приходилось 0,28 лука, причем 9 хозяйств ($\frac{1}{5}$ часть этой группы) луковых угодий не имели совсем. Промысловый доход составлял в их окладе 42%.

В 1699 г. выделена 6-я группа, представленная 35 хозяйствами с самым маленьким окладом (от 0,1 до 0,9 руб.) в среднем 0,7 руб. В нее вошли 7 хозяйств (очевидно, казаки из общей группы «бобылей и казаков»). В этой группе половину оклада составлял скот (всего 5 лошадей и 30 коров): на одно хозяйство в среднем 0,1 лошади и 0,25 коровы. Только 7 хозяйств, то есть $\frac{1}{5}$ часть группы имели промысловый доход, а 12 работали по найму.

В окладной книге 1699 г. присутствует еще одна, 7-я группа. Это 5 хозяйств, которые совсем не имели окладов! У них записаны только 4 «головы» и в среднем на 1 хозяйство их оклад составил 1 руб. Их случайных заработков хватало только на скудное пропитание.

Подводя итог, следует отметить, что после передачи черносошной Шуерецкой волости Соловецкому монастырю в 1614 г. практически половина крестьянского населения покинула свои земли. К середине XVII в. на их владения и пустовавшие дворовые места монастырь принял (вероятно, можно говорить о вывозе) черносошных крестьян и бобылей из разных частей Заонежья, а также несколько человек из своих монастырских вотчин. В 60—70-е гг. XVII в. в условиях Соловецкого восстания 1667—1676 гг. и осады монастыря еще половина дворов этой волости сменила своих владельцев на пришлых.

Анализ окладных книг 1663 и 1699 гг. показывает, что население волости почти удвоилось, однако это в значительной мере связано с тем, что бобыли и казаки стали привлекаться к уплате податей вместе с тяглыми крестьянами (произошло это, очевидно, в период восстания, когда тяжесть платежей выросла в несколько раз) и, соответственно, были включены в окладные книги. Это обстоятельство и ряд других факторов при-

вели к изменению структуры крестьянской общины. Сформировался довольно крупный слой (более четверти всего населения) беднейших крестьян, бобылей и казаков, имущество и доходы которых были в 10—15 раз меньше средних по общине. Данная группа имела много общего с беднейшим слоем, зафиксированным здесь земской статистикой в 1866 г. Еще одним важным, на наш взгляд, явлением в эволюции общины следует признать исчезновение к концу XVII в. группы крупных торгово-промысловых хозяйств при сохранении и даже увеличении богатства и масштабов деятельности одного самого богатого крестьянина волости — Сидора Михайлова, имущество и доходы которого составляли четверть окладной суммы всей волости.

Список источников и литературы

1. *Иванов В. И.* Включение волости Шуя Корельская в состав владений Соловецкого монастыря: «анатомия» одного крестьянского конфликта начала XVII века // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2022. Вып. 28.

2. *Иванов В. И.* Хозяйственные занятия и дифференциация крестьян Поморья в конце XVI — XIX веке // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2021. Вып. 27.

3. *Иванов В. И.* Бобыли русской северо-западной деревни конца XV—XVII в.: происхождение и «тайны» трансформаций // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2015. Вып. 21.

4. *Иванов В. И.* Казаки русской северо-западной деревни XVI — XVII веков: происхождение и социальная эволюция // *Северо-Запад в аграрной истории России* : межвуз. темат. сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Никулина. Калининград, 2016. Вып. 22.

5. *Российский государственный архив древних актов.*

6. *Отказная книга Шуерецкой волости 1614 г.* // *Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории* : межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1999.

7. *Научный архив Карельского научного центра РАН.*
8. *Филиграни XVII века. По рукописным источникам ГИМ. Каталог / сост. Т. В. Дианова, Л. И. Костюхина. М., 1988.*
9. *Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI—XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.*
10. *Старостина Т. В. Шуерецкая волость в XVI—XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России : сб. ст. памяти И. И. Смирнова. Труды ЛОИИ. Л., 1967. Вып. 9.*
11. *Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927.*
12. *Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 годов. М., 2009.*
13. *Старостина Т. В. Влияние подавления Соловецкого восстания на хозяйство поморских волостей // Вопросы истории. Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Петрозаводск, 1974. Т. 19, вып. 4. Исторические науки.*
14. *Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9.*

Н. В. Соколова

**Об аграрной специализации вотчин
Патриаршего дома на рубеже XVII—XVIII веков
(по материалам описных книг Елецкого
и Лебедянского уездов М. Т. Толубеева)**

Представлены результаты изучения хозяйства Патриаршего дома в селах Елецкого и Лебедянского уездов. Задачей исследования было установить, в какой мере данные территориально-хозяйственные комплексы соответствуют тому или иному типу аграрной специализации вотчин патриарха на рубеже XVII—XVIII вв.

The article presents the results of the study of the Patriarch's estates of Yelets and Lebedyan uyezds. The aim of the study was to determine the extent to which these territorial-economic complexes correspond to a particular type of agrarian specialization of the Patriarch's estates at the turn of the XVII—XVIII centuries.

Ключевые слова: описные книги 1701—1703 гг., Елецкий уезд, Лебедянский уезд, патриарх, вотчина, земледелие, коневодство

Keywords: inventory books 1701—1703, Yelets uyezd, Lebedyan uyezd, Patriarch, votchina, agriculture, horse breeding

О существовании патриарших домовых сел в Елецком и Лебедянском уездах было известно еще М. И. Горчакову. В его книге встречаются различные чтения названий патриарших

сел: «Кузьмань и Стоянец (Лебедянск. у.)», просто «Кузьмань», «Кумань и Студенец» [1, с. 368, 385, 549, приложения, с. 220]. А. Н. Сахаров привлекал отдельные документы по лебедянской вотчине патриарха в книге, подготовленной на основе кандидатской диссертации. В перечне вотчин им указаны «с. Кузьмань» в Лебедянском уезде и «отдельные мелкие владения — в Елецком и Пошехонском уездах». Тезис «работники направлялись в патриаршее с. Кузьмань (Лебедянский уезд), где находилась большая патриаршая запашка», сопровождается ссылкой на шесть «книг» из фондов 235 и 236 в РГАДА, правда, без указания листов. Поэтому трудно сказать, чем вызвано такое написание топонима — авторитетом М. И. Горчакова или проблемами с чтением скорописи XVII в. [2, с. 46, 47, 98, 102—103]. В современных работах сюжеты, связанные с аграрной историей этих владений кафедры, обычно остаются на периферии внимания исследователей [3, с. 159—240]. Описные книги вотчин патриарха в Елецком и Лебедянском уездах 1702 г. использовались в новейшей статье, посвященной секуляризации начала XVIII в. [4, с. 8—21].

Сохранившиеся описания владений Патриаршего дома 1701—1703 гг. позволяют составить общее представление о характере аграрной специализации его вотчин в начале XVIII столетия [5, ф. 236, оп. 1, д. 119; 6]. В соответствии с наказом из Монастырского приказа в них фиксировали зависимое население и его повинности в пользу землевладельца, а также «домовое» хозяйство патриарха. Целью исследования, отдельные результаты которого представлены в настоящей статье, было выявление территориально-хозяйственных комплексов, пригодных в качестве «модели» того или иного типа аграрной специализации патриарших вотчин. Объектом изучения стало патриаршее хозяйство в двух условно «южных» уездах.

Стольник Михаил Терентьевич Толубеев в апреле 1702 г. описывал владения кафедры в Елецком уезде (с. Студенец и

Истобное¹, д. Русакова), а в мае того же года — в Лебедянском (с. Куймань и Лубны, д. Сухая Лубенка) [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 960—981 (Лебедянский уезд), л. 982—991 (Елецкий уезд)]. В описных книгах зафиксированы 224 крестьянских и один бобыльский двор. Патриарший дом рассматривал эти вотчины как единый административно-хозяйственный комплекс, что нашло отражение в описных книгах. Причины такого подхода установлены в результате изучения дополнительных источников, в том числе картографических. Среди последних отметим план окрестностей с. Студенец (1689 г.) [5, ф. 281, оп. 11, д. 4626, л. 14—15], карты 1724 г. на французском языке из собрания Жозеф-Николя Делиля в Национальной библиотеке Франции, выполненные Корнеем Бородавкиным и Никитой Соमारковым, планы Генерального межевания (ПГМ) по Задонскому, Липецкому и Лебедянскому уездам.

На карте «Territoire de Lébédian» идентифицированы патриаршие села Лебедянского уезда — Куймань (Kouïman) и Лубны (Loubna); д. Сухая Лубенка на ней нет, как нет ее и в переписных книгах Лебедяни и Лебедянского уезда И. А. Дамогацкого 1710 г. Этимология всех трех названий прозрачна: они произошли от местных гидронимов. Речку Сухая Лубна удалось обнаружить на ПГМ Липецкого уезда; это левый приток р. Лубна. В конце XVIII в. на ее берегах находились, фактически слившись в одно целое, с. Вешеловка и Знаменское. Очевидно, что первое — это бывшая д. Вешеловка (Vechelovka), в 1724 г. отмеченная картографами на левом же берегу Лубны. В упомянутой выше переписи 1710 г. опись д. Вешеловка идет вслед за описями с. Куймань и Лубны, но раньше патриаршей же д. Донская. Сопоставление имен жителей д. Сухая Лубенка по описным книгам 1702 г. и д. Вешеловка по описанию 1710 г. свидетельствует, что это одна и та же дерев-

¹ Составитель книг 1702 г. последовательно пишет «Истобное»; сохраняем это написание при цитировании текста.

ня, или же речь идет о переселении большой группы крестьян на незначительное расстояние от прежнего места жительства [5, ф. 1209, оп. 1, д. 1134, л. 103—105].

Деревня Донская Патриаршая (Donskaia Potryiarchia) на карте 1724 г. изображена в устье Лубны, на ее правом берегу. В переписной книге Лебедянского уезда 1710 г. в ней зафиксировано 9 дворов. Согласно «скаске» старосты Тимофея Федорова сына Челединова, «те вышписанные крестьяне переведены ис Тульского да из Володимерского уездов и поселена та деревня после переписных книг 186 году» [5, ф. 1209, оп. 1, д. 1134, л. 106]. Однако не все они поселились здесь в качестве новоприходцев, часть жителей деревни перешла сюда уже в ходе «внутренней колонизации» вотчины. Так, сам староста идентифицирован в описных книгах М. Т. Толубеева в с. Истобное Елецкого уезда, где он записан во дворе Фетиса Левонтьева сына Челединова как двоюродный брат дворовладельца [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 989]. Из текста описи 1716 г. следует, что и Фетис переселился в д. Донская [5, ф. 350, оп. 1, д. 225, л. 567].

Согласно переписной книге Елецкого уезда 1716 г., в с. Истобное не было «живущих» крестьянских дворов. Записи начинаются с констатации: «двор пуст, строения нет», далее перечислены имена дворовладельца и членов семьи, даны разной степени конкретности сведения о причинах и времени «убыли» и, если известно, местонахождении крестьян:

Оной Максим з женою и с зятем и свойственники померли в 713 году.

Оной Никита з женою с детми и с зятем все без остатку безжали безвесно в 713 году.

Оной Кирей з женою и с детми и с зятем все без остатку перешли в Лебедянской уезд в село Куймань и живут себе двором с 715 году.

Оной Иван з женою и детми перешел в Лебедянской уезд в село Лубну и живет себе двором в 713 году) [5, ф. 350, оп. 1, д. 115, л. 833—839].

Обращение к соответствующим описям позволяет найти некоторых из них, например, старосту с. Истобное в 1702 г. Петра Наклескина, который обустроился в с. Лубны [5, ф. 350, оп. 1, д. 225, л. 558].

Село Истобное и тянувшая к нему д. Русакова в описи 1702 г. отнесены к Бруслановскому стану Елецкого уезда, однако на карте «Territoire de Talets» (1724 г.) они отсутствуют. Поскольку из книг стольника Толубеева известно, что крестьяне этих двух поселений исполняли полевую барщину в лебедянском с. Лубны (подробнее см. ниже), можно думать, что расстояние между ними допускало разумную организацию таких работ. На ПГМ Задонского уезда на левобережье Лубны обнаружены «Истобной овраг» и с. «Калинино, Истобное тож». Kalinino помечено на карте «Territoire de Talets». Картографами также показана дорога, связывавшая его с устьем р. Лубянка (Loubianka) и перевозом через Дон — к селам, относившимся к Бруслановскому стану Елецкого уезда. Очевидно, что административно-территориальная принадлежность с. Истобное и д. Русакова к нему была обусловлена историей сельского расселения.

При этом сам перевоз обозначен там, где на карте «Territoire de Lébédian» помещена д. Донская Патриаршая. Самой деревни на карте «Territoire de Talets» нет, как, впрочем, и других поселений Лебедянского уезда. Можно предположить, что «елецкая» д. Русакова 1702 г. и «лебедянская» д. Донская 1710 г. — это одно и то же поселение. Если данная гипотеза верна, то местоположение при переправе через Дон объясняет наличие в малодворной д. Русакова (всего два крестьянских двора) представителя владельческой администрации: «Двор служен Данила Лукьянова сына Гостева» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 990]. Расстояние от с. Истобное до с. Лубны около 10 верст, что безусловно не могло служить препятствием для участия крестьян в полевых работах на землях лебедянской вотчины.

Патриаршее с. Студенец Засосенского стана Елецкого уезда показано на карте «Territoire de Talets» под более поздним названием Патриаршее (Potriiarcha) вблизи устья р. Студенец (Stoudenets), левого притока Дона. Различить вотчину патриарха и находившееся выше по течению той же реки с. Студенец (Верхний Студенец) позволяет ранее упомянутый план 1689 г., ПГМ Задонского уезда, а также известие о посвящении приходского храма: «В нем церковь Богоявления Господня». Таким образом, вотчины патриарха в Елецком и Лебединском уездах располагались довольно компактно на сопредельных землях левобережья Дона и его левых притоков.

Патриарший стряпчий Иван Левонтьев сын Тяпкин, старосты с. Куймань Макар Дашков, с. Лубны Иван Киреев, д. Сухая Лубенка Трофим Чюликов и выборные крестьяне (сотский и десятские) сообщили переписчику, что «денежного оброку и никаких поборов, и податей с них нет, для того что пашут десятинную пашню и подати великого государя всякие платят» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 981]. В их «скаске» зафиксировано, что в селе Куймань «пашут тое десятинную пашню села Куймани крестьяне», а также размеры озимого поля («посеяно ржи к нынешнему 1702-му году сто десятин»). Полевая барщина в с. Лубны была организована несколько иначе: «Пашут тое пашню села Лубны, села Истобного, деревни Сухой Лубенки крестьяне вместе». В с. Лубны на 30 дес. домовый пашни патриарха была посеяна рожь. «Скаска» старосты с. Истобного Петра Наклескина, содержание которой нашло отражение в елецких описных книгах М.Т. Толубеева, позволяет конкретизировать меру участия в таких работах крестьян этого села и д. Русакова: «Те вышписанные крестьяне села Истобного пашни пашут под рожь и под яровой всякой хлеб по десяти десятин, а деревни Русаковой по три десятины в поле, а в дву потому ж». В той же «скаске» указан и размер этой десятины: «А мерою в длину восемьдесят, поперег по тридцати сажень» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 990]. А.Н. Сахаров отмечал,

что в подмосковных селах патриарха «большая» десятина была введена указом 1688 г. [2, с. 60—61]. В расчете на принятую на домовый пашне патриарха десятину лебедянские озимые поля оказались равны 75 и 22,5 дес., то есть 97,5 дес. в двух селах. В с. Куймань ржи было высеяно 150 четв., в с. Лубны — 44 четв. Следовательно, в патриарших вотчинах в Лебедянском уезде высев ржи на десятину пашни составил 1,47—1,5 четв., или 1,96—2,0 четв. в пересчете на «большую» десятину.

Что касается яровых полей, то, согласно источнику, в с. Куймань «под яровой всякой хлеб прежней пашни восмдесят пять десятин, ныне в прибыль насеяно пятнатцать десятин, всего сто десятин», в Лубнах — «под яровой всякой хлеб прежней пашни дватцать девять десятин, да вновь шесть десятин, всего тритцать пять десятин». Следовательно, после расширения запашки лебедянское яровое поле достигло 135 дес., или в пересчете на «большую» десятину — 101,25 дес. Таким образом, в 1702 г. яровое поле превышало озимое менее чем на 4%.

В с. Студенец, согласно «скаске» мирского старосты Федота Лапенина, имело место равенство озимого и ярового полей: крестьяне «преж сего пашни пахали и ныне пашут под рожь и под яровой всякой хлеб по сороку десятин в поле, а в дву потому ж». В этой вотчине «большая» десятина уже введена: «мерюю десятина в длину по осмидесят, поперег по сороку сажен» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 987]. Высев здесь составил 1,9 четв. на десятину, так как из сельскохозяйственных культур в описных книгах названа только рожь: «Посеяно ржи семдесят шесть чети».

Таким образом, общая площадь озимого поля в с. Куймань, Лубны и Студенец составляла 141,25 дес. Сопоставление с данными из описных книг других владений патриарха начала XVIII в. свидетельствует, что это больше, чем в любом из домовых сел, где была владельческая запашка, в том числе в подмосковных. Показательны результаты сравнения с вотчинами, куда, согласно источникам, патриаршие крестьяне в качестве отработочной повинности отправляли подводы под хлеб.

Так, старосты владимирских домовых с. Сеславское и Богословское в своей «скаске» сообщили, что они «в Ярымовскую волость по хлеб ездят по указу» (11 и 13 подвод в год). Крестьяне с. Покровское (Переславль-Залесский уезд) посылали «под домовый святейшаго патриарха хлеб в Ярымовскую волость или в Венев Николаевской монастырь по тринадцати подвод на год» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 264, 275, 866]. Оказалось, что в лебедянско-елецкой вотчине в 1702 г. площадь под рожью была больше, чем в Ярымовской волости (Муромский уезд, 100 дес.), но несколько меньше, чем пахали «на патриарха» во всех селах домового Венева монастыря (Тульский уезд) [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 808; д. 217, л. 70]. На десятину озимых полей здесь высевалось столько же или немного меньше семян, чем в подмосковных вотчинах (в тот год в с. Пушкино, Куркино, Троицкое-Голенищево отводилось 1,98—2 четв. на десятину), и существенно меньше, чем в нижегородской Спасской волости (3 четв. на десятину) [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 103, 111, 153, 501]. Ранее уже приходилось писать о том, что тенденция к загущению посевов в первой половине XVIII в. была характерна для большинства церковно-монастырских владений Нижегородского уезда, где высев ржи колебался в интервале 1,5—3,08 четв. на десятину [7, с. 105].

Составить некоторое представление о выращивавшихся яровых культурах можно, обратившись к «посевному списку» куйманьского приказчика Л. М. Лопухина, поступившему в Патриарший дворцовый приказ 22 июня 1704 г. Согласно этому документу, «маяя в розных числех» в селах кафедры в Лебедянском и Елецком уездах сев был произведен на 168 дес. ярового поля². Приказчик также сообщает: «Да в нынешнем же, государь, 1704 году роспахал я, холоп твой, изготовил домовыми крестьяны обложной земли во всех трех селах сто десять десятин к севу под рожь в предидушей год» [5, ф. 236, оп. 2, д. 65, л. 1]. Выражение «предидушей год» использовано в общепринятом для того времени значении — «наступающий,

² Счет мой. — *Н. С.*

предстоящий». То есть речь идет о подготовке пара под озимый сев. При трехпольном севообороте неравенство полей встречается нередко, но в данном случае яровое поле превосходило пар на 52,7%. По-видимому, столь значительное увеличение его площади следует рассматривать в контексте уже состоявшейся передачи вотчин в ведение Монастырского приказа.

Из яровых культур в 1704 г. высевались овес, гречиха, просо, горох, ячмень, пшеница, семя конопляное («на огороде», во всех трех селах, но в небольшом количестве — от осьмины до 2 четв.) и мак (1 дес. в с. Куймань). Максимальные площади были отведены под овес; во всех трех селах засеяно 91 дес. (или 54,2% ярового поля). На втором месте — гречиха (37 дес., или 22,0%). Существенно меньше была доля посевов проса и гороха (14 и 15 дес. соответственно, то есть 8,3 и 8,9%). Ячменем и пшеницей было засеяно всего 6 и 4 дес. По данным Топографического описания Воронежской губернии 1785 г., там высевались те же культуры и в близких пропорциях [8, с. 39]. Нормы высева трех культур в разных селах были одинаковы: горох — 1 четв. на дес., пшеница и гречиха — по 1,5 четв. По трем другим хлебам высев несколько отличался: для овса — 3,0—3,9 четв. на дес., для проса — 0,33—0,5, для ячменя — 1,5—2,17. Высев на дес. в Студенце меньше или равен лебедянскому, что, вероятно, означает унификацию размера десятины.

Рента, отображающаяся в описи при помощи формул «десятинная пашня» или просто «пашня» («А пахут тое десятинную пашню села Куймани крестьяне...», «крестьяне села Истопного пашни пахут под рожь и под яровой всякой хлеб...»), на практике включала весь цикл земледельческих работ, а также участие крестьянской общины в хранении и учете хлеба. Патриаршие житницы упомянуты в описях 1702 г. во всех трех селах, где была владельческая запашка. В с. Куймань две житницы включены в перечень построек на так называемом домовом дворе, еще пять — как отдельно стоящие: «Подле коного двора пять житниц з замками, крыты драбью». В с. Луб-

ны и Студенец было по две житницы [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 974, 976, 978, 988]. Мирскими целовальниками велись книги для записи «что с той десятинной пашни в гумнах по окладу и по опыту, и в житницах бывает всякого хлеба порознь сколко чети в приходе и в росходе» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 981]. Выпись из ужинно-умолотных книг была представлена переписчику: «А что в том селе какова хлеба к нынешнему 1702-му году ржи и всякого ярового хлеба ужато и почему умолот ископны и то писано в записке села Студенца целовальника Никифора Некрасова» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 988].

В описных книгах М. Т. Толубеева каких-либо, даже косвенных, упоминаний о подводной повинности для перевозки хлеба в Москву нет, хотя обычно она в понятие «пашни» не входила и регламентировалась особо. Очевидно, аграрная специализация елецких и лебедянских патриарших сел требовала иного подхода и логистики. Согласно ведомостям 1723—1725 гг., под хлеб в Венев и Лебедянь посылалось из других вотчин 353 подводы [1, с. 227—228]. Вопрос о домовых «конюшенных дворах» в с. Куймань и Лубны выходит за рамки данной статьи. Отмечу лишь, что структура конского поголовья [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 975, 979], наличие в вотчине «потомственных» конюхов, а также «коновала», которому вместо денежного жалования еще в 1692 г. был дан земельный надел на тех же условиях, что и патриаршим слугам³, свиде-

³ «Автамон Екимов сын Коновал сказал отец ево Еким и он Автамон з братьями з Данилою, с Ываном, с Самойлою, с Миною государевы дворцовые крестьяне Богород «Автамон Екимов сын Коновал сказал отец ево Еким и он Автамон з братьями з Данилою, с Ываном, с Самойлою, с Миною государевы дворцовые крестьяне Богородицкого уезду кого уезду села Михайловского, и он Автамон з братом Данилою живут в вотчине Святейшаго патриарха, он Автамон в селе Куймани у домовых лошадей коновалом, и вместо денежного жалования по указу Святейшаго патриарха 200-го году июня 11 числа за приписью дьяка Матвея Кувшинова дано ему земли против слуг полтрети десятины в поле, а в дву потому ж» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 970—971].

тельствует, как минимум, о намерении Патриаршего дома разводить на Дону лошадей. Возможно, с этим связана и высокая доля овса в яровых посевах. Наконец, такое предположение позволяет высказать рациональную версию о причинах переселения сюда жителей владимирской Багачевской волости. На момент описания она была на денежном оброке, но ретроспективно прежняя специализация ее населения вполне угадывается: «Да они ж платили на Москве на патриарш конюшенной двор конюшенных припасов на год десетеры сани красные, десетеры сани дровни... пятьдесят дуг, сто запряжей оглобель санных, сто запряжей оглобель тележных с крюками...» [5, ф. 236, оп. 1, д. 119, л. 329, 363, 369, 375]. В описи 1702 г. две деревни Багачевской волости были записаны под одинаковым названием Коняева, а еще одна — как д. Конюшня.

Таким образом, выбор патриаршей кафедрой хозяйственных стратегий в Елецком и Лебедянском уездах и ее активная деятельность по расширению этих владений, аграрная специализация и структура вотчинного хозяйства, как они представляются по описям 1702 г., в значительной степени были обусловлены природно-географическим фактором.

Список источников и литературы

1. *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988—1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871.

2. *Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII века: По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.

3. *Гамаюнов А.И., Клоков А.Ю., Найдёнов А.А.* Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Лебедянский район. Липецк, 2009. Ч. 1.

4. *Соколова Н.В.* К вопросу о секуляризации церковных владений в начале XVIII в. (на материалах описных книг патриарших вотчин в Елецком и Лебедянском уездах) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2022 год. Липецк, 2023.

5. *Российский государственный архив древних актов.*

6. *Соколова Н.В.* Описание владений Патриаршего дома начала XVIII века как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 127—140.

7. *Соколова Н.В.* Аграрные технологии в Нижегородском крае в XVII — середине XVIII в. (по материалам монастырских вотчин) // Аграрные технологии в России IX—XX вв. : матер. XXV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999.

8. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.

Л. Г. Степанова

**Споры о меже и установление границ
земельных владений в конце XVIII —
первой половине XIX века**

Анализируются способы разрешения земельных конфликтов в период проведения Генерального межевания. Особое внимание уделяется правилам разрешения конфликтных ситуаций и конкретным спорным делам на южных территориях, присоединенных к России во второй половине XVIII в.

The article analyzes the ways of resolving land conflicts during the period of the General Land Survey. Special attention is paid to the rules for resolving conflict situations and specific contentious cases in the southern territories annexed to Russia in the second half of the XVIII century.

Ключевые слова: Генеральное межевание, земельные споры, Новороссия, Екатеринославская губерния

Keywords: general survey, land disputes, Novorossiya, Yekaterinoslav guberniya

При проведении Генерального межевания земель Российской империи Екатерина II считала важным установить правильные и несомненные границы поземельных владений. В основание межевания была положена презумпция законности землевладения. Однако объектом межевания выступали не владения, а отдельные территории [1, с. 24], которые составля-

ли с определенным поселением один хозяйственный комплекс. Такой подход позволял значительно сократить количество земельных конфликтов и разрешить спорные ситуации в результате полюбовного развода [2, с. 26]. Важным стал также принцип фиксации границ владений на дату издания Манифеста о Генеральном межевании, который позволял прекратить споры об излишках земли. В случае полюбовного размежевания выявленные лишние земли признавались государственными и даровались владельцам. В процессе Генерального межевания надо было не только установить границы земельных владений, но и описать их, указав при этом неизменяющиеся признаки, позволяющие отличить одну дачу от другой. Это давало определенные гарантии при уничтожении межевых знаков [3, с. 85].

Для проведения межевых работ землемеры снабжались ведомостями о землях, копиями планов последнего межевания, инструкцией и наставлениями Сената [4, ф. 1294, оп. 6, д. 3, л. 9]. После прибытия к месту межевания землемер запрашивал отводные сказки у владельцев дач, в которых они рассказывали о соседних дачах и их владельцах и давали подписку отводить свои земли справедливо, исполнять законные требования землемера, не заводить на меже ссор и драк. После этого землемер рассылал повестки владельцам соседних дач о явке на межевание, обозначал его место и время. Одновременно землемеры отбирали из крестьян соседних селений понятых для свидетельствования устанавливаемых границ и приводили их к присяге [4, ф. 1294, оп. 6, д. 3, л. 11—13].

В «Наставлении Правительствующего Сената» были описаны формы межевых знаков и правила их установления [5, с. 905—908]. Во всех местах на повороте межи ставилась астрлябия, там же водружались деревянные двухаршинные столбы с выжженными государственными гербами. В случае отсутствия леса на местности ставились каменные и кирпичные столбы или рылись треугольные ямы. На расстоянии сажени

от столба впереди по меже выкапывалась квадратная яма глубиной в 3 аршина и шириной в 1,5 саж. Для определений границы на местности предписывалось ее линию оставлять чистой, а вырытую из ямы землю выбрасывать на левую и правую сторону от межи. Еще одним межевым признаком служили угли или дикие камни, ложившиеся на дно ямы. Они позволяли ее обнаружить, когда стирались на поверхности внешние признаки. В начале межевания предписывалось вырывать 2 межевые ямы и класть в них по 5 камней, в остальные ямы клали по 3 камня. При длине межи более 500 саж. межевые ямы должны были рыться через каждые 250 саж. [6, с. 127].

Обнаружение границ между земельными владениями облегчалось наличием на них или рядом с ними различных географических объектов — живых урочищ, служащих ориентиром на местности (леса, болота, реки, овраги, холмы). Межевые столбы в таком случае ставились в больших излучинах или в начале и в конце межи. Если подобные ориентиры отсутствовали, на дачной меже необходимо было делать плугом межники (межполосья или запущенные полосы меж полей и пашен) или рубить просеки шириной в 1 саж., на городской и уездной меже — в 3 саж. При этом межевые ямы закладывались через каждые 150 саж. На каменистом грунте и в поймах рек полагалось возводить межевые курганы до двух аршин в высоту.

В возникавших земельных спорах право владения землей подтверждалось не только документами, но и фактом беспорного владения землей до 1765 г. Среди документов важную роль играли писцовые книги, причем более поздние по времени составления, в которых отражались земельные меры и приводилось подробное описание живых урочищ. Благодаря этому можно было точнее определить расстояние между урочищами или до проложенной межи, что позволяло сделать межевание бесспорным, а владение землей непоколебимым [3, с. 90].

Споры, возникавшие при Генеральном межевании о границах между селениями, должны были разрешаться провинциальными конторами или губернскими канцеляриями. Споры о праве владения передавались для разбирательства в Вотчинную коллегию. В затруднительных ситуациях межевые конторы могли послать запросы в межевые канцелярии, те, в свою очередь, обращались за разъяснением в Межевую экспедицию Сената. Эта инстанция была последней и могла обращаться с докладами к самой императрице. После рассмотрения докладов Межевой экспедицией Сената издавались именные указы по конкретным ситуациям.

Межевание новых южных территорий, включенных в состав России по результатам русско-турецких войн в XVIII в. и имеющих особенности землевладения, привело к созданию специальных правил. В правление Александра I в 1802 г. были утверждены правила размежевания Новороссийской губернии. На территории Новороссии предписывалось проводить полюбовные разводы только между казенными поселениями и владельческими дачами, пожалованными указами в вечное потомственное владение. Однако для пожалованных с 1764 г. дач полюбовные разводы разрешались только тогда, когда их границы не были обозначены на губернских и уездных планах и описание этих границ не находилось в выданных документах [7, с. 92].

Для разрешения споров Новороссийское губернское правление и Новороссийская казенная палата должны были предоставлять в Межевую канцелярию подтверждающие право на землю документы и копии с Генерального губернского плана, уездных планов и копии планов, выданных частным владельцам и селениям [4, ф. 1308, оп. 5, д. 205, л. 1—2]. В документах особое внимание обращалось на исчисление количества земли и подробное описание всех имевшихся во владениях живых урочищ. При проведении межевания вводилось правило не отбирать незаселенные земли спустя 10 лет после их выделения, если за них исправно поступают деньги в казну.

Землемерам предписывалось проводить межевание по циркулю, то есть по порядку следования, однако в 1802—1803 гг. были выявлены отклонения от такого порядка [4, ф. 1308, оп. 5, д. 135, л. 20—21]. Землемеры объясняли их ожиданием из правления планов и полевых записок для уточнения необходимых сведений по ряду дач. Ранее составленные на них планы оказались сочинены не по нужному масштабу, без обозначения ромбов и линий, смежных территорий, нередко на них отсутствовали подписи, не обнаруживались полевые записки. При проверке выяснялось, что «в натуре нет меж и признаков, да и владельцы отводы свои делают не согласно тем планам, чрез то между ими происходят споры» [4, ф. 1308, оп. 5, д. 135, л. 24]. Предоставляемые в течение последующих лет на проверку планы дач нередко имели неточности в измерении и установлении границ [4, ф. 1308, оп. 5, д. 86, л. 3; д. 229, л. 1—28]. Поэтому владельцы получали планы и межевые книги только на бесспорно отмежеванные дачи [4, ф. 1308, оп. 5, д. 128, л. 29; д. 129, л. 207, 10—1, 16—22]. В свою очередь, рассмотрение спорных дел и жалоб тормозило весь ход межевания [4, ф. 1294, оп. 5, д. 274, л. 1—8].

В 1820 г. с учетом межевой практики было утверждено Высочайшее мнение Сената, основанное на разрешении различных казусов при Генеральном межевании в Екатеринославской и Херсонской областях. Оно предписывало отмежевывать к селениям казенного ведомства и иностранных поселян то количество земли, какое состоит в их владении по отводу местного начальства. Землемерам запрещалось отрезать излишние земли или, наоборот, добавлять не хватающие в расчете на мужскую душу (м. д.), поскольку наделение землей казенных крестьян Новороссийского края зависело от специально создаваемых комитетов. Пожалованные Высочайшими указами земли на вечное и потомственное владение оставались за ними или за их преемниками, но на них не распространялись льготы к заселению и платежу поземельных податей.

Без изменения количества земли и в тех же границах утверждались земельные владения, которые были назначены с выдачей планов, межевых книг и других документов. За владельцами также утверждались полученные от местного начальства земли, за которые исправно поступали в казну поземельные деньги, а также находящиеся на льготе либо назначенные в отвод, но еще не отведенные и не обмежеванные.

Самовольно заселенные владельцами поросшие казенные земли требовалось отмежевать по норме 30 дес. на 1 м. д. со взысканием в казну 50 коп. за пашенную десятину и 2 руб. — за лесную. Излишние и незаселенные земли у государственных крестьян нужно было оставить за ними, взыскав в казну такие же суммы. При неуплате средств излишние земли забирались в казну. Все излишние и самовольно захваченные земли у военных поселян обращались в военное ведомство. При самовольном завладении казенной землей уже после проведения Генерального межевания она отбиралась, а поселение сносилось со взысканием штрафа за пользование землей [8, с. 77—78].

Землемерам предписывалось обходить с поверкой все земли, не только отведенные под казенные поселения и розданные помещикам, но и поросшие, утверждать межи по указанным в специальных планах границам, которые отмечены в документах, а также на местности межевыми признаками. Полюбовное размежевание могло проводиться только в случае, если земли находились между казенными селениями и полученными в вечное и потомственное владение без всяких кондиций владельческими дачами. Формальные межи по полюбовным разводам можно было прокладывать только тогда, когда земли не граничили с казенными пустопорожными землями. В соответствии с планами и документами устанавливалась граница с казенными землями. Если между казенными поселениями возникали земельные споры, то рекомендовалось применять общие межевые законы и делать обыски по межевым

местам, обозначенным не позднее 25 июня 1797 г., когда вышел указ о Генеральном размежевании Новороссийской губернии [8, с. 78].

В Высочайшем мнении Сената от 1820 г. содержались правила установления бесспорных границ для всех владельческих дач, которые были пожалованы с условиями освоения, заселения и уплаты поземельных денег после истечения льготных лет. При невыполнении этих условий над ними висела угроза возврата в казну. Правила регламентировали также установление границ дач с поросшими казенными участками. При утверждении границ и в спорных ситуациях показания понятых и полюбовные разводы землевладельцев не учитывались, требовалось предоставлять документы на землю либо отыскивать межевые признаки. Землевладельцы в качестве подтверждения своих прав могли предоставлять специальные планы, где были очерчены границы межи. Но при расхождении с генеральным планом они не учитывались. При выявлении нескольких хозяев одного участка земли в приоритете был тот, кто ее получил раньше и все правильно узаконил. обстоятельное описание земель следовало представить в Правительствующий Сенат [8, с. 82].

Особое внимание Сенат уделил днепровским плавням, лежащим в основном в Таврической губернии, которые также выступали границей между Екатеринославской и Херсонской губерниями [4, ф. 1294, оп. 6, д. 79, л. 1]. Плавни располагались между реками Днепром и Конкой и предоставляли поселенцам камыш и лес, необходимый для плетневых строений. Поначалу ими пользовались жители Херсонской и Екатеринославской губерний, которые поселились в этих краях раньше, чем жители Таврической. Но впоследствии стали возникать споры и конфликтные ситуации между жителями различных мест [4, ф. 1294, оп. 6, д. 82, л. 1—20]. В особом мнении Сената предлагалось разделить количество десятин в плавнях, которые принадлежали казне, на число душ в казенных поселениях и назначить каждому селению свои участки до реки [8, с. 83].

В межевом отделе РГАДА сохранилось большое количество спорных дел, заводившихся в процессе проведения межевых работ. Только по Екатеринославской губернии хранятся 1285 дел, относящихся к 1789—1865 гг. Изучение их материалов показывает, что рассмотрение и само разрешение спорной ситуации могло длиться от года до нескольких лет. Так, в 1798—1800 гг. рассматривалось спорное дело о дачах с. Лоцманской Каменки и Старый Кайдак, а также Ямбургской колонии владения казенных лоцманов [4, ф. 1308, оп. 2, д. 66—69]. За 1803—1804 гг. разрешился спор о дачах казенного селения, ставшего г. Ореховым, а также казенного селения Малой Токмачевки и с. Малой Токмачевки владения Константинова и казенных поселян [4, ф. 1308, оп. 2, д. 576]. С 1827 по 1831 г. рассматривалось спорное дело о дачах с. Елизаветовки и д. Кириловки [4, ф. 1308, оп. 2, д. 428—434].

Спорное дело о дачах с. Федоровки с пустошами и с. Андреевки с пустошами владения Мамаева, Сактимовой и казенных поселян велось с 1815 по 1825 г. [4, ф. 1308, оп. 2, д. 467—472]. В 1804 г. по прошению госпожи Ивановой было заведено спорное дело о пустоши Осиновой, на которой была поселена д. Михайловка. Спор был завершён только в 1826 г. При его рассмотрении были затребованы 7 полевых записок, в том числе 2 полевые записки, составленные на пустошь Осиноватую, 2 полевые записки на пустошь Сергиеву, полевые записки на д. Михайловку, Александрополь, Гурьяновку, а также специальные геометрические планы на эти и все спорные дачи. Из-за большого объема документов, накопившихся за 22 года, дело занимает десятки томов [4, ф. 1308, оп. 2, д. 202—228].

С 1798 по 1831 г. длилось рассмотрение спорного дела, заведенного по рапорту землемера Калдырева о дачах, принадлежащих различным владельцам и казенным поселянам. К числу спорных были отнесены земли пустошей Лизовой, Градовки, Галищиковки, сельца Петровского, д. Креничной, д. Мирья-

новской, с. Колинова, селец Яшкобродского, Новоселки, с. Покровского, пустоши Бахмутовки, с. Скотоватого, пустоши Буловинской, с. Бахмутовки, слободы Новопавловки. За 33 года спора было изучено большое количество документов, затребованы 16 полевых записок, уменьшенные и скопированные планы спорных земель и смежных дач [4, ф. 1308, оп. 2, д. 267—294].

Как показывает изучение спорных дел, разрешить многие земельные конфликты на новых территориях с учетом старых правил Генерального межевания не удавалось. Трудности были обусловлены сложившимися с начала освоения этих территорий формами землеустройства, отражавшими одновременные процессы формирования помещичьего землевладения и колонизации новых земель казенными крестьянами и иностранными колонистами, а также различным хозяйственным устройством и неравномерным расселением жителей. Для регулирования земельных отношений было очень важно знать истинное состояние земель, организовать их учет и оценку. Появившийся опыт межевания новых владений и разрешения спорных ситуаций лег в основу разработки специальных правил, применимых в Новороссии и учитывающих особенности землевладения и землепользования на этой территории.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-28-00330 (<https://rscf.ru/project/22-28-00330>).

Список источников и литературы

1. *Яхонтов А. П.* Межевание, земельная регистрация и кадастр (Краткий курс лекций, читанных на землеустроительных курсах в 1924 г.). Харьков, 1925.
2. *Краткие сведения по истории межевания в России.* Выдержки из Журнала Министерства Юстиции. Киев, 1909.
3. *Малиновский Ф. Л.* Исторический взгляд на межевание в России до 1765 г. СПб., 1844.
4. *Российский государственный архив древних актов.*

5. *Наставление* Правительствующего Сената из Межевой Экспедиции определенным к Государственному земель размежеванию землемерам. Июля 1766 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XVII, №12711. М., 1830.

6. *Ермаков Н.А.* О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854.

7. *О правилах* Генерального размежевания земель в Новороссийской, что ныне Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии, о разрешении споров и выдаче планов. 7 апреля 1802 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVII, №20219. М., 1830.

8. *О правилах* в разрешении казусов, встретившихся при производившемся в Екатеринославской и Херсонской губерниях, генеральном земель размежевании. 27 февраля 1820 г. // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXXVII, №28171. М., 1830.

В. Н. Никулин

**Отечественная историография
управления крестьянами Сибири
во второй половине XIX — начале XX века**

Представлен анализ дореволюционной исторической литературы, в которой рассматривались различные стороны управления крестьянами Сибири в пореформенный период. Сделан вывод о том, что дореволюционные исследователи добились несомненных успехов в изучении затронутой проблемы.

The article contains an analysis of pre-revolutionary historical literature, which examined various aspects of the management of peasants in Siberia in the post-reform period. It is concluded that pre-revolutionary researchers have achieved undeniable success in the study of the problem.

Ключевые слова: Сибирь, крестьяне, сибирские крестьяне и органы управления, мировые посредники Алтая и Забайкалья, чиновники по крестьянским делам, крестьянские начальники, крестьянские органы самоуправления, историография

Keywords: Siberia, peasantry, Siberian peasants and authorities, peasant arbitrators, Altai and Transbaikalia, peasant affairs, peasant superiors, peasant self-government bodies, historiography

В России второй половины XIX — начала XX столетия не было специального сословного управления дворянством, духовенством, купечеством и мещанством, однако было таковое

в отношении крестьянства. Идея особого управления самым многочисленным крестьянским сословием была высказана еще в период подготовки реформы по освобождению крепостных крестьян. О серьезном значении, которое придавало правительство проблеме управления крестьянами после ликвидации крепостного права, свидетельствует факт создания в составе Редакционных комиссий специального административного отделения. В марте 1860 г. в докладе комиссии о губернских и уездных учреждениях, созданной при МВД для подготовки проекта положения о мировых посредниках и уездных мировых присутствиях, было отмечено, что подавляющее большинство губернских комитетов «стремятся более или менее удержать особенность и отдельность управления крестьянскими обществами и поставить это управление в тесную связь с интересами дворянского сословия» [1, с. 19]. Позже эта идея будет законодательно оформлена в положении 19 февраля 1861 г. и распространена на все категории российского крестьянства.

Пореформенный период был временем стремительного развития буржуазных отношений в России. Заметную роль в этом сыграла Сибирь, ставшая на рубеже XIX—XX вв. главным колонизируемым районом страны, местом распространения капитализма «вширь» [2, с. 4; 3, с. 5]. В стране происходят серьезные изменения в системе управления крестьянством, затронувшие и Сибирь. Была осуществлена перестройка всей системы местного управления, имевшая своей целью усиление контроля над сибирской деревней — от Главных управлений Западной и Восточной Сибири (упразднены соответственно в 1882 г. и 1887 г.) [4, с. 391; 5, с. 391] до органов крестьянского самоуправления. Крупные административные преобразования были связаны с распространением принципов крестьянской реформы 1861 г. на все категории сельского населения Сибири, а также с созданием специальных правительственных органов надзора и управления в деревне.

Аграрный кризис 1880-х гг. в России, бедственное положение крестьян, стремительный рост переселенческого дви-

жения из центральных губерний в Сибирь в конце XIX — начале XX столетия, поземельные споры и столкновения, возникавшие между старожилами и переселенцами [6; 7], и другие факторы, подтолкнули правительство к пересмотру существовавшего законодательства о крестьянах, в том числе в области управления самым многочисленным сословием. В результате предпринятых шагов в центре страны появились земские участковые начальники (12 июля 1889 г.) [8, с. 508—524; 9, с. 366—401], а в Сибири — их коллеги в лице крестьянских начальников (2 июня 1898 г.) [10, с. 403—415; 11, с. 170—175]. Под председательством С. Ю. Витте в 1902 г. было открыто Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Его филиалами стали местные комитеты в губерниях и областях империи, в том числе и в Сибири. Анализ трудов Особого совещания и местных комитетов свидетельствует, что ими было уделено значительно больше внимания вопросам организации местного управления и правовому статусу крестьян, нежели отношениям собственности и рациональной организации сельскохозяйственного производства [12].

В отечественной историографии проблема управления крестьянами в пореформенный период до сих пор является одним из наименее изученных вопросов социально-политической истории Сибири. На необходимость тщательного и всестороннего изучения данного вопроса неоднократно указывали в своих публикациях историки-сибиреведы. В 1969 г. на ноябрьском Симпозиуме по истории рабочего класса и крестьянства Сибири в своем постановочном докладе Л. М. Горюшкин вполне справедливо указал на слабую изученность административной политики царского правительства в регионе. Отметив, что система управления оказывала серьезное влияние на хозяйство крестьян, различные стороны их повседневной жизни, докладчик сообщил: «Мы пока не имеем работ о крестьянском волостном и сельском самоуправлении, уездных и губернских учреждениях, ведавших крестьянскими делами, их структуре, содержании и характере деятельности» [13,

с. 49, 67]. Несколько позднее Л.М. Горюшкин, Ф.А. Кудрявцев и В.Г. Тюкавкин отнесли управление к основным проблемам общесибирской истории эпохи капитализма, требующей своего исследования [14, с. 188]. Стоит сразу отметить, что в этом направлении историками сделано немало и каждый год появляются работы, заполняющие те или иные пробелы в изучении темы.

Традиция исследования управления крестьянами и его структуры сложилась еще в дореволюционной России. Она представлена в основном работами, в которых ученые анализировали крестьянское законодательство, характеризовали сословно-правовое положение крестьян, деятельность органов крестьянского самоуправления и института специальных правительственных агентов в российской деревне (труды В.П. Безобразова, М.М. Катаева, А.А. Корнилова, В.Ф. Левитского, А.А. Леонтьева, И.М. Страховского и др.) [15—21]. Так, А.А. Леонтьев подробно рассмотрел особенности сословно-правового положения крестьян и охарактеризовал его как прямой пережиток крепостного права. Он пришел к выводу, что на смену «всевластия» помещиков в дореформенный период пришло «всевластие» чиновников в пореформенное время. По его мнению, организация крестьянского самоуправления, поставленного под контроль государственного аппарата, «стоит в полном противоречии с требованиями нормального государственного строя, с идеей гражданского равноправия» и предложил провести «коренные реформы» — создать всесословную земскую единицу [19, с. 60, 103]. В.П. Безобразов значительное внимание в своих работах уделил крестьянскому самоуправлению, обстоятельно рассмотрел функции и деятельность волостных и сельских органов, убедительно показал их зависимость от местных государственных органов. Характеризуя многолетний период существования местных органов управления крестьянами, он пришел к неутешительному выводу: «...опыты устройства губернских и уездных по крестьянским делам присутствий... всего менее удались, всего более изоб-

личили несостоятельность нынешнего порядка нашей местной администрации» [15, с. XXI]. Книга И. М. Страховского представляет собой сборник, состоящий из очерков и статей, в которых содержится полная характеристика органов крестьянского волостного и сельского самоуправления. Сам автор рассматривал публикацию книги как попытку «*обзора крестьянских прав и учреждений*» [20, с. IV]. Показано влияние отмены крепостного права на крестьянское самоуправление, отмечены последствия реформы 1861 г. на положение волости и сельского общества. Автор сумел дать достаточно объективную оценку современной ему жизни крестьян.

А. А. Титов писал: «...стремление установить над крестьянами опеку не косвенно, через сельские сходы и помещика, а прямо, через своих чиновников, законодательство осуществило в законе 12 июля 1889 г. о *земских начальниках*, которые... будучи в огромном большинстве случаев местными помещиками, как бы вновь возродили в деревне крепостное право, являясь теми самыми “начальниками крестьянских обществ”, о которых мечтала крепостническая партия в 1857 г.» [20, с. 67—68].

Известный историк и общественный деятель А. А. Корнилов уделил большое внимание подготовке реформы 1861 г., подробно охарактеризовал деятельность Редакционных комиссий. Отдельные суждения историка справедливы и по сей день, но его вывод о том, что члены Редакционных комиссий «не желали брать за образец административное устройство крестьян в казенных селениях» является неверным. Корнилов писал, что подчинение крестьянского самоуправления правительственным органам в ходе реформы 1861 г. произошло случайно, независимо от истинных намерений членов Редакционных комиссий [17, с. 313—314, 327]. Несостоятельность такого вывода убедительно показал в своих работах академик Н. М. Дружинин [21, с. 551—566; 22, гл. I—II].

Специальным государственным чиновникам по управлению крестьянами в пореформенной российской деревне по-

священ трехтомный труд М.М. Катаева [16]. Автор собрал и расположил в хронологической последовательности материалы о подготовке законодательных актов об учреждении мировых посредников, чиновников по крестьянским делам, земских участковых начальников, последовательно сменявших друг друга в российской деревне, подробно охарактеризовал функции и прерогативы чиновников, стоявших в пореформенный период над крестьянами и олицетворявших «близкую к народу» власть.

Заметный вклад в изучение административной политики царского правительства в отношении сельского населения внес своими работами известный экономист и статистик А.А. Кауфман [23—25]. Значительная их часть посвящена исследованию крестьянской общины и переселенческой политики самодержавия; они содержат богатый фактический и статистический материал. Подробно взгляды А.А. Кауфмана на общину, ее роль в социально-экономической истории пореформенной России рассмотрены И.А. Полтараниным [26, с. 237—265; 27; 28, с. 111—117, 154—156]. В статье «Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г.» Кауфман остановился на анализе некоторых пунктов, которые рассматривали местные комитеты особого Совещания по крестьянскому делу. По мнению Кауфмана, их труды «...навсегда останутся важным источником и для изучения нужд русской деревни в первые годы двадцатого века, и для характеристики взглядов и настроений русского общества» [25, с. 7].

Кауфман исследовал влияние Сибирской железной дороги на сельское хозяйство и жизнь крестьян, охарактеризовал различные формы крестьянского землепользования и т.д. Он особо выделил два вопроса, живо обсуждавшихся в комитетах: об освобождении волостных правлений от административных и полицейских функций и сокращении состава выборной сельской администрации, а также ликвидации института крестьянских начальников [25, с. 1—32]. Автор крайне нелицеприятно высказался о последних. По его мнению, институт «крестьян-

ских начальников — это не только олицетворение личного бесправия сибирского крестьянина, но в то же время и отрицание самой идеи крестьянского самоуправления» [25, с. 23]. Выступая с критикой отдельных злоупотреблений местной администрации в Сибири или фиксируя тяжесть повинностей, лежавших на крестьянах, Кауфман предлагал ввести земства или в широких масштабах внедрить меры попечительного характера в отношении крестьян.

Отдельные стороны жизни сибирской деревни, положения крестьянства и системы управления были рассмотрены М. Н. Соболевым, известным экономистом и статистиком. В первом номере сборника статей «Сибирские вопросы» им была опубликована работа, содержащая обширный фактический материал и критические оценки системы управления крестьянами. Он писал: «...крестьянство в Сибири оказывается подчиненным целой сети административных органов. Эта бюрократическая лестница управления имеет самые пагубные последствия для интересов крестьянской массы...» [29, с. 88]. В то же время Соболев полагал, что административно-полицейские порядки, царившие в сибирской деревне, есть явление сугубо местного характера, вполне устранимое путем более тщательного подбора личного состава крестьянских чиновников и ограничения некоторых их функций.

Известный общественный и политический деятель, сторонник сибирского областничества Г. И. Жерновков собрал в своей книге обширный материал, характеризующий как зависимое положение органов крестьянского самоуправления, так и моральный облик крестьянских начальников. Он отметил: «Неограниченные полномочия при отсутствии действительно надзора высших властей... при правовой беспомощности деревни, делают произвол крестьянских начальников беспредельным; сплошь и рядом, опьяненные властью крест[ьянские] начальники чувствуют себя маленькими царьками своего участка» [30, с. 30]. Однако представляется неубедитель-

ным выдвинутое им утверждение, что злоупотребления и произвол крестьянских начальников крылись в «отсутствии действительного надзора высших властей».

Практика их активного вмешательства в деятельность сельских и волостных сходов, его тяжелые последствия для крестьянского хозяйства показаны в работах Вл. Карпинского и В.В. Кирьякова [31; 32]. По мнению Карпинского, «...крестьянский начальник в своем районе чувствует себя выше всякого закона и права». Он отметил: «Пагубней всего отражается на местном населении то обстоятельство, что в сферу административного ведения крестьянских начальников входят финансовая и экономическая сторона волостной жизни» [31, с. 16—17]. Многочисленные факты злоупотреблений и произвола крестьянских начальников, развернутые характеристики волостного суда и волостных писарей приведены в работах А.А. Корнилова и Н.Я. Новомбергского [33; 34, с. 172—176; 35, с. 189—194; 36, с. 204—208].

Впечатляющая картина зависимости крестьянского самоуправления от правительственных чиновников в сибирской деревне была зафиксирована В.Ю. Григорьевым [37, с. 33—65], который полагал, что исправить ситуацию может только создание земства на обширной окраине империи. Выдающийся историк, этнограф, экономист и общественный деятель (областник) Н.Н. Козьмин пришел к выводу о сохранении вплоть до начала XX в. пережитков «государева хозяйства» в Сибири: территориально — в виде обширных владений Кабинета в Алтайском горном округе и в Забайкалье, в административном отношении — в попечительной власти крестьянских чиновников над сельским населением, экономически — в податном обложении крестьянского хозяйства. «Но идеологически, — писал Козьмин, — строй государева хозяйства еще витает над всеми сторонами местной жизни» [38, с. 235]. В отличие от большинства исследователей из числа своих современников он считал, что причины злоупотреблений в административной

сфере в Сибири крылись «не в дурных чиновниках и в отдельных порочных личностях, а в общей системе управления» [38, с. 198].

История управления сибирскими крестьянами в пореформенный период в той или иной степени затронута в работах Н. М. Зобнина, К. Р. Качаровского, К. П. Михайлова, П. П. Сущинского, С. Л. Чудновского, С. П. Швецова, Н. М. Ядринцева и др. исследователей. На содержание их публикаций серьезное влияние оказали народнические и областнические идеи, широко распространенные в сибирских губерниях. Внимание ученых привлекали органы волостного и сельского управления, их функции, содержание и практическая деятельность; отношения между крестьянскими органами самоуправления и правительственными чиновниками; правовое положение крестьян и нормы обычного права. Резкой и обоснованной критике подверглась деятельность сибирских административных органов разного уровня, стремившихся полностью подчинить крестьянское самоуправление. Благодаря работе исследователей над многочисленными и разнообразными источниками, публикациями статей и монографий в научный оборот был введен обширный фактический материал, который до сих пор привлекает внимание историков.

Выдающийся общественный деятель Сибири Н. М. Ядринцев в своих книгах и многочисленных статьях, опубликованных в общероссийских и сибирских газетах, привел немало примеров, доказывающих, что управление крестьянами Сибири было несостоятельно во всех звеньях, как центральных, так и местных. В своих публикациях он разоблачал незаконные действия сибирских чиновников, с возмущением писал о равнодушии местной администрации к действительным нуждам крестьян. Взгляды Н. М. Ядринцева на административную политику в отношении сибирских крестьян обстоятельно рассмотрены в кандидатской диссертации В. К. Коржавина [39, с. 23—24, 110, 164—165].

Внимание Н. А. Кострова и П. П. Сущинского привлекло обычное право сибирских крестьян и функционирование волостных и сельских органов самоуправления. Они отметили значительную роль, которую играли нормы обычного права в экономической, общественной и повседневной жизни крестьян, указали на их несовместимость со многими требованиями официального законодательства. В то же время Костров и Сущинский несколько преувеличили самостоятельность органов крестьянского самоуправления и приуменьшили степень их зависимости от органов правительственного управления и надзора [40; 41].

Обширная статья Н. М. Зобнина была посвящена обзору положения приписных крестьян Алтайского горного округа в дореформенный период; в ней предпринята попытка определить их социальный статус, показан процесс реализации указа от 8 марта 1861 г. [42]. Автор привлек обширный фактический материал. Изложенные Н. Н. Зобниным мысли о положении приписных крестьян и некоторых чертах, сближавших их с помещичьими крестьянами, были приняты частью советских историков [43, с. 322].

Сосредоточив основное внимание на правовой стороне административных преобразований, дореволюционные исследователи фактически оставили вне поля своего зрения практическую деятельность органов крестьянского управления, их воздействие на социальную жизнь и экономические процессы в сибирской деревне. Отдельные элементы административного устройства и сюжеты политики царского правительства в отношении сибирских крестьян оказались слабо или совсем не изученными. К ним следует отнести анализ общих черт и особенностей административных реформ в Европейской части России и в Сибири; характер и содержание практической деятельности высших, центральных и местных (на уровне генерал-губернаторств и губерний) органов управления. В истории реформы управления государственными крестьянами Запад-

ной и Восточной Сибири в конце 1870 — начале 1880-х гг. сохранились слабо или совсем не разработанные проблемы; были серьезные пробелы в изучении истории мировых посредников и чиновников по крестьянским делам и т. д. В целом большинство дореволюционных исследователей изучали управление крестьянами Сибири с буржуазно-либеральных либо с националистических позиций.

С 90-х гг. XIX столетия началась публикация работ В. И. Ленина, в которых среди прочих были затронуты отдельные вопросы управления самым многочисленным сословием Российской империи [44, с. 347—534; 45, с. 1—609; 46, с. 429—437]. Ленину удалось показать органическую связь аграрной истории Сибири с общероссийскими проблемами. Написанные на основе марксистской методологии его труды оказали определяющее влияние на процесс изучения социально-экономических отношений в деревне и различных сторон политики самодержавия в Сибири второй половины XIX — начала XX в. советскими историками.

Список источников и литературы

1. *Первое* издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Ч. IX. СПб., 1860.

2. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.

3. *Крестьянство* Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск, 1983.

4. *Матханова Н. П.* Главное управление Восточной Сибири // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 1.

5. *Матханова Н. П.* Главное управление Западной Сибири // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 1.

6. *Сибирские* переселения: документы и материалы / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2003. Вып. 1.

7. *Сибирские переселения: документы и материалы. Вып. 4: Конфликты старожилов и переселенцев. 1880—1910-е годы / авт.-сост. А. К. Кириллов, М. В. Шиловский, П. А. Афанасьев [и др.] ; отв. ред. М. В. Шиловский. СПб., 2020.*
8. *Положение о земских участковых начальниках // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. СПб., 1891. № 6196. С. 508—524.*
9. *Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.*
10. *Временное Положение о Крестьянских Начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. СПб., 1901. № 15503.*
11. *Никулин В. Н. Крестьянские начальники в Сибири (1898—1917 гг.) // Вопросы истории. 1987. № 1.*
12. *Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.*
13. *Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма (проблемы и направления исследования) // Проблемы истории советского общества Сибири. Вып. 2: История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970.*
14. *Горюшкин Л. М., Кудрявцев Ф. А., Тюкавкин В. Г. Изучение истории Сибири эпохи капитализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971.*
15. *Безобразов В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. СПб., 1882.*
16. *Катаев М. М. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. : в 3 ч. СПб., 1911—1912.*
17. *Корнилов А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.*
18. *Леонтьев А. А. Крестьянское право: Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб., 1909.*
19. *Страховский И. М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1903.*
20. *Титов А. А. Реформы Александра II и их судьба. М., 1910.*
21. *Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. М., 1958. Т. II.*
22. *Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978.*
23. *Кауфман А. А. Крестьянская община в Сибири: по местным исследованиям 1886—1892 гг. СПб., 1897.*

24. *Кауфман А. А.* Сибирское переселение на исходе XIX века : историко-статистический очерк. СПб., 1901.

25. *Кауфман А. А.* Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. СПб., 1901. № 1.

26. *Полтаранин И. А.* Проблемы общины в трудах А. А. Кауфмана // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 237—265.

27. *Полтаранин И. А.* Исторические взгляды А. А. Кауфмана. Усть-Каменогорск, 2002.

28. *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

29. *Соболев М. Н.* К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1905. № 1.

30. *Жерновков Г. И.* Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907.

31. *Карпинский В.* Крестьянские начальники в Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1909. № 41.

32. *Кирьяков В. В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902.

33. *Корнилов А. А.* О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губернии осенью 1899 г. Иркутск, 1900.

34. *Новомбергский Н. Я.* К реформе крестьянских учреждений в Забайкалье // Новомбергский Н. Я. По Сибири : сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.

35. *Новомбергский Н. Я.* Один из недостатков механизма // Новомбергский Н. Я. По Сибири : сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.

36. *Новомбергский Н. Я.* К вопросу о волостных писарях // Новомбергский Н. Я. По Сибири : сб. ст. по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.

37. *Григорьев В. Ю.* Земство в Сибири и его местные особенности // Сибирские вопросы. 1905. № 1.

38. *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

39. *Коржавин В. К.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. М. Ядринцева : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1973.

40. *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1878.

41. *Сущинский П.П.* Экономический быт и правовые отношения старожилов и новоселов на Алтае: (Исследование на месте). СПб., 1898.

42. *Зобнин Н.М.* Приписные крестьяне на Алтае // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. 1.

43. *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973.

44. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958. Т. 1.

45. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958. Т. 3.

46. *Ленин В.И.* Рабочая партия и крестьянство // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1959. Т. 4.

47. *Анфимов А.М.* В.И. Ленин о российском крестьянстве // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.

Г. Н. Ланской

Историографические дискуссии об уровне сельскохозяйственного развития России второй половины XIX — начала XX века как объект источниковедческого изучения

Проанализировано содержание отечественных историографических источников, отражающих уровень развития сельскохозяйственного производства в России, достигнутым во второй половине XIX — начале XX в. Описаны признаки преемственности и трансформации в решении комплекса дискуссионных вопросов по избранной для изучения теме. Инновационный аспект исследования заключается в представлении данной проблемы в ее комплексном — научном и идеологическом — содержании.

The paper analyzes the content of domestic historiographical sources concerning the degree of agricultural production development in Russia during the latter half of the XIX century and the early XX century. Furthermore, the paper elucidates both the persistent traits and the evolving aspects within the community's discourse surrounding the research topic. A distinctive innovation of this study lies in its holistic approach, encompassing scientific and ideological dimensions of the subject matter.

Ключевые слова: Россия, сельское хозяйство, историографические дискуссии, капитализм, экономика, крестьянство

Keywords: Russia, agriculture, historiographical discussions, capitalism, economy, peasantry

Историографические источники, посвященные аграрному развитию России второй половины XIX — начала XX в., могут быть разделены по признаку предметно-тематической направленности на три группы. В первую из них входят исследования, посвященные происходившим в данной сфере экономики преобразованиям, рубежными из которых являлись социально-аграрная реформа 1861 г., а также спроектированная С.Ю. Витте и далее реализовывавшаяся П.А. Столыпиным программа индивидуально-капиталистической трансформации аграрно-общественного строя. Ко второй группе, частично пересекающейся с первой по своей предметной направленности, могут быть отнесены работы об особенностях сельскохозяйственного развития, а также связанных с ними производственных и общественных отношениях в различных регионах Российской империи, преимущественно в европейской части страны. Практически все исследования, относящиеся к этим двум группам, отличались высоким научно-профессиональным, качественным уровнем. Третья группа историографических источников сведений об аграрном развитии России второй половины XIX — начала XX в., часто пересекаясь своей содержательной основой с первыми двумя, была главным образом ориентирована на выявление объективных предпосылок проведения социалистической революции.

Данная проблематика имела две очевидные теоретико-методологические особенности. Первая из них заключалась в приоритетной постановке исследовательской цели, имевшей выраженный общественно-политический характер. Для ее достижения требовался целенаправленный отбор аргументов, выявляемых в рамках фактического материала (связанного, например, с происхождением и развитием так называемых «революционных ситуаций») и документальных источников, способных сформировать альтернативную по отношению к официальным данным картину действительности (например, статистических материалов, созданных органами земского са-

моуправления). Вторая особенность состояла в возникавшей перед исследователями методологической проблемой встраивания оцениваемых фактов аграрного развития различных регионов Российской империи в рамки философской конструкции исторического материализма и, следовательно, основанной на этой конструкции теории общественно-экономических формаций. Особенность данной проблемы заключалась в том, что она была основана на гипотезе глобального достижения российским сельским хозяйством стандартного по западноевропейским или североамериканским рамкам уровня капиталистического развития.

В период, последовавший за осуществленной на XX—XXII съездах КПСС партийно-государственной критикой различных проявлений «культы личности» И. В. Сталина, обнаруживавшихся применительно к общественным наукам в форме догматизма, историки, не меняя основного направления своих исследовательских приоритетов, по объективной причине устойчивости курса развития советской государственности констатировали наличие произошедшего в их сознании отдаления от схематических, называемых «социологическими» подходов. В частности, реализовавшееся достижение данного результата констатировал в своем докладе на сессии Отделения истории Академии наук СССР в 1967 г. его академик-секретарь Е. М. Жуков. Применительно к проблеме достижения экономикой России капиталистической стадии развития он отметил наличие следующих историографических фактов: «Большая работа проводится в области предварительного исследования типов перехода от одной социально-экономической формации к другой. Советская историография далеко ушла от первоначальных схематических представлений, которые делали попытку уложить многообразный исторический процесс в прокрустово ложе общих социологических формул и схем. Само понятие общественно-экономической формации стало гораздо более живым и конкретным» [1, ф. 457, оп. 1, д. 526, л. 15].

Однако при этом в рамках координации исторических исследований представители научно-академического административного аппарата вплоть до провозглашения на партийно-государственном уровне идеологической доктрины распространения нового политического мышления осуществляли разделение научных проблем на решенные и нуждающиеся в рассмотрении. Об этом, в частности, свидетельствовало содержание выступления на собрании Отделения истории Академии наук СССР в марте 1985 г. его академика-секретаря С.Л. Тихвинского. Определяя концептуально необходимую направленность историографических дискуссий между отечественными авторами на тему различных широких и частных проблем, он, в частности, утверждал: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за “круглыми столами”, на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам» [2, с. 12]. Применительно к имевшему определяющее социально-политическое и идеологическое значение периоду второй половины XIX — началу XX в. значимость проведения конкретных исследований и применения в том числе прогрессивных методик определялась не столько достижением самостоятельных творческих результатов, как это происходило, например, в естественных и точных науках, сколько утверждением обоснованных, соответствующих партийным и государственным интересам выводов.

В сфере изучения экономических и связанных с ними процессов они заключались в доказательстве обеспеченности на подавляющем большинстве территорий Российской империи

капиталистического уровня, а применительно к индустриальному и финансовому сектору — империалистического развития, необходимого для перехода к следующей, определенной диалектикой исторического материализма стадии общественных и в том числе производственных отношений. Именно в данной плоскости на консенсуальном уровне в рамках профессионального сообщества историков выявлялась теоретическая значимость осуществлявшихся научно-исследовательских работ. В качестве своеобразного эталона и в существенной степени ориентира такой методологической направленности в сфере изучения итогов экономического и аграрного развития России второй половины XIX — начала XX в. рассматривались работы основоположников Советского государства при том, что по крайней мере с формально-теоретических позиций источниковедения они имели субъективный, политически детерминированный характер. В частности, Л. И. Бородкин в своей имевшей в методическом отношении новаторский характер монографии писал: «разработанные в трудах В. И. Ленина методологические принципы типологического исследования (анализ количественных отношений в неразрывной связи с качественной стороной явлений, учет системы существенных для выделения таких явлений признаков, использование всей совокупности относящихся к рассматриваемому вопросу фактов и др.) являются фундаментом современных историко-типологических явлений» [3, с. 9]. В значительной мере по идеологическим причинам поиск и выявление объективных предпосылок перехода России к социалистической общественно-экономической формации имели комплексный характер.

При отсутствии достаточного объема или широкой распространенности признаков достижения передового уровня капиталистического развития в какой-либо одной, конкретной отрасли экономики исследователи выбирали для анализа и интерпретации более обширный комплекс хозяйственных явлений, который мог рассматриваться в качестве своеобразного

«локомотива» модернизационных процессов. Данный исследовательский метод, логически приводивший к выводам о неравномерности, многоукладности и о достигнутом так называемом «средне-слабом» уровне капитализма, широко использовался В.И. Лениным, который предлагал рассматривать процессы стратификации общества и экономические изменения комплексно и во взаимосвязи. Конкретно обосновывая формируемую таким образом теоретическую модель, он, в частности, писал: «Отделение промышленности от земледелия идет в связи с разложением крестьянства, идет различными путями на обоих полюсах деревни: зажиточное меньшинство заводит промышленные заведения, расширяет их, улучшает земледелие, нанимает для земледелия батраков, посвящает промыслу все большую часть года и — на известной ступени развития промысла — находит более удобным выделить промышленное предприятие от земледельческого, т.е. передать земледелие другим членам семьи или продать постройки, скот и пр., и перевестись в мещане, в купцы... На другом полюсе деревни отделение промышленности от земледелия состоит в том, что крестьянская беднота разоряется и превращается в наемных рабочих (промысловых и земледельческих)» [4, с. 377]. Данное утверждение свидетельствует о том, что В.И. Ленин рассматривал проблему уровня развития капиталистических социально-производственных отношений в Российской империи в достаточно локальном виде. С одной стороны, он концентрировал свое внимание на внутреннем векторе развития хозяйственной системы. С другой стороны, состояние аграрного сектора не являлось для него определяющим качественным индикатором результативности эволюции экономики страны в русле формирования капиталистических отношений.

Поэтому советские историки, решая стоявшие перед ними задачи научно-идеологического характера, при затрагивании проблемы уровня сельскохозяйственного развития России к началу XX в. опирались на характерный также для западноевропейской и североамериканской историографии ракурс, сфо-

кусированный произошедшими в 1917 г. революционными событиями. Если для зарубежных исследователей такой выбор становился аргументом в пользу вывода об особенностях и определенной отсталости Российской империи по сравнению с более передовыми по экономическим показателям странами, то для советских исследователей он становился основанием для отказа от необходимости доказывать закономерность осуществления социалистической революции. Происходивший в данном случае обход отдельных фактических деталей обосновывался, в первую очередь, итоговыми выводами, к которым пришел в ходе своей теоретической деятельности В. И. Ленин. Во-вторых, исследователи, решавшие неразрывно связанные между собой научные и идеологические задачи, предлагали не концентрироваться на объективно неоднородных в масштабах Российской империи статистических показателях, а исходить при формулировании экспертно-аналитических выводов из более общих и при этом считавшихся менее дискуссионными аргументов. В этом плане примечательным является высказывание С. М. Дубровского, бывшего в течение длительного времени ведущим специалистом в области аграрной истории России второй половины XIX и особенно начала XX в.: «Насколько недостаточны сами по себе арифметические выкладки “об уровне капитализма”, видно из того, что для победы революции важны не только объективные, но и субъективные факторы: роль сознательности рабочего класса, умелое руководство коммунистической партии, ее способность объединить вокруг пролетариата в революционной борьбе непролетариат и т. д. и т. п.» [5, с. 10]. Таким образом, для обоснования наличия достаточного для перехода к следующей общественно-экономической формации уровня капиталистического развития страны исследователи данной проблемы использовали два аргумента. Первый из них заключался в том, что очевидная неоднородность статистических показателей, особенно в сфере организации и развития сельскохозяйственного производ-

ства, не могла повлиять на общий итог развития социальных и производственных отношений в России второй половины XIX — начала XX в. Вторым аргумент, использовавшийся еще в научной и научно-популярной литературе 1920-х гг., состоял в том, что при любых отклонениях от общего стратегического пути к революции существовали руководители большевистской партии и представители рабочего класса, обладавшие в любом случае решающим прогрессивным потенциалом.

В то же время опорные теоретико-методологические положения оказались недостаточными для обеспечения единой для всех советских историков трактовки проблемы определения уровня аграрного и в целом экономического развития России применительно к рассматриваемому периоду. Поэтому для ликвидации возникшего таким образом и проявившегося в конкретных работах [6] историографического пробела исследователи использовали комплекс многофакторных критериев. С точки зрения советской государственной идеологии они формировали неопровержимую конструкцию для «выпрямления» взглядов на содержание российского исторического процесса между социально-аграрной реформой 1861 г. и революцией 1917 г. К их числу были отнесены поддерживавшая самодержавную форму правления политическая элита; преобладание доли крупного и среднего феодального землевладения; являвшаяся катализатором циклического возникновения революционных ситуаций классовая борьба. Данная триада, сформировавшаяся также на базе зарубежного россиеведения и провозглашенная в качестве признака отсталости наряду с утверждением ряда авторов о психологической реакционности российского крестьянства [7, с. 118—133], закреплялась обращением к историко-типологической терминологии, использовавшейся В.И. Лениным. Увенчанием данной совокупности аргументов являлось сформированное основателями большевистской идеологии представление о том, что к демонтажу феодально-самодержавного политического строя последова-

тельно стремились все прогрессивно настроенные представители российского общества. Сложившаяся концепция, отметившая не только уровень, но также типологическую специфику и тенденции развития сельскохозяйственного сектора в экономике России второй половины XIX — начале XX в., была представлена И. Д. Ковальченко. О ее содержании он писал в одной из своих обобщающих работ: «Все демократические силы боролись за создание условий для победы буржуазно-крестьянского пути этого пути развития. Соотношение сил в этой борьбе таково, что верх брал буржуазно-помещичий, самодержавный лагерь. Итогом было преобладание в аграрном развитии России буржуазно-консервативного, помещичьего, прусского пути буржуазной аграрной эволюции. Но оно не исключало и не могло исключить реального буржуазного аграрного развития на основе крестьянского хозяйства по американскому пути. Более того, ход процесса был таков, что хотя ни один из двух путей в России так и не победил, помещичий путь исчерпал свои исторические возможности раньше, чем крестьянский» [8, с. 224]. Таким образом, создававшаяся панорамная картина аграрной истории России рассматриваемого периода в итоге определялась фактом нараставшего революционного движения, что в определенной мере обесценивало отмечавшиеся главным образом в постсоветской историографии 1990-х гг. достижения П. А. Столыпина и других политических деятелей, работавшими над планированием и проведением реформ.

В первой половине 2000-х гг. исследователи, занимавшиеся изучением аграрной истории России начала XX в., выйдя за рамки теории общественно-экономических формаций, пришли к констатации тех же экономических и социальных явлений, которые были выявлены их предшественниками. Изменение применявшейся для формулировки обобщающих выводов профессиональной социологической терминологии способствовало углублению и систематизации аргументов, свидетельство-

вавших в пользу уже апробированного в отечественной литературе и подтверждавшегося по различным, в том числе идеологическим причинам зарубежными авторами тезиса о непреодоленной архаичности основных проявлений сельскохозяйственного развития Российской империи. В качестве оценочной категории, призванной объяснить итоги происходивших и ускорившихся в условиях Первой мировой войны и начавшейся второй российской революции процессов, историки стали использовать понятие кризиса, тем самым смещая акцент с широко распространенного в исследованиях советских авторов утверждения о прогрессивности радикального перехода к социалистическому строю. Таким образом из сферы историографических дискуссий выводился сам вопрос о достаточности достижений капиталистического развития дореволюционной России для перехода к более высокому экономическому и связанному с ним социальному уровню развития. С точки зрения обоснования и представления данной концептуальной линии примечательным историографическим фактом первой половины 2000-х гг. стала статья Н. Л. Рогалиной, в которой были высказаны следующие конкретно-исторические наблюдения: «Нарастанию кризиса способствовали не только отмеченные черты земельного строя (включая помещичью эксплуатацию и невыгодную для крестьян аренду земли), но и аграрная политика правительства, основанная на патернализме и бюрократической опеке. Самодержавие слишком долго опиралось на этот свой “палладиум”, видя в общине основу государственности... Правительственный курс, сочетая экстенсивные и интенсивные меры, колебался между “сохранением” неприкосновенности общественного строя и осознанием необходимости “облегчить выдел крестьянам в частную собственность причитающихся на их долю участков надельной земли”. Это были попытки сочетать сохранение общины и сословно-правовой обособленности крестьянства с элементами либерализма в земельном деле. Верховная власть не решалась на реформиро-

вание поземельных отношений, пока аграрная революция не обнаружила сплывающую и разрушительную роль общины» [9, с. 15]. Таким образом, изучение в постсоветской историографии проблемы качественного уровня сельскохозяйственного развития России между юридической отменой крепостного права и наступлением революционных событий 1917 г., по существу, осталось в рамках ранее осмысливавшейся совокупности фактов, но при этом сместилось в сферу экспертного анализа конкретных объектов: политики государства, организации землеустройства и землепользования, обеспеченности крестьянских хозяйств плодородными угодьями, влияния общинной организации на производственные процессы.

Содержание исследованных по проблемному и хронологическому признаку источников свидетельствует о том, что концентрация значительного комплекса работ и организовывавшихся преимущественно на административном уровне дискуссий на тему проблем теоретико-исторического характера, с одной стороны, могло в условиях относительно прочного политического режима укреплять его идеологические основания, но при этом являлось далеко не всегда продуктивным в творческом смысле. Обращаясь к различным производственным, пространственным и даже индивидуализированным объектам, обладавшие высокой методической квалификацией ученые приходили к зачастую повторявшимся выводам, что с точки зрения диалектики формирования научных знаний приводило к их внутреннему концептуальному истощению. Кроме этого, в силу своего теоретического и поэтому не вполне конкретного содержания значимые проблемы, заключавшиеся, в частности, в рассмотренном примере определения уровня сельскохозяйственного развития России к началу XX в., оставались нерешенными не только по идеологической причине, но и вследствие невозможности их однозначного объективного восприятия. Их постановка нередко приводила к наблюдениям и выводам, далеким от глубокого и разностороннего восприятия

значимых явлений и фактов, и становилась основанием для выдвигания искажавших реальность взглядов на события российской истории.

Список источников и литературы

1. *Архив* Российской академии наук.
2. *Тихвинский С.Л.* Итоги и перспективы исследований советских историков // *Вопросы истории*. 1985. № 7.
3. *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
4. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1958. Т. 3.
5. *Дубровский С.М.* К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма (две социальные войны) // *Особенности аграрного строя России в период империализма*. М., 1962. С. 5—44.
6. *Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности* : сб. ст. / отв. ред. В.В. Адамов. Свердловск, 1972.
7. *Ланской Г.Н.* История России как объект глобального методологического изучения // *Исторический вестник*. 2022. Т. 41. С. 118—133.
8. *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004.
9. *Роголина Н.Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // *Вопросы истории*. 2004. № 7. С. 10—22.

**Крестьянская молодежь и отхожие промыслы
в столицу в конце XIX — начале XX века
(по материалам Костромской и Ярославской губерний)**

Исследована одна из проблем отхожих неземледельческих промыслов крестьян двух губерний Верхнего Поволжья на рубеже XIX—XX столетий. Прослежены причины и ход вовлечения крестьянской молодежи в процесс трудовой миграции в Петербург для работы на заводах, фабриках и в сфере обслуживания. Выделены позитивные и негативные последствия отходничества молодежи и его влияние на сельскую общину крестьян.

This research explores specific aspects of the non-agricultural livelihoods of peasants in two guberniyas within the Upper Volga Region in the late XIX and early XX centuries. The study delves into the motivation driving young peasants to participate in labour migration to Saint Petersburg, where they were employed in factories, mills, and the service industry. The study aims to uncover the underlying reasons and the progression of this phenomenon. Moreover, the study recognizes the dual outcomes — both favourable and adverse — resulting from this migration on the young workforce and its implications for the rural peasant community.

Ключевые слова: крестьянство, неземледельческие промыслы, отходничество, община, Костромская губерния, Ярославская губерния, Петербург

Keywords: peasantry, non-agricultural trades, migration, community, Kostroma guberniya, Yaroslavl guberniya, St. Petersburg

Отмена крепостного права способствовала усилению трудовой миграции в России. Масса крестьян в поисках работы постоянно перемещалась по стране. В начале XX в. отхожими промыслами занималась четверть населения Костромской и Ярославской губерний [1, с. 122—123]. Главной причиной этого была малая доходность крестьянского хозяйства в регионе. Вот как описывал ситуацию, сложившуюся в деревне, житель Рыбинского уезда Ярославской губернии: «Все надежды населения, все упования его сосредоточиваются на отхожем промысле; от него зависит материальное обеспечение и безбедная жизнь крестьянина... Земледелие же... только дополнительная статья дохода к заработку на отхожем промысле» [2, с. 24]. Согласно расчетам земских статистиков, на рубеже XIX—XX вв. отход давал ярославским крестьянам в 2 раза больше денег, чем сельское хозяйство (16 и 8 млн руб.) [3, с. 23—24]. Схожая ситуация была и в Костромской губернии. В 1913 г. только в Чухломском уезде этой губернии насчитывалось 25 тыс. отходников, которые выслали на родину около 1 млн руб. [4, с. 5].

Значительная часть костромских и ярославских крестьян-отходников направлялась в столицу. В Петербурге и его окрестностях в начале XX столетия трудилось 60 % ушедших на заработки крестьян Ярославской губернии [2, с. 645]. Причем столичный отход был распространен во всех ее уездах. В Костромской губернии ситуация была несколько иная. Данное направление для отхода на заработки было популярным только в нескольких северо-западных уездах. Корреспондент Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева из Галичского уезда Костромской губернии писал: «В нашей местности главная профессия жителей — отхожий промысел в столице...» Это занятие стало столь обычно, «что все, даже маленькие ребяташки, бредят Питером» [5, с. 244].

На выбор крестьянами вида отхожего промысла оказывали влияние следующие факторы: величина заработка, близость от дома предстоящего места работы и традиционность тех или иных видов деятельности для населения данной местности. Причем последний фактор часто был определяющим.

В столице костромичи и ярославцы занимались многими работами, но для первых основным родом деятельности было строительство, а для вторых — разного вида торговля, включая труд в трактирах, ресторанах и тому подобных заведениях. Пореформенная ярославская деревня поставляла в столицу много расторопных молодых людей, которые начинали с пловых, постепенно богатея, открывали свои трактиры. Один из таких отходников даже назвал свой трактир «Любим» по имени одного из уездных центров родной губернии [6, с. 126].

Занятие торговлей, в связи с ее массовым характером, по мнению современников, накладывало особый отпечаток на весь ярославский отхожий промысел [2, с. 1]. Ярославский крестьянин, занимающийся тем или иным видом торговли, воспринимался окружающими как типичное явление. По мнению Л. П. Веснина, едва ли какая другая губерния в России давала такую массу лавочников, «сидельцев», «краснорядцев» и подобного люда, как Ярославская [7, с. 145].

Петербургский отход в глазах жителей Ярославской и северо-западной части Костромской губернии заслонял весь остальной. Словами «питеряги», «питерцы», «питерщики» часто называли всех крестьян, занимавшихся отхожими промыслами, а прочее население получило название «домачи», «домолегги». Парни, оставшиеся в деревне, имели репутацию питерской браковки и за хороших женихов не считались.

«Питерцы» среди односельчан считались людьми зажиточными. Они, по сравнению с остальными, лучше питались и одевались, могли позволить себе носить кожаную обувь летом и валеные сапоги зимой. В начале XX в. почти в каждом доме «питерщика» был самовар и «приличная» чайная посуда, а также тарелки, ножи, вилки, а у некоторых — даже серебряные ложки [4, с. 14—15]. Среди них было немало владельцев «роскошных» домов, стоивших 3—4 тыс. руб. [2, с. 24]. Некоторые из тех, кто сумел создать в столице «свое дело», возводили в родной деревне, по мнению односельчан, настоящие «палаты». Так, в одной из деревень Чухломского уезда круп-

ным строительным подрядчиком из крестьян был выстроен каменный двухэтажный дом с железной крышей, водопроводом, паркетными полами, с оконными рамами без переплетов и зеркальными стеклами [4, с. 10—11].

Для сельской молодежи особенно был важен тот факт, что на занимавшихся отходом в деревне смотрели как на людей, более просвещенных и более удачливых в жизни.

Парень, приехавший из столицы с заработков, обыкновенно старался «показать шик»: привозил всем родным подарки, угощал парней водкой, а девиц — наливкой, одевался по-городскому: пиджачная тройка, брюки навывпуск, галоши, даже если было сухо и тепло. Из жилетного кармана должна была выглядывать цепочка от часов, которых в наличии могло и не быть. Молодой человек даже речью отличался от «домомогов»: говорил на «а», а не на «о», как местные жители [8, с. 340, 357]. Все это делало отхожий промысел в столицу особенно притягательным для молодых крестьян.

Большая доходность отхожего промысла в сравнении с земледелием, способствовала вовлечению в него представителей крестьянских хозяйств разной экономической силы. На заработки уходили мужчины как из зажиточных, так и бедных крестьянских дворов.

Занятие отхожим промыслом начиналось, как правило, с 12—14 лет. При достижении мальчиком этого возраста родители считали чуть ли не священной своей обязанностью отправить его в Петербург для обучения какой-либо профессии. Выбор промысла зависел от традиций, установившихся в той или иной местности. В одной волости или даже деревне могли быть только маляры, а в другой — плотники, столяры, водопроводчики или торговцы.

Для того, чтобы «пристроить мальчика» в столице использовались родственники и знакомые в Петербурге, обращались к односельчанам, имевшим там свое дело. В последнем случае между ними и родителями подростка нередко заключался письменный договор об условиях обучения профессии [9, с. 111].

В связи с усиливавшейся потребностью Петербурга в трудовых ресурсах, подбор и поставка их в город стала особым видом промысла. Появились так называемые «извозчики», которые набирали мальчиков в деревнях и передавали их хозяевам. За посредничество «извозчик» получал деньги как от предпринимателя, так и от родителей.

Вот как выглядела в конце XIX — начале XX в. подготовка маляров из молодых крестьян Галичского уезда Костромской губернии. Большинство мужского населения трудилось в столице малярами. В связи с тем, что отцы старались передать свой опыт получения профессии, сыновей они посылали в ту же «школу», которую проходили сами. В 12 лет сын отдавался подрядчику (обычно это происходило в деревне) для обучения малярному делу. Между отцом ученика и подрядчиком составлялся договор, согласно которому мальчик обязывался изучать малярное дело 3 ½ года, то есть 4 лета и 3 зимы (очень редко подрядчики брали учеников на меньшее время). По окончании срока обучения подрядчик обязывался купить ученику приличный костюм, пальто, шапку, сапоги с галошами и наградить деньгами в сумме от 30 до 35 рублей, часть которых обычно забиралась родителями авансом для сбора подростка в столицу [10, с. 4].

В первый год обучение состояло из «занятий» на кухне (помощь в приготовлении пищи для хозяина и рабочих) и труда в малярной кладовой: растирка краски, помывка кистей и т. п. Следует отметить, что покрасочные работы в то время часто велись только в теплое время года, зимой потребность в малярах резко сокращалась. В связи с этим ученики могли передаваться на время другому «учителю» и становились помощниками ремесленника, изготовлявшего, например, коробки, или направлялись на работу в булочную, трактир и т. п.

Второй год обучения мальчики вместе с рабочими трудились непосредственно на объектах. Здесь они выполняли вспомогательные работы: чистили полы перед покраской пемзой, намазывали клейстером обои при оклейке комнат.

На третьем году подросток уже мог выполнять работы подмастерья средней квалификации и почти бесплатно заменял хозяину взрослого рабочего.

За последний год обучения юноша достигал уровня хорошего подмастерья и уже владел навыками выполнения простых малярных работ. Наступал конец ученичества. Молодой человек получал положенные по договору деньги, вещи и возвращался в отчий дом настоящим «питерщиком» [10, с. 4—7; 11, с. 122].

В деревне своим франтоватым видом он вызывал зависть местной молодежи, особенно подростков. Мать и сестры молодого работника, получив от юноши городские подарки: платки, платья, другие предметы женского туалета — хвалились ими перед соседями. В ряде мест существовало правило одаривать пряниками и деревенских ребятишек. «Питерщики», не раздававшие угощений, считались неудачниками, и это сильно снижало их социальный статус.

По окончании побывки на родине молодой человек возвращался в столицу и устраивался вначале подмастерьем, а затем и мастером. Подмастерья выполняли основные малярные работы. Задачей же мастера было исполнение работ, требующих высокой квалификации: окраска дверей под цвет деревьев разных пород, оформление углов, розеток и т. п. Некоторые из маляров через какое-то время становились десятниками. Они уже сами не занимались покраской, а распределяли других маляров по объектам, выдавали материал, следили за качеством выполнения работ. Вершиной карьеры отходника-маляра было достижение статуса подрядчика, то есть организатора и хозяина дела. Этого положения достигали немногие отходники, поскольку, чтобы стать даже небольшим подрядчиком, надо было обладать организаторскими способностями, мастерством, пользоваться авторитетом среди рабочих.

Следует отметить, что в начале XX в. в связи с широким вовлечением мужского населения Костромской губернии в отхожий промысел в столицу, все больше стала практиковаться передача отцом-маляром своих профессиональных умений

и навыков сыну непосредственно во время работы. При достижении сыном возраста 12—14 лет родитель, уходя в город, забирал его с собой. В течение 2—3 лет отец обучал сына профессии. Достигнув в профессиональной подготовке уровня подмастерья, молодой человек подыскивал себе подрядчика и приступал к самостоятельной работе.

Необходимо указать, что длительность подготовки зависела от выбранной специальности и возраста ученика. Так, у строителей она продолжалась от 2 до 5 лет. Причем столяры, слесари, водопроводчики учились дольше, а маляры — меньше, так как считалось, что малярные работы менее сложные. Время обучения зависело и от возраста: чем моложе ученик, тем более продолжительным был срок [9, с. 41]. Подготовка подростков к работе в сфере торговли, как и в строительстве, начиналась с 12—14 лет. Туда брали мальчиков, окончивших сельскую школу, то есть умеющих читать и считать [2, с. 8].

Проработав самостоятельно какое-то время в столице, молодой человек отправлялся домой в отпуск. В деревню по сложившейся традиции молодому «питерцу» полагалось въехать на паре или тройке лошадей. Для этого отходник, как писал С.В. Максимов о костромских малярах, работавших в Петербурге, проделав долгий путь на поезде, а потом и пешком, останавливался в селе, находившемся верстах в 30 от его деревни. Здесь он обращался к известному «специалисту», оказывающему услуги по доставке «питерцев» домой на лихой тройке. Договорившись о цене, отходник отправлялся в заключительный этап своего путешествия. Со звоном колокольчиков и присвистом ямщика тройка въезжала в деревню, проезжала ее из конца в конец несколько раз и останавливалась у нужного дома [12, с. 144—145].

«Питерец», прибывший в деревню пешком, подвергался насмешкам, и его популярность среди девушек на выданье резко снижалась. Родители, чтобы прикрыть такого неудачника, часто вынуждены были нанимать лошадей за свой счет и покупать для него «пинжак», а для себя — подарки, якобы привезенные сыном из столицы [9, с. 75]. Дело в том, что мо-

лодой человек, несколько лет проживший вне деревни, являлся загадкой не только для односельчан, но и для многих родственников. Поэтому об отходниках судили, преимущественно, по одежде и способу возвращения, то есть пешком, по этапу, на тройке, с подарками и заработком или без них. Вот почему родители так тщательно скрывали неблагополучное прибытие сыновей домой.

Осенью с возвращением отходников в родные места в деревнях начинались «балы» для потенциальных женихов и невест. Вот как описывает присутствующих на одном из таких «балов» на северо-востоке Костромской губернии Б. Н. Жбанков: «По костюму невест и женихов можно было думать, что мы находимся на вечеринке у городских, довольно зажиточных мешан... На всех девушках были платья с лентами, тюниками, оборками; у двух были шелковые платья, а у остальных шерстяные... у всех были золотые или серебряные украшения — кольца, серьги, броши, браслеты и у трех — цепочки с медальонами и часами. Молодцы были в *пинжаках*, вышитых рубашках и шелковых платках вместо галстуков, смазных сапогах; на двух были даже сюртуки, крахмальные рубашки, перчатки, часы были у большинства. У всех были резиновые галоши и многих лисьи, скунсовые шубы» [9, с. 78].

«Питерцы» старались очаровать девушек ловким обращением, городскими манерами и, особенно, умением танцевать. Последнее качество очень ценилось. Из женихов предпочтение отдавалась тому, который хорошо танцевал и умел «великатно» обращаться.

Поведение, манеры разговаривать и одеваться делали крестьян-отходников в глазах местного населения носителями «более высокой» городской культуры. На родине они были законодателями моды, их считали фартовыми ребятами, «не чета деревенским пням». Поэтому «питерцы» становились первыми парнями на деревне [5, с. 174].

В связи с высоким статусом отходника деревенские девушки считали, что лучше выйти замуж за молодого человека, который занимается отхожим промыслом и появляется в де-

ревне только в период короткого отпуска, чем за «серого» парня, работающего в поле и постоянно живущего в деревне, даже если он был богаче «питерщика» [9, с. 27, 89].

Брак в местностях с развитым отходом на заработки имел свои особенности. Многим «питерщикам», особенно приезжающим в деревню на побывку раз в несколько лет, жена и семья или, вернее, дом и хозяйство нужны были только как обеспечение жизни в старости, когда здоровье и силы не позволят заниматься отхожим промыслом. По этой причине у крестьян часто были любовные связи в столице, а молодая жена не являлась помехой для отлучки. Наоборот, она развязывала руки мужу, освободив его от работы на земле и взяв на себя все заботы по ведению крестьянского хозяйства.

Часто с окончанием медового месяца семейная жизнь молодых супругов прерывалась на длительный период в связи с отъездом мужа в столицу.

Жизнь отходника с юных лет вне семьи, вдали от родного дома не могла не сказываться на отношениях его с родственниками и с крестьянским обществом. Приезжавший на побывку в родные места из Петербурга крестьянин чувствовал себя в деревенском доме гостем. Интересы, взгляды и даже речь его и остальных членов семьи часто имели значительные отличия. В центре интересов родственников, включая жену, были земельные вопросы, проблемы села, отходника же больше занимало состояние его промысла в столице, условия жизни в городе [9, с. 89]. В связи с тем что мальчиков отправляли в город раньше, чем они успевали обучиться сельским работам, крестьянину даже после оставления отхожего промысла требовалось несколько лет, чтобы он познал тонкости ведения сельского хозяйства. В семье столичного отходника забота о крестьянском хозяйстве лежала на плечах жены. Она являлась полной хозяйкой дома. В связи с этим Д. Н. Жбанков так описывал возникавшую ситуацию в северо-восточных уездах Костромской губернии: «Если вы пожелаете познакомиться с здешним сельским хозяйством, то на ваши расспросы от мно-

гих молодых мужчин вы получите крайне неудовлетворительные ответы, а иной и прямо ответит: “Не знаю хорошенько, у меня всем этим заправляет хозяйка”» [9, с. 4].

Изменение роли женщины в семьях отходников приводило к изменению ее статуса. Женщина нередко в таких семьях чувствовала себя не как приложение к мужу, а как полноправный член не только семьи, но и сельского общества.

Итак, в пореформенный период происходит резкое увеличение трудовой миграции населения из села в город. В обозначенный процесс активно вовлекалась молодежь. В значительной степени это объяснялось высокой мотивацией молодых людей. Они не только хорошо зарабатывали, но и их труд в столице и статус «питерщика» высоко ценились сельским обществом.

Профессиональная подготовка работников разных специальностей производилась в форме ученичества. Налаженная система позволяла поставлять на рынок труда необходимое народному хозяйству страны количество рабочей силы нужной квалификации. Об эффективности данного вида подготовки кадров свидетельствует тот факт, что сокращение доли молодежи среди отходников в первые годы советской власти заставило правительство в начале 1920-х гг. вводить нормативы, устанавливающие соотношение среди артелей строителей взрослых работников и подростков [4, с. 17—18].

Несколько лет ученичества, в течение которых подросток вынужден был находиться вне семьи, вне крестьянского общества, приводили к сильным изменениям в поведении человека в сельском социуме, его отказу от традиционных жизненных норм. Отход в столицу не только способствовал улучшению экономического положения крестьянского двора, появлению в деревне материальных атрибутов городской жизни, но и наносил удар по главному общинному принципу — коллективности труда и распределения, способствовал развитию индивидуализма. В значительной степени все эти элементы нового проникали в деревню, в первую очередь благодаря молодым отходникам.

Список источников и литературы

1. Минц Л. Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975.
2. *Статистический сборник по Ярославской губернии*. Вып. 19 : Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии (По данным о паспортах за 1896—1902 гг.). Ярославль, 1907.
3. *Воробьев К. Я.* Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии : стат. очерк. Ярославль, 1903.
4. *Казаринов Л. Н.* Отхожие промыслы Чухломского уезда // Труды Чухломского отделения Костромского научного общества. Чухлома, 1926. Вып. II.
5. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы* : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.
6. *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов : записки очевидцев. СПб., 1999.
7. *Веснин Л. П.* Значение отхожих промыслов в жизни крестьянства // Дело. 1886. № 7.
8. *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы* : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2 : Ярославская губерния. Ч. 2. СПб., 2006.
9. *Жбанков Д. Н.* Бабья сторона // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1891. Вып. 8.
10. *Соловьев А. И.* Питерщики-галичане : этнографический очерк. Галич, 1923.
11. *Барыков С.* Ученичество в малярном отхожем промысле в Воскресенской волости Галичского уезда (по книгам договоров и сделок за 1866—1895 г.) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1914. Вып. 1.
12. *Максимов С. В.* Собр. соч. : в 7 т. М., 2010. Т. 6.

**Население и хозяйство
черноморской деревни в 1920-е годы
по материалам статистических обследований**

На основе статистических данных, полученных в ходе переписей и опросов, показаны особенности социальной структуры населения и развития крестьянских хозяйств в черноморской деревне в 1920-е гг.

Utilizing statistical data collected from censuses and surveys, this study elucidates the characteristics of the social composition of the population and the evolution of peasant agriculture within the rural regions of the Black Sea during the 1920s.

Ключевые слова: черноморская деревня, статистические обследования, сельское население, крестьянское хозяйство

Keywords: Black Sea, rural settlements, statistical surveys, rural population, peasant economy

В 1920-е гг. в качестве базовой единицы аграрного сектора рассматривалось крестьянское хозяйство. Развитие его производственного потенциала являлось одним из необходимых условий обеспечения экономического роста. В связи с этим на государственном уровне проводились регулярные статистические обследования сельских населенных пунктов с целью выяснить число жителей; количество, размеры и организационно-производственную структуру крестьянских хозяйств.

В 1920 г. была организована Всероссийская сельскохозяйственная перепись, которая дала большой материал для исследова-

дования структуры сельского населения. В последующие годы проводились «гнездовые» переписи, фиксирующие развитие отдельных сельских «гнезд» — крупного села, группы небольших деревень, иногда и целой волости. Одновременно существовали выборочные исследования — ежегодные 3—4-процентные переписи и 10-процентные опросы крестьянских хозяйств, а также сельскохозяйственные переписи отдельных регионов. В 1926 г. на пике нэпа состоялась Всесоюзная перепись населения, которая по сей день остается самой масштабной по широте программы и изданным материалам [1, с. 15].

В настоящей работе мы рассмотрим результаты статистических исследований, проведенных в черноморской деревне в 1920-е гг. В обозначенный период Черноморский округ по экономической специализации относился к сельскохозяйственным регионам страны. Отраслевая структура в деревнях была довольно специфичной — основными направлениями являлись табаководство, садоводство, виноградарство, животноводство, выращивание овощных культур.

В исследовании использовались данные, характеризующие группу «в сельских местностях», к которой относились все индивидуальные хозяйства, находящиеся в селениях, как занимающиеся, так и не занимающиеся сельскохозяйственным промыслом. Необходимо отметить, что в этот период в Северо-Кавказском крае и, в частности, Черноморском округе, был проведен ряд административно-территориальных изменений, которые повлияли на показатели численности населения в разные годы.

По результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. в черноморских деревнях проживало 68 963 чел. [2, с. 59—60]. Сложный рельеф местности предопределил особенности расселения жителей, которые обустраивались в прибрежной зоне или в узких долинах рек — «щелях». Плотность сельского населения являлась самой низкой в Европейской России и составляла 8,7 человек на квадратную версту [2, с. 58].

После вхождения в Черноморский округ Крымского и Анапского районов с преимущественно сельским населением,

по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории округа было 722 сельских поселения, в которых проживало 178 954 чел. Соотношение городского и сельского населения составило 38,5 и 61,5% [3, с. 260—261]. Высокая доля городского населения являлась отличительной чертой Черноморского округа. В среднем по стране их соотношение равнялось 17,3 и 82,7% [4, с. 30]. Такая особенность Черноморского округа объяснялась тем, что в период проведения Всесоюзной переписи 1926 г. были весьма широкие критерии городских поселений, и такие типично сельские населенные пункты как Адлер (2215 жителей), Красная Поляна (1207 жителей), Хоста (749 жителей) были переписаны как поселки городского типа.

Особенностью черноморской деревни был пестрый этнический состав населения. Большинство жителей составляли русские и украинцы (61,4%), значительной была доля армян и греков (17,6%), оставшиеся 20% представляли другие национальности: эстонцы, чехи, черкесы, грузины, молдаване.

Около 85% рассматриваемого населения при переписи 1926 г. указало главным занятием сельское хозяйство. Кустарной промышленностью занималось 3% жителей черноморских деревень, в фабрично-промышленной сфере, строительстве и на транспорте было занято 1,2; 1,4 и 2% соответственно [5, с. 347—357]. Эти показатели несколько отличались от аналогичных данных по стране. Так, в советской деревне 1920-х гг. удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве составил 95,5%, в кустарно-ремесленной промышленности — 1,2%, прочих отраслях — 1,0% [4, с. 42]. Такая ситуация была обусловлена наличием крупного промышленного центра — Новороссийска, а также Черноморской железной дороги, Новороссийско-Сухумского, Краснополянского шоссе и других путей сообщения, для обслуживания которых были созданы постоянные отряды рабочих из жителей близлежащих сельских населенных пунктов. Следует учесть и распространенность такого занятия как извоз в селениях, расположенных вблизи крупных транспортных артерий. Так, например, для части их жите-

лей перевозки лесоматериалов и товаров железнодорожных станций в различные населенные пункты района являлись постоянным занятием.

Статистические обследования крестьянских хозяйств, которые регулярно проводились в 1920-е гг., дают представление об их численности, размерах и организационно-производственной структуре. В рассматриваемый период составлялись сводки годовых бюджетов крестьянских хозяйств; осуществлялись ежегодные подворные налоговые переписи; проводились выборочные так называемые «10-процентные опросы», которые регистрировали основные элементы хозяйства (население; посевные площади, занятые разными культурами; скот; инвентарь). Однако при изучении и анализе этих документов необходимо учитывать ряд замечаний источниковедческого характера. Так, в 1926 г. Н. Воробьев в работе о методах исчисления хлебо-фуражного баланса в крестьянских хозяйствах, отметил следующее: «Налоговая регистрация сельского хозяйства, производимая одновременно со статистической регистрацией, не может не отражаться на последней... Фискальный характер налоговых списков... вызывает со стороны плательщиков сугубую осторожность в показаниях, а также желание не преувеличивать своего богатства... Но то, что плательщик показал финагенту, то он дает и статистику: не может ведь хозяин давать разные показания,... если при этом он не уверен, что эти показания не будут сравнены. Это обстоятельство, главным образом, и привело к серьезной порче статистических наблюдений в области сельского хозяйства» [6, с. 8]. В. П. Данилов обратил внимание на то, что «исходные данные о численности крестьянских хозяйств и их населении были существенно преувеличены... ЦСУ считало, например, что налоговые сводки за 1923/24 г. для территории РСФСР преувеличивали число крестьянских хозяйств на 2,3%, а для 1924/25 г. — на 3,9%» [4, с. 211]. В связи с этим следует отметить, что при изучении всех аспектов жизнедеятельности кре-

стьянских хозяйств необходимо пользоваться разного рода источниками, по возможности сверяя их друг с другом, чтобы не допускать больших погрешностей при подсчетах и выводах.

В материалах поотдельских переписей по Черноморскому округу нет данных за 1916 г. и 1921 г., поэтому изменения в численности крестьянских хозяйств можно проследить только с 1917 г., когда их было зафиксировано 11 243, в 1920 г. — 11 409, в 1922 г. — 12 271, и в 1923 г. — 16 530 [2, с. 480]. В сборнике «Черноморский округ и его производительные силы» (Новороссийск, 1924) приведена другая цифра, характеризующая численность крестьянских хозяйств в 1923 г. — 17 384. Она основана на материалах поимущественно хозяйственной переписи, которая проводилась в мае — июне 1923 г. [7, с. 37].

Таким образом, в Черноморском округе с 1917 по 1923 г. количество крестьянских хозяйств увеличилось. Такая тенденция наблюдалась на протяжении всего периода нэпа. В земельном управлении Северо-Кавказского края, по данным налоговых учетов и весенних опросов, количество крестьянских хозяйств в округе в 1928 г. составляло 32,8 тыс., то есть за пять лет, с 1923 по 1928 г., их численность возросла почти на 50% [8, ф. 2443, оп. 4, д. 308, л. 3]. Анализируя причины этого явления, следует прежде всего учитывать, что в рассматриваемый период Черноморский округ пережил ряд административно-территориальных преобразований, в результате которых к его территории были присоединены «сельские» Анапский и Крымский районы. Кроме того, в первой половине 1920-х гг. в сельских районах округа осела значительная часть мигрантов (как правило, это были табаководы — переселенцы из Турции и Греции).

Количество крестьянских хозяйств в черноморской деревне продолжало увеличиваться и в последний год нэпа. В 1929 г. их число в округе, по данным краевого земельного управления, составило 35,1 тыс., то есть возросло на 6,5% с предыдущего года, несмотря на то, что в 1928 г. 4 сельсовета Сочинского района были переданы ЗСФСР [8, ф. 2443, оп. 4, д. 308, л. 3].

По данным краевого земельного управления, показатели среднего числа душ на одно хозяйство в сельских местностях Черноморского округа в период с 1925 по 1928 г. несколько увеличились — с 5,4 до 6,3 соответственно [8, ф. 2443, оп. 4, д. 308, л. 12]. Таким образом, процесс дробления крестьянских семей, который наблюдался в ряде регионов страны, не был характерен для черноморской деревни. Это явление можно объяснить особенностями географической среды и национального состава населения Черноморья. Роль природного фактора выразилась в том, что очистка посевных площадей от густой лесной растительности требовала больших физических затрат, следовательно, уменьшение количества рабочих рук в семье в результате дробления было нецелесообразным. В свою очередь, национальный фактор предопределял в армянских, греческих и черкесских хозяйствах существование патриархальных традиций, не поощряющих разделение семей.

Материалы бюджетных обследований Северо-Кавказского края, проведенные в середине 1920-х гг., позволяют выяснить, сколько средств вкладывалось в сельскохозяйственный инвентарь крестьянскими хозяйствами Черноморского округа в зависимости от их специализации. Больше всего денег (138,5 руб.) было вложено в инвентарь в экстенсивных земледельческих хозяйствах Крымского и Анапского районов, которые специализировались на выращивании зерновых культур. Это объясняется тем, что производство полевых работ требовало разнообразных и дорогих орудий труда. Наименьшая сумма (62,5 руб.) была потрачена на инвентарь в табаководческих хозяйствах, где большая часть работы проводилась с использованием ручного труда. В среднем в сельских поселениях округа в сельскохозяйственный инвентарь было вложено 99,83 руб.; для сравнения аналогичные показатели по Армавирскому и Майкопскому округам Северо-Кавказского края составляли 274,34 и 162,15 руб. соответственно [9, с. 36—37]. Эти данные свидетельствуют о низкой обеспеченности населения черноморской деревни орудиями труда по сравнению с крестьянами других округов края.

Таким образом, данные статистических исследований позволяют определить следующие отличительные черты черноморской деревни 1920-х гг.: низкая плотность населения в силу особенностей природных условий; более выраженное, по сравнению с другими регионами, межотраслевое разделение труда; отсутствие такого явления как дробление крестьянской семьи; пестрый этнический состав населения; преобладание ручного труда вследствие низкой обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем.

Список источников и литературы

1. *Воробьев Я. Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. 2-е изд. М., 1957.
2. *Население и хозяйство Кубано-Черноморской области* : стат. сб. за 1922—23 год / Кубанско-Черноморск. обл. стат. бюро ; под ред. [и с предисл.] В. И. Смирнского. Краснодар, 1924.
3. *ЦСУ СССР.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. Отд. 1 : Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1928.
4. *Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
5. *ЦСУ СССР.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Центральное статистическое управление СССР, Отдел переписи. Т. 22 : Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР : занятия. М., 1929.
6. *Воробьев Н.* К исчислению хлебофуражного баланса (методы и материалы баланса) // Северо-Кавказский край. 1926. № 7.
7. *Черноморский округ и его производительные силы* : сб. науч. тр. / под ред. П. И. Неволлина, В. М. Четыркина. Новороссийск, 1923. Т. 1.
8. *Государственный архив Ростовской области.*
9. *Крестьянские бюджеты Северо-Кавказского края за 1924—25 гг.* Ростов н/Д, 1927.

А. А. Иванов, Т. П. Федяева

Крестьянское движение в Марийском крае в годы революции и Гражданской войны: итоги и перспективы исследования

Описаны основные этапы изучения проблемы крестьянского движения на территории Марийского края в 1917 г. — начале 1920-х гг. Рассмотрены основные исследования и документальные публикации, подведены итоги и определены перспективы исследования выступлений сельского населения в годы революции и Гражданской войны.

The article outlines the main stages in the analysis of the peasant movement in the Mari Krai (region) in 1917 and the early 1920s. It reviews the principal research works and documentary publications, summarizes their findings, and outlines future directions for the study of the rural population protests during the revolution and Civil War years.

Ключевые слова: крестьянское движение, крестьянская община, революция, Гражданская война, «военный коммунизм», восстания, историография, археология, краеведение

Keywords: peasant movement, peasant community, revolution, Civil War, military communism, uprisings, historiography, archaeology, local history

В истории Российского государства 1917 г. стал переломным. В ходе Великой российской революции монархическая форма правления сменилась на республиканскую. Государственные преобразования, начавшиеся после этого, в корне из-

менили все сферы общества. Одной из социальных групп, которую в большей степени затронули перемены, стало крестьянство.

После февральского этапа революции хлебопашец вздохнул свободно, активно начал продвигать свое видение решения вопросов о земле и сельском хозяйстве, реализовывать его на практике. Если на протяжении 1917 — первой половины 1918 г. крестьянству это удавалось, то начиная со второй половины 1918 г. оно стало «загоняться» в рамки коммунистических идей советского (большевистского) правительства, что вылилось в массовое противостояние земледельцев и власти.

Сопrotивление хлебопашцев социально-экономическим советским реформам, затрагивающим основы сельского общества, стало предметом многочисленных исследований. В советский период изучение проблемы крестьянского движения в Марийском крае рассматривалось как составная часть революции и борьбы за власть Советов в стране. Все волнения хлебопашцев считались контрреволюционными, их истинные причины умалчивались. Источниковая база исследований была весьма скудная, в большей степени представленная документами о крестьянских выступлениях периода революции 1917 г. и отдельными сюжетами подавления контрреволюции в деревне в 1918 г. В сведениях за июль — октябрь 1917 г. о выдающихся происшествиях, правонарушениях и об общем положении дел на местах, поступивших в Главное управление по делам милиции по Казанской губернии, помещенных в сборнике «Крестьянское движение в 1917 году», приводятся факты о сопротивлении населения Царевококшайского и Козьмодемьянского уездов, с. Параньга Уржумского уезда хлебной монополии, а также об упразднении продовольственных и земельных комитетов, захвате крестьянами земли, лугов, инвентаря и расхищении леса [1, с. 157—158, 220—222, 251, 278, 279, 332—333].

В издании, посвященном установлению советской власти в Вятской губернии, опубликованы архивные материалы о разгроме Конганурской волостной продовольственной управы в

ноябре 1917 г., хлебозаготовках в Уржумском уезде в первой половине 1918 г., работе продотрядов там же летом 1918 г., напечатан доклад инструктора-практиканта Наркомпрода о несоблюдении жителями с. Параньга хлебной монополии [2, с. 223, 518—520, 530, 535].

В сборнике по Марийскому краю приведен документ о выступлении крестьян Петриковской волости Царевококшайского уезда в июне 1918 г. [3, с. 137, 146].

В воспоминаниях участников и очевидцев революции и Гражданской войны, опубликованных в книге «За власть Советов», сказано о сопротивлении хлебопашцев Петриковской волости Царевококшайского уезда хлебной монополии [4, с. 23]. В более поздних воспоминаниях и историко-документальных очерках описывается исключительно восстание в д. Княжна (сентябрь 1918 г.), как наиболее яркое и трагическое событие в борьбе за советскую власть [5, с. 87—88; 6, с. 166—171; 7, с. 152—210].

В единственной хронике о революционных событиях в Марийском крае представлены краткие сведения о захвате крестьянами земли, лугов, мельниц, инвентаря в 1917 г., рубке населением леса зимой 1918 г., восстаниях в г. Козьмодемьянск, д. Княжна, в Шиньшинской, Кулле-Киминской, Кшкловской, Сотнурской волостях в 1918—1919 гг. [8, с. 8—13, 20, 24, 26, 29, 44—45]. В материалах о голоде в Марийской автономной области в 1921—1922 гг. содержится информация о разгроме ссыпных пунктов в Моркинской волости, причинах голода (война, неурожай хлебов, сельскохозяйственное бескультурье), мероприятиях по борьбе с ним и статистические данные [9]. Опубликованные сведения наглядно демонстрируют характер и последствия политики «военного коммунизма» в деревне. Деятельность комитетов бедноты осенью 1918 г. нашла отражение в периодической печати [10—17].

Наиболее полно советское строительство в Марийском крае исследовал историк В. Ф. Пашуков. В работе «Марийский край в годы гражданской войны (1918—1920 гг.)» он показал формирование органов управления на местах, включая созда-

ние комитетов бедноты и перевыборы в сельсоветы, реализацию распоряжений советской власти, идеологическую работу среди населения. Описал «Степановский» мятеж, выступления в д. Княжна, в Петриковской, Моркинской, Шиньшинской, Сотнурской, Емангашской, Кадамской и Помарской волостях [18]. Его монография содержит значительный корпус статистических и фактических данных. Методы формирования советского мировоззрения в обществе описаны в очерках по истории создания и деятельности региональных отделений коммунистической партии и комсомола [19; 20].

Попытку проанализировать крестьянское движение в Марийском крае в 1917 г. предприняли А.С. Патрушев и А.В. Хлебников. Историки обстоятельно рассмотрели борьбу крестьян за землю и лес, уделив особое внимание наказам крестьянских съездов, волостных и сельских сходов. На основе наказов, изученных исследователями, был сделан вывод о том, что крестьянство представляло собой консолидированную силу, способную отстаивать свои интересы, влиять на процессы, происходившие в деревне [21, с. 23—26; 22, с. 67—126; 23]. А.С. Патрушев обстоятельно охарактеризовал сельское хозяйство Марийского края накануне революции, привел данные о распределении земли и лесных угодий между различными категориями владельцев перед началом глобальных социальных потрясений [24].

С начала 1990-х гг. крестьянское движение 1917—1921 гг. стало рассматриваться как самостоятельное явление. Выступления хлебопашцев перестали оцениваться однобоко, только как контрреволюционные, раскрывались их истинные причины. Постепенно изучение аграрной истории Марийского края этого периода перестраивается в русле концепции крестьянской революции в России, сформулированной историком-аграрником В.П. Даниловым [25]. Непрерывно идет процесс выявления и публикации архивных документов по проблеме крестьянского движения, включающих не только информацию о сопротивлении сельского населения, но и данные, раскрываю-

щие социально-экономическую и общественно-политическую жизнь марийской деревни. Опубликованы материалы о крестьянских выступлениях в д. Княжна Царевококшайского уезда [26], д. Шиньшинской в сентябре 1919 г. [27, с. 159—174] и д. Помарской в октябре 1919 г. [28, с. 180—182; 29, с. 306—307], в волостях Краснококшайского уезда, о введении военного положения в Новоторъяльской волости Уржумского уезда в марте 1919 г. [30, с. 124], об участии населения марийских волостей в «Степановском» мятеже в Вятской губернии летом 1918 г. [31] и крестьянском восстании в Чувашии в 1921 г. [32].

Издание «Революция 1917—1918 гг. в Марийском крае» [33; 34] содержит документы о формировании и деятельности местных Советов крестьянских депутатов, в том числе о разгоне Козьмодемьянского уездного съезда Советов крестьянских депутатов в августе 1918 г. из-за противоречий между крестьянским и большевистским видением решения социально-экономических проблем деревни. В отдельных сборниках документов [35; 36] опубликованы материалы, раскрывающие восприятие сельской общиной советских преобразований в аграрной и хлебозаготовительной сферах, соотношение старых и новых традиций в крестьянском обществе.

Продовольственная ситуация в Марийском крае на исходе политики «военного коммунизма» наглядно представлена в документах о голоде в Марийской автономной области [37] и деятельности революционного комитета Маробласти [38]. Впервые были опубликованы сводки о политическом положении на территории региона, которые содержат оценки настроения населения в 1918—1921 гг. [39, с. 231—234; 40, с. 187—197; 41, с. 154—166; 42, с. 460—463], а также материалы о формировании комитетов бедноты в марийских волостях Уржумского уезда в ноябре 1918 г. [43, с. 200—206].

Приметой последних десятилетий стало расширение круга исследователей крестьянского движения в крае. Д. С. Сайсанов, А. Г. Ошаев, Т. П. Федяева, Ю. В. Ерошкин, А. Н. Сергеева реконструировали основные события, связанные с крестьянскими выступлениями, выделили их объективные причины,

проанализировали состав участников и их требования, охарактеризовали результаты волнений на примерах д. Княжна, с. Косолапово; Емангашской, Помарской, Шиньшинской, Кулле-Киминской, Кшкловской, Кадамской, Сотнурской, Конганурской, Мало-Карачкинской, Янгильдинской, Сундырской, Помьяльской, Моркинской, Новоторъяльской волостей, «Степановского» мятежа [44, с. 221—227; 45, с. 60—70; 46, с. 31—36; 47, с. 132—139; 48, с. 58—77; 49, с. 79—83; 50, с. 119—136; 51, с. 191—203; 52, с. 225—233; 53, с. 41—47; 54, с. 82—85; 55, с. 69—79; 56, с. 195—207; 57, с. 17—22].

Однако основной фактор, вызвавший волну крестьянского сопротивления в деревне, — политика «военного коммунизма» — изучен весьма фрагментарно [58, с. 206—209; 59, с. 71—77; 60, с. 250—252]. Поверхностно затронут вопрос формирования советского (большевистского) мировоззрения у населения Марийского края [61, с. 282—284]. В сугубо научно-популярной форме предпринята попытка анализа изменений социально-экономического и политического уклада крестьянской жизни [62]. На основании изучения наказов населения Учредительному собранию С. В. Стариков показал крестьянское понимание решения вопроса о земле; им же дан материал о волнениях в Марийском крае в 1917 г. [63, с. 45—57; 64, с. 46—50; 65; 66, с. 284—294].

А. А. Иванов провел ряд исследований, доказавших самостоятельную роль крестьянства в революции и гражданской войне, выделив в качестве примера независимые от политических сил действия сельских обществ в ходе переделов земельных угодий и организации сельскохозяйственной деятельности после февральского этапа Великой российской революции и в первые годы советской власти [67, с. 281—288; 68]. Историками была прослежена преемственность действий хлебопашцев (захват и передел земли, организация сельского хозяйства с учетом потребностей населения) и их отношение к продовольственной политике и мобилизациям в период до революции 1917 г. и вплоть до июля 1918 г. [69, с. 9—21].

Таким образом, в исследовании крестьянского движения в Марийском крае в 1917—1921 гг. можно выделить несколько направлений: выявление и анализ выступлений хлебопашцев, изучение социально-экономического и общественно-политического положения деревни и влияния советских (большевистских) реформ на него, разработка теории крестьянской революции в Марийском крае.

Можно констатировать, что в изучении данной проблемы достигнуты определенные успехи. В большинстве своем выявлена география крестьянских выступлений на территории края. Собрана обширная база для дальнейшего изучения крестьянской идентичности в период революции и гражданской войны. Показаны основные противоречия, возникшие между крестьянами и властью в ходе социально-экономических и общественно-политических преобразований в период Временного правительства и первые годы советской (большевистской) власти.

При этом остается практически неизученной динамика социально-экономических показателей аграрной сферы в 1917—1921 гг., как и в целом реализация политики «военного коммунизма» в Марийском крае. Необходимо более глубокое рассмотрение скрытых форм крестьянского сопротивления, степени его распространения и действенности, влияния дезертиров на ситуацию в крае. В перспективе желательно объединение исследований по аграрной истории 1917—1921 гг. вокруг теории крестьянской революции в России, подготовка сборника документов, а также комплексной монографии по истории крестьянства Марийского края периода революции и гражданской войны.

Список источников и литературы

1. *Крестьянское движение в 1917 году* : сборник документов. М., 1927.
2. *Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии* : сборник документов. Киров, 1957.

3. *Установление Советской власти в Марийском крае* : сборник документов. Йошкар-Ола, 1970.
4. *За власть Советов* : сборник воспоминаний. Йошкар-Ола, 1957.
5. *За власть Советов* : сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1918—1920 гг. Йошкар-Ола, 1978.
6. *Народ их помнит*. Документальные очерки. Йошкар-Ола, 1982.
7. *Савинов С. С.* Мужество. Йошкар-Ола, 1983.
8. *Максимов И. С., Мартынов Н. А.* Революционные события на территории Марийской АССР (февраль 1917 — июнь 1921 годов). Йошкар-Ола, 1941.
9. *Голод в Марийской области в 1921—1922 годах* : сборник материалов о голоде. Краснококшайск, 1922.
10. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 20 окт.
11. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 24 окт.
12. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 27 окт.
13. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 31 окт.
14. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 3 нояб.
15. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 7 нояб.
16. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 14 нояб.
17. *Известия* Козьмодемьянского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 17 нояб.
18. *Пашуков В. Ф.* Марийский край в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Йошкар-Ола, 1965.
19. *Очерки истории Марийской организации КПСС*. Йошкар-Ола, 1968.
20. *Очерки истории Марийской организации ВЛКСМ*. Йошкар-Ола, 1984.
21. *Патрушев А. С.* Крестьянское движение в Царевококшайском уезде Казанской губернии в 1917 году // *Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в период строительства социализма*. Чебоксары, 1982. С. 23—26.

22. *Патрушев А. С.* Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревнях Марийского края в годы Первой мировой войны // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 67—126.

23. *Хлебников А. В.* Марийский край в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Йошкар-Ола, 1958.

24. *Патрушев А. С.* Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974.

25. *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. М., 2011. Ч. 1—2.

26. *Йошкар-Оле — 420 лет (1584—2004) : документы и материалы по истории города.* Йошкар-Ола, 2004.

27. *Иванов А. А., Федяева Т. П.* Крестьянское восстание в Шиньшинской волости Краснококшайского уезда Казанской губернии в сентябре 1919 года // Марийский археографический вестник. 2021. №31.

28. *Иванов А. А.* «Революция продолжается»: гражданская война и военный коммунизм сквозь призму жизненных нужд крестьянства Марийского края // Марийский архивный ежегодник. 2003. Йошкар-Ола, 2003.

29. *Крестьянское движение в Поволжье, 1919—1922 : документы и материалы.* М., 2002.

30. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы.* Т. 1 : 1918—1922. М., 1998.

31. *Степановский мятеж в документах и воспоминаниях : сборник документов и воспоминаний / сост. Д. Козак.* Киров, 2018.

32. *Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии : сборник документов / сост. Е. В. Касимов.* Чебоксары, 2009.

33. *Революция 1917—1918 гг. в Марийском крае. По материалам уездных съездов крестьянских депутатов. Вып. 1 : Царевококшайский уезд.* Йошкар-Ола, 2006.

34. *Революция 1917—1918 гг. в Марийском крае. По материалам уездных съездов крестьянских депутатов. Вып. 2 : Козьмодемьянский уезд.* Йошкар-Ола, 2007.

35. *Первая советская весна в деревне. Крестьянство Марийского края и земельный вопрос в 1918 году. Документы и материалы.* Йошкар-Ола, 2002.

36. *Община* в аграрной революции : документы сельского схода о земельных отношениях в национальной деревне Поволжья (1918—1922 гг.). Йошкар-Ола, 2005.

37. *Голод* в Марийской автономной области в первой половине 1920-х годов : документы и материалы. Йошкар-Ола, 2020.

38. *Революционный* комитет Марийской автономной области, 1920—1921 гг. : сборник документов. Йошкар-Ола, 2020.

39. *Иванов А.А.* Уржумский уезд летом — осенью 1918 года. Начало Гражданской войны // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2012.

40. *Иванов А.А., Федяева Т.П.* Анкеты волполитпросветов о политическом положении в деревне Марийской автономной области в 1921 г. // Марийский археографический вестник. 2014. №24.

41. *Иванов А.А., Федяева Т.П.* Военно-статистический очерк Марийской автономной области (1921—1922 гг.) // Марийский археографический вестник. 2016. №26.

42. *Из* сводок Вятской губернской чрезвычайной комиссии в Президиум губкома РКП(б) о политическом положении в губернии // Энциклопедия земли Вятской. Т. 4 : История. Киров, 1995.

43. *Иванов А.А.* «В некоторых селениях есть по два комитета, т. е. селенный и бедноты...» (Новый документ по истории аграрной революции в Марийском крае) // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2004.

44. *Ерошкин Ю.В.* Восстание в селе Емангаши в 1918 году // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2015.

45. *Ерошкин Ю.В.* Восстание 1918 года в Княжне: мифы и реальность (к постановке проблемы) // Великая Российская революция и Марийский край : материалы региональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2018.

46. *Ерошкин Ю.В.* Крестьянские восстания на территории Марийского края в период «военного коммунизма» // Финноугроведение. 2015. №2.

47. *Ошаев А.Г.* Восстание в д. Княжна Царевококшайского уезда // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2012.

48. *Сайсанов Д.С.* Крестьянские восстания в Царевококшайском уезде в 1918 году // Марийский археографический вестник. 1995. №5.

49. *Сайсанов Д.С.* Крестьянские восстания на территории Марийского края в 1918—1921 годах // Исторические очерки : материалы научной конференции III Тарасовские чтения (19—20 марта 1997 года). Йошкар-Ола, 1997.

50. Сайсанов Д. С., Шингарев Б. Ш. Крестьянские восстания в южных уездах Вятской губернии в 1918 году // Марийский археографический вестник. 1998. № 8.

51. Сергеева А. Н. «Не желаем, не дадим, не пустим...» // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2018.

52. Федяева Т. П. Крестьянские волнения и выступления в Марийском крае в 1917 — первой половине 1918 года // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2013.

53. Федяева Т. П. Крестьянские восстания на территории Марийского края: осень 1919 года // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук : сборник материалов VII международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2021.

54. Федяева Т. П. Крестьянское восстание в Помарской волости Казанского уезда Казанской губернии осенью 1919 г. // Марийский археографический вестник. 2020. № 30.

55. Федяева Т. П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1920—1921 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 1.

56. Федяева Т. П. Крестьянское сопротивление на территории Марийского края в годы гражданской войны (1918—1920 гг.) // Регионы России в военной истории страны : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 17—18 ноября 2021 г. Йошкар-Ола, 2021.

57. Федяева Т. П. Реакция сельской общины Марийского края на политику «военного коммунизма» в 1918—1920 годах // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук : сборник материалов VI международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 2020.

58. Ерошкин Ю. В. Контрибуции как составная часть политики «военного коммунизма» на территории Козьмодемьянского и Царевokokшайского уездов // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2016.

59. Сайсанов Д. С. Марийский край в годы «военного коммунизма» // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1995. № 3.

60. Сайсанов Д. С. Марийское крестьянство в годы «военного коммунизма» // Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I Всероссийской научно-практической конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.

61. *Федяева Т.П.* Формирование советского (большевистского мировоззрения) в крестьянской среде в 1918—1919 годах (на материалах Марийского края) // Платоновские чтения : материалы и доклады XIX Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2013.

62. *Кропотов А.Н.* Как деревню раскрестьянили : очерки по истории российского крестьянства. Медведево, 2013.

63. *Стариков С.В.* Казанские левые эсеры и продовольственный вопрос (март 1917 — июль 1918 гг.) // Марийский археографический вестник. 1995. № 5.

64. *Стариков С.В.* Козьмодемьянские левые эсеры накануне и в период июльского политического кризиса 1918 года // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2020. № 1.

65. *Стариков С.В.* Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 — июль 1918 г. (на материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004.

66. *Стариков С.В.* Левые эсеры и большевики о роли трудового крестьянства в социальной революции (весна — лето 1918 года) (по материалам губернских крестьянских съездов и съездов Советов Среднего Поволжья) // Проблема аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья : сборник материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002.

67. *Иванов А.А.* Аграрная революция на локальном уровне: социализация земли по-крестьянски в Царевококшайском уезде Казанской губернии (1918 г.) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004.

68. *Иванов А.А.* Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов. Источниковедческие очерки (По материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола, 2010.

В. В. Кондрашин

Крестьянство под властью антибольшевистских правительств

Предпринята попытка на основе анализа отечественной историографии и документов российских архивов, ранее не введенных в широкий научный оборот, охарактеризовать положение крестьянства России в годы Гражданской войны на подконтрольной антибольшевистским правительствам территории страны.

The article attempts to characterize the position of the Russian peasantry during the Civil War in the part of the country controlled by the anti-Bolshevik governments. The analysis draws from Russian historiography and previously unpublished archival materials, which have not been widely disseminated in scholarly circles before.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянство, красные, белые, зеленые, аграрная политика, антибольшевистские правительства, повстанческое движение

Keywords: Civil War, peasantry, the Reds, the Whites, the Greens, agricultural policy, anti-Bolshevik governments, insurgency, partisans

Крестьянство в Гражданской войне — одна из наиболее актуальных и дискуссионных проблем в российской и зарубежной историографии. Ее современное состояние позволяет, с одной стороны, выделить приоритеты в изучении аспектов проблемы с точки зрения количества опубликованной литературы и глубины анализа представленных в ней исследований, а с другой — определить недостаточно изученные темы.

В наибольшей степени изучено крестьянское повстанческое движение на подконтрольной большевикам территории против политики «военного коммунизма». Этот аспект получил отражение в документальных публикациях международного проекта Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России», осуществленного под руководством В. П. Данилова [1, с. 37—44], а также в трудах российских и зарубежных исследователей: А. В. Посадского, С. А. Есикова, В. И. Шишкина, Д. А. Сафонова, Т. В. Осиповой, С. В. Ярова, С. А. Павлюченкова, Ш. Фицпатрик, М. Френкина и др. [2, с. 437—484; 3, с. 17—26]. Всесторонний анализ крестьянских восстаний на подконтрольной большевикам территории позволил исследователям выдвинуть и обосновать тезис о крестьянском фронте как о самостоятельном фронте в Гражданской войне [4].

Достаточно глубоко и всесторонне исследовано состояние крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма», аграрные преобразования советской власти в годы Гражданской войны, в том числе на региональном уровне [5—15].

В последние десятилетия усилился интерес российских исследователей к изучению положения и поведения крестьянства на подконтрольной антибольшевистским режимам территории бывшей Российской империи. О крестьянстве под властью «контрреволюции» появились документальные и монографические исследования, продолжившие традицию изучения этой темы в советской историографии [16—18]. Заслуживают внимания публикации об аграрной политике антибольшевистских правительств, крестьянском повстанческом и партизанском движении на Украине, в Сибири и др. регионах страны [19; 20; 21, с. 804—815; 22, с. 109—110; 23; 24, с. 210—219; 25, с. 88—110].

В Гражданскую войну крестьяне испытали на себе воздействие всех противоборствующих большевикам сил: учредителей, белых, националистов и др. Отношение к ним проявлялось в реакциях крестьян на военные мобилизации, аграрную политику, государственные повинности, на действия,

происходящие в их селениях или уездах воинских частей, особенно в прифронтовой полосе. Под властью антибольшевистских правительств крестьянство столкнулось с теми же проблемами, что и под властью большевиков. Так же, как и советская власть, антибольшевистские режимы рассматривали деревню прежде всего как важнейший источник людских и материальных ресурсов для ведения войны. Крестьян мобилизовывали в армию, крестьянские хозяйства выполняли принудительные повинности по обеспечению фронта и тыловых городов продовольствием, гужевые и т. д.

Крестьяне воевали в рядах белых армий, формировавшихся так же, как и Красная армия, путем принудительных мобилизаций. Например, в 1918 г. в Сибири в армию Колчака было призвано порядка 150—160 тыс. крестьян, а в 1919 г. — не менее 100 тыс. солдат [6, с. 157—158]. Точно так же, как и из Красной армии, крестьяне дезертировали из белых армий, уклонялись от мобилизации в них. Так, Самарский Комуч, борющийся с большевиками, не получил необходимой поддержки со стороны крестьян в период мобилизационных кампаний в Народную армию, хотя он объявил вольную торговлю хлебом, отменил большевистские антикрестьянские законы. Удалось призвать только 23 тыс. чел. [26, с. 53, 60], тогда как в это же время, летом 1919 г., в одной только Самарской губернии в Красную армию под ружье было поставлено 140 тыс. чел., или около $\frac{1}{3}$ трудоспособного мужского населения, а в целом по всем губерниям Поволжья — 454 300 чел. [27, с. 247]. Крестьяне не стали защищать учредилковцев из-за нежелания участвовать в Гражданской войне, неспособности Комуча наладить товарообмен с деревней, пресечь притязания бывших помещиков на земли, полученные крестьянским населением в результате революции.

Руководители колчаковского режима с завидным постоянством заявляли о своей озабоченности судьбами российского крестьянства. Особенно часто этот мотив звучал в частях действующей армии, крестьянской по своему составу. В январе 1919 г. по селениям Самарской губернии ходило воззвание

командира 3-го Уральского корпуса конных стрелков генерал-лейтенанта Голицына к крестьянам и красноармейцам. В нем крестьяне призывались «брать оружие и идти против большевиков», а красноармейцы — «не бояться сдаваться», так как их никто не расстреляет за вынужденную службу большевикам. В воззвании крестьянству разъярялся тот вред, который принесли ему большевики и советская власть [28, ф. 1, оп. 1, д. 266, л. 60]. Для воодушевления личного состава Волжского корпуса I Волжской армии, где служило немало крестьян Самарской, Саратовской и других поволжских губерний, в мае 1919 г. распространялся текст интервью бывшего премьера Временного правительства князя Львова, находившегося в тот момент в Париже. Его устами им было обещано, что «Россия станет крестьянской страной, которая будет процветать в свободе и порядке» [29, ф. 39500, оп. 1, д. 57, л. 123].

Однако реальность была иной. И это становится очевидным после анализа основных программных документов колчаковского режима по аграрно-крестьянскому вопросу. Ключевым источником, дающим представление о концепции аграрной политики Колчака, ее перспективах в случае победы над большевиками, является датированная 5 апреля 1919 г. докладная записка министра земледелия Н. И. Петрова и управляющего Государственным земельным фондом в Совет министров «о направлении аграрной политики Правительства и основе этой политики». Авторами записки признавалась исключительная важность крестьянского вопроса для судьбы режима. Цель аграрной политики колчаковского правительства они определили в создании «крепких мелких трудовых хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины». При этом авторы оговорились, что данная цель, по-видимому, «соответствует и настроению Правительства» [30, ф. 176, оп. 5, д. 1122, л. 2—3, 4]. Таким образом, в случае победы режима Колчака российскую деревню ожидало «второе издание столыпинской аграрной реформы». В русле этой стратегической цели авторы призна-

вали необходимость «изменения закона бывшего Временного Правительства от 12 июля 1917 г., почти безусловно запрещающего всякую куплю и продажу земли». Все сделки на землю следовало разрешить и осуществлять их «через контроль Государства в лице местных органов Министерства Земледелия» [30, ф. 176, оп. 5, д. 1122, л. 6].

Ключевым вопросом для разработчиков аграрной стратегии колчаковского режима, имеющим принципиальное значение для судеб миллионов российских крестьян, был вопрос о бывших частновладельческих землях, захваченных в ходе крестьянской революции. Сюда входили и бывшие помещичьи земли, и бывшие земли столыпинских хуторян и отрубников. В записке указывалось, что прошлые хозяева захваченных крестьянами частновладельческих земель должны были сохранить юридический статус над этими землями, то есть оставаться их собственниками. В то же время фактические владельцы переходили в разряд арендаторов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подлежали безоговорочному отчуждению земли усадебные, мелкие трудовые и т. д. Нетрудно предположить, что в данную категорию попадали все бывшие дворянские усадьбы и «образцовые хозяйства» столыпинских выделенцев [30, ф. 176, оп. 5, д. 1122, л. 5]. Данная программа ориентировалась на «сильных», зажиточных крестьян, предусматривала разрушение общины. На практике это означало, что после победы над большевиками крестьянам, получившим от советской власти землю, предстояли судебные тяжбы с бывшими владельцами и государством, а деревню в целом ожидали новые землеустроительные комиссии и новые выделенцы на лучшие земли и т. д. Учитывая, что эта политика уже потерпела неудачу в 1917 г., надеяться на ее успех можно было только при одном условии — силовом воздействии на крестьянство государственной власти.

Согласно введенным в действие Советом министров 8 апреля 1919 г. правилам «О порядке производства и сбора посевов в 1919 г. в местностях, освобожденных от советской вла-

сти» и утвержденному 13 апреля 1919 г. Советом министров положению «Об обращении во временное заведование правительственных органов земель, вышедших из фактического обладания их владельцев и поступивших в фактическое пользование земледельческого населения», частновладельческие земли, захваченные крестьянами, должны были перейти под юрисдикцию государства. Их дальнейшая судьба зависела от того законодательства, которое было бы создано после победы над большевиками. Сохранялось право крестьян на выращенный урожай, но не гарантировалось право на продолжение пользования «захваченной землей». Оно могло быть получено лишь с согласия специально созданных государственных органов, а также в результате «полюбовной сделки» с бывшим хозяином. За право пользования землей устанавливался налог [30, ф. 176, оп. 5, д. 1123, л. 23—25; д. 1146, л. 5—6]. Поставив себя на место «крестьянина-захватчика», можно представить его реакцию на подобные правила, которая не могла быть положительной, поскольку при всех оговорках, он лишался права свободного распоряжения землей, полученного от советской власти. Кроме того, правила ставили крестьянина в неопределенное положение, поскольку были временными, и дальнейшая судьба земли зависела от того законодательства, которое только будет принято. Можно только представить себе крестьянские думы по поводу того, какое законодательство могут создать для них победившие «баре» и «господа офицеры»!

Однако даже введенное аграрное законодательство имело избирательный характер, поскольку распространялось на всех крестьян, кроме «лиц, являвшихся активными сторонниками так называемой советской власти» [30, ф. 176, оп. 5, д. 1148, л. 3]. Что это могло означать на практике? Под категорию «активных сторонников» советской власти попадала значительная часть крестьянства, задействованная в ее сельских и волостных учреждениях. Также ими могли считаться военнослужащие Красной армии и их семьи. Кроме того, в эту категорию можно было включить всех участников крестьянского движе-

ния в 1917 г., когда громились помещичьи усадьбы, сселялись хутора, ликвидировались отруба и производились другие действия, игравшие на руку большевикам.

Таким образом, колчаковское законодательство по аграрному вопросу — это ставка на «сильных» крестьян, разрушение общины, лишение прав на землю сторонников советской власти, а его реализация на практике — фактическое повторение большевистского «военного коммунизма».

Подтверждением этому является приказ № 102 командующего Западной армией генерал-лейтенанта М. В. Ханжина от 14 марта 1919 г. Поздравив население «с освобождением его от ига Советской власти и насилия красноармейцев», колчаковский генерал приказывал ему «по первому требованию начальников гарнизона и комендантов доставлять для нужд армии необходимые перевозочные средства». Сельские правления, волостные и уездные, земские и городские управы обязывались «оказывать войсковым частям полное содействие в расквартировании войск и в снабжении Армии продовольствием и фуражом». Заканчивался приказ совершенно другим тоном, нежели начинался. «Освобожденному от ига Советской власти» населению объявлялось, что «виновные в неисполнении настоящего приказа будут предаваться военно-полевому суду, а должностные лица привлекаться к законной ответственности» [29, ф. 39624, оп. 1, д. 145, л. 2]. Таким образом, вместо насилия красноармейцев крестьянству Поволжья было уготовано новое насилие. И оно активно применялось колчаковцами в ходе многочисленных реквизиций крестьянского имущества. Например, по сообщению политсводки Восточного фронта за 6 июня 1919 г., в Белебеевском уезде Уфимской губернии, ставшим впоследствии одним из эпицентров «вилочного восстания», белыми были угнаны у крестьян почти все лошади, в результате чего землю под картофель «пришлось вспахивать» лопатами [29, ф. 106, оп. 7, д. 21, л. 322].

Из-за страха перед угрозой реставрации помещичьего землевладения и опыта такой же грабительской политики на вре-

менно занятой белыми армиями территории, как и у большевиков, крестьяне не проявили должной активности в поддержке Белого движения. Об этом свидетельствовало поведение крестьян фронтовых и прифронтовых губерний в период наступления белых армий, особенно А.И. Деникина летом 1919 г. Ослабевало дезертирство из Красной армии, успешнее проходила мобилизация, крепла лояльность по отношению к советской власти [31, с. 436—443].

В действительности деникинский режим не имел цели сразу же лишить крестьян захваченной в 1917 г. и укрепленной большевистским законодательством земли. Но то, что в перспективе после победы над большевиками он мог сделать это частично, не вызывает сомнений. Правительство при главнокомандующем ВСЮР так же, как и Правительство Колчака, осознавало, что крестьянский вопрос являлся «коренным вопросом» России. Об этом было заявлено в выпущенном Деникиным в апреле 1919 г. «Манифесте по крестьянскому вопросу», где утверждалось, что «этот коренной вопрос может решить только Учредительное собрание после того, как снова воцарятся мир и порядок». На переходный период провозглашался принцип принудительной конфискации земли. В то же время деникинский вариант решения аграрного вопроса в гораздо большей степени, чем колчаковский, учитывал интересы бывших землевладельцев. Поскольку конституция Добровольческой армии признавала неприкосновенность частной собственности, то манифест обещал им значительную компенсацию за понесенные убытки. Кроме того, выработанный по указанию главнокомандующего весной 1919 г. план аграрной реформы предусматривал настолько высокий максимум земельной владений, что разделу подлежали лишь немногие из них. Землевладельцам, согласно данному плану, причиталась настолько щедрая компенсация, что они получили бы земли больше, чем крестьяне. При этом крестьяне обязывались вернуть все незаконно захваченные территории. Данный план не был обнародован, учитывая его негативные политические по-

следствия в условиях летнего наступления. Вместо этого, летом 1919 г. деникинским правительством для успокоения крестьян было принято решение оставить выращенный урожай на захваченных землях в их распоряжении. Главнокомандующий издал приказ, предусматривающий передачу бывшим владельцам земли в качестве компенсации лишь одну треть этого урожая.

Таким образом, аграрное законодательство Деникина, так же, как и колчаковское, было малопривлекательным для крестьян, ставило их в неопределенное положение, ориентировалось на защиту интересов прежних владельцев. Весьма показательна в этом плане информация из политсводки отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России за 23 августа 1919 г., относящаяся к крестьянскому населению Астраханского края — одного из районов Царицынской губернии. Она гласила: «Крестьяне в большинстве случаев вполне соглашаются с принципами, вознесенными декларацией генерала Деникина, находя их вполне справедливыми. Однако не всеми правильно понимается истинный смысл декларации. Так, например, многие крестьяне приходят к заключению, что вся земля перейдет к ним от помещиков. Последнее же обстоятельство может повлечь за собою впоследствии крупные осложнения» [30, ф. 440, оп. 1, д. 34а, л. 278].

Практические действия деникинского военного командования и гражданских органов власти, озабоченных, как и режим Колчака, получением от крестьян продовольствия, фуража и принуждением их к выполнению натуральных повинностей для обеспечения военных нужд, были схожи с деятельностью в деревне органов советской власти. Поэтому реакция основной массы крестьян на аграрную политику Деникина была такой же отрицательной, поскольку она разоряла их хозяйства. Об этом прямо указывалось в политсводках отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России о ситуации в уездах Воро-

нежской, Курской и Царицынской губерний: «случаи самовольной реквизиции скота и фуража деникинскими частями повлекли за собой упадок крестьянина» и т. п. [30, ф. 440, оп. 1, д. 34а, л. 224—225]. Участник белого движения С. Мамонтов, описывая в своих воспоминаниях наступление деникинской армии на Москву, отмечал: «...при нашем приближении к деревне мы иногда видели крестьян, бегущих в лес прятать повозки и лошадей». И это было не случайно. По словам Мамонтова, именно подводная повинность была самой тяжелой для крестьян: «Части реквизировали повозки в деревне. Сменить крестьянина и отпустить домой было трудно. Когда наконец несчастного отпускали, почти наверняка его перехватывала другая часть и уводила его еще дальше. Случалось, доведенные до отчаяния крестьяне бросали повозку и лошадей и сами убегали. Подводчику ничего не платили и редко заботились о корме для него и для лошадей» [32, с. 403]. Газета «Красный Орел» сообщала, что «после прихода белых начались грабежи квартир — еврейских и русских “по ошибке”, вымогательства с угрозами, револьверами и винтовками. Некоторые крестьяне были повешены и висели в центре города довольно продолжительное время. Офицерство веселилось всю» [33].

Принципиально отличалась от аграрных программ Колчака и Деникина аграрная программа Правительства Юга России (П. Н. Врангеля). В обнародованном 25 мая 1920 г. «Приказе о земле» признавалось право крестьян на полученную в результате крестьянской революции 1917 г. и декретов советской власти землю. Но переход земли в собственность устанавливался за выкуп, составлявший одну шестую часть среднего урожая, выплачиваемую в течение 25 лет. И в случае невнесения в срок сбора участок передавался земству, то есть речь шла, как и в 1861 г., о ростовщической операции, рассчитанной на 25 лет с постоянной угрозой потери земли [34, с. 430]. Частным владельцам, лишившимся земли в результате революции и политики большевиков, обещалась компенсация со

стороны государства. Также им предоставлялось право на сохранение части территории, размер которой должен был определяться местными земельными органами. Согласно приказу, не подлежали отчуждению законно приобретенные до того крестьянские земли, усадебные и высококультурные участки (сады, виноградники и т. п.), земли под промышленными заведениями, принадлежащие сельскохозяйственным и учебным заведениям и т. п. Для проведения земельной реформы были подготовлены землеустроители и землемеры, в ряде мест приступившие к работе. «Приказ о земле» П. Н. Врангеля имел целью получить поддержку основных масс крестьянства, недовольных антикрестьянской политикой большевиков в период наступления Русской армии.

Из-за ее разгрома Красной армией и падения Правительства Юга России выполнение приказа оказалось невозможным [35, с. 54]. Кроме того, даже в случае успеха Врангеля, учитывая моральный настрой офицерства и группировавшихся под знаменем Белого движения политических сил, осуществление «прокрестьянской аграрной реформы» было бы проблематичным. Трудно себе представить, чтобы она не встретила противодействие, поскольку ее реализация в предложенном виде в Крыму поставила бы под угрозу интересы бывших землевладельцев в других регионах страны, пострадавших от советской власти и не допустивших бы ее распространения на всю «освобожденную от большевиков» Россию. Также поддержка крестьянами земельной реформы Врангеля была сомнительной, учитывая их негативный опыт взаимодействия с белыми режимами, а также понимание неизбежности победы в Гражданской войне огромной советской России над осколками белого движения, которая и могла дать им землю без обременений и навсегда. Данный факт подтверждается неудачной попыткой Врангеля «действовать против большевиков среди крестьянства под именем махновцев» [36, с. 197]. Созданные так называемые повстанческие отряды Савченко, Яценко, Гришина,

Володина, Чалого, якобы действовавшие от имени Махно, не смогли привлечь в свои ряды крестьян, несмотря на активную пропаганду.

Взаимоотношения крестьян с антибольшевистскими правительствами точнее всего передает получившее широкое распространение в крестьянской среде выражение: «Белые пришли грабют, красные пришли грабют! Ну куды крестьянину податься!», воспроизведенное в культовом советском фильме «Чапаев». При этом имели место факты, когда крестьяне, разоренные большевиками, особенно зажиточные и кулаки, с воодушевлением встречали белые войска и даже вступали в их ряды добровольцами [37, с. 96; 38; 39]. Но белым не удалось поднять все крестьянство на борьбу с большевиками. Например, единственной крестьянской частью, сформированной в колчаковской Уральской армии, оказалась «Семеновская крестьянская дружина» [40, с. 309—318]. Подобная ситуация была закономерной. По мере знакомства с реальными действиями «освободителей» отношение большинства крестьян к новой власти становилось резко негативным и выливалось, так же, как и на подконтрольной большевикам территории, в форму повстанческого движения. Наибольшего размаха оно достигло в Сибири, на юге России и на Украине.

В Сибири распространенной формой сопротивления антибольшевистским режимам было уклонение от мобилизации, дезертирство и переход на сторону Красной армии. В августе — сентябре 1918 г. против объявленной Временным Сибирским правительством мобилизации мужчин в возрасте 18—20 лет в Славгородском и Змеиногородском уездах вспыхнуло массовое восстание крестьян, которое было утоплено в крови карателями [22, с. 109—110; 41, с. 60—66]. В 1918—1919 гг. не менее 25—30% подлежащих призыву крестьян, скрывшись в тайге, на дальних заимках, избежали мобилизации [6, с. 158].

В ноябре 1918 г. в Минусинском уезде Енисейской губернии произошло одно из самых крупных крестьянских восстаний в Сибири в годы Гражданской войны, получившее название по основному виду оружия повстанцев — «Дубинная вой-

на». Крестьяне выступили против действий Временного Сибирского правительства по сбору недоимок по налогам, возросших земских сборов, предельных цен на продажу хлеба и преследования самогонщиков (публичных их пороков). Восстание было жестоко подавлено, его руководители и активисты расстреляны [4, с. 70—79; 12; 25, с. 88—110]. В 1918 г., по самым заниженным данным, в Сибири карателями было убито, замучено и повешено не менее 5,5 тыс. повстанцев, причем, только десятая часть погибла в бою. Потери же белых составляли около 700 солдат и офицеров убитыми и примерно столько же ранеными [6, с. 158].

Еще больший размах крестьянское повстанческое движение в Сибири приобрело в 1919 г. Недовольные реквизициями продовольствия и насильственными акциями режима Колчака крестьяне развернули против белых мощное партизанское движение, в котором приняло участие порядка 150 тыс. крестьян [6, с. 157, 159—160]. Краснопартизанское движение в Сибири — яркая страница в истории Гражданской войны, наиболее объективная и содержательная характеристика которой дана в публикации В. И. Шишкина и Н. С. Ларькова [43, с. 76—114]. Феноменом краснопартизанского и всего крестьянского повстанческого движения в России в рассматриваемый период было создание на подконтрольной Колчаку территории Сибири партизанских республик. Они объединяли разнообразные элементы, оказавшиеся, по тем или иным причинам, в конфронтации с колчаковским режимом: крестьяне, решением общин поддержавшие антиправительственные выступления, дезертиры, советские деятели и т. д. Они оттянули на себя значительные силы колчаковской армии и стали одной из причин поражения белогвардейцев на востоке России. Одной из таких республик была Степно-Баджейская, расположенная юго-восточнее Красноярска в горно-таежном Заманье (за р. Мана) [42, с. 689—690]. К концу 1919 г. партизанское движение достигло такого размаха, что под контролем белых оставалась фактически лишь полоса вдоль Транссиба шириной в 100—150 км, по которой отступали части белой армии. В ок-

тябре — ноябре 1919 г. произошли первые встречи сибирских партизан с наступавшей Красной армией, началось их взаимодействие. После разгрома Колчака большинство сибирских партизанских отрядов влились в состав Красной армии. Иркутские партизаны и повстанцы стали одним из основных источников комплектования НРА ДВР.

Вторым по интенсивности партизанским районом страны в годы Гражданской войны был Дальний Восток. В 1918—1922 гг. в Приморье и на Камчатке действовали против белых правительств и японских интервентов многочисленные партизанские отряды. В январе — марте 1919 г. восстания крестьян в Амурской и Приморской областях фактически сорвали мобилизацию населения в колчаковскую армию на территории Дальнего Востока [45, с. 71]. С мая 1921 г. и до разгрома белых в Приморье части партизан и НРА проводили совместные и скоординированные операции. В 1919 г. дальневосточные партизанские отряды предпринимали попытки объединения сил с сибирскими [44, с. 690].

Еще одной яркой страницей в истории крестьянского сопротивления режиму Колчака является «Жилиевщина» — повстанческо-партизанское движение в Кустанайском уезде Омской области в 1919 г., названное по имени руководителя повстанцев А. И. Жилиева, уроженца с. Борового Кустанайского уезда, участника Первой мировой войны, организатора советской власти в Кустанайском уезде. «Жилиевщина» возникла на почве недовольства крестьян насильственной мобилизацией в армию Колчака, принудительных конфискаций скота и имущества колчаковскими властями, злоупотреблений их местных представителей. Восстание и партизанское движение продолжались до августа 1919 г., сопровождалось ожесточенными боями повстанцев с колчаковцами. Только в Кустанае, отбитом белогвардейцами у повстанцев в апреле 1919 г., каратели расстреляли до 3 тыс. чел., причастных к восстанию [21, с. 804—815]. К моменту занятия Красной армией в ноябре 1919 г. Омска — столицы Колчака — почти вся земледельче-

ская Сибирь, кроме узкой полосы вдоль железной дороги, была освобождена партизанами от интервентов и белогвардейцев. С 1918 по 1920 г. сибирскими партизанами было уничтожено, ранено и взято в плен свыше 100 тыс. вражеских солдат и офицеров [46, с. 49].

Крестьянское повстанческое движение развернулось на контролируемой Деникиным территории, где вопреки декларациям бывшие помещики пытались вернуть себе имения и наказать крестьян за самоуправство. По словам генерала А. С. Лукомского, крестьяне «готовы были восстать против добровольческой армии Деникина, доведенные до этого безудержно разыгравшимися аппетитами помещиков, поощряемых местной администрацией» [16, с. 53]. Наиболее крупным крестьянским выступлением против деникинской власти было восстание крестьян Новохоперского уезда Воронежской губернии в июле 1919 г., центром которого стало с. Красное, где белогвардейцы за вывоз хлеба вглубь страны учинили массовый расстрел крестьян. Они разграбили крестьянские дворы, забрали 900 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей [6, с. 146]. В конце июля Новохоперск был занят повстанцами при поддержке советских войск. В выступлении участвовало 20 тыс. крестьян двух волостей [17, с. 15—17]. Активное партизанское движение против деникинцев развернулось в Мценском уезде Орловской губернии. Согласно информационной сводке ОГПУ за 21—30 сентября 1919 г., крестьянская беднота радовалась «изгнанию мамонтовских банд из губернии», а прочие крестьяне «охотно организовали партизанские отряды для отпора грабителям на соседней с Орловской губернией территории» [47, с. 196]. Аналогичная ситуация сложилась и в Причерноморье, Прикубанье и на Ставропольщине, где к осени 1919 г. против войск А. И. Деникина действовало около 75 тыс. партизан. Деникин организовал особый корпус во главе с генералом С. К. Добровольским, который действовал против красно-зеленых на Черноморском побережье [6, с. 167].

Мощное крестьянское движение против деникинской власти развернулось на юге Украины, где действовала крестьян-

ская повстанческая армия под командованием Н. И. Махно. Махновцы совершали глубокие рейды по тылам деникинцев, громили деникинские гарнизоны. Их лозунгами были: «Горе Деникину! Смерть деникинцам! Где бы они ни находились, всегда их должна настичь шашка повстанца, вилы и топор крестьянина!» [29, ф. 198, оп. 5, д. 40, л. 65]. В начале октября 1919 г. в руках махновцев оказались Мелитополь, Бердянск, Мариуполь. До ставки Деникина в Таганроге оставалось 100 км. В этой ситуации деникинский штаб был вынужден снять крупные подвижные силы из состава Добровольческой армии, наступавшей на главном тогда Орловско-Гульском направлении, и из состава Донской армии, находившейся в постоянных тяжелых боях с конным корпусом Буденного на Воронежском направлении. Против Махно выступили Терская и Чеченская дивизии и бригада Донцов, что самым негативным образом сказалось на результатах наступательной операции Белой армии на Москву. В эмиграции А. И. Деникин признал, что повстанческое движение Махно «расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время» [48, с. 234—235]. О решающем значении действий махновцев в срыве наступления на Москву писал в своих мемуарах и бывший командующий 3-м Кубанским корпусом генерал А. Г. Шкуро [49, с. 233—234].

Имея информацию о масштабах крестьянского движения против белой контрреволюции, лидер большевиков В. И. Ленин, характеризуя политические настроения крестьянства к концу 1919 г., верно отметил: «Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители. В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина» [50, с. 17].

Дискуссионным в историографии остается вопрос о позиции крестьянства в национальных районах бывшей Российской империи, где в годы Гражданской войны возникли неза-

висимые от советской России государства. В какой мере национальное антисоветское движение опиралось на крестьянство, а последнее выступало его социальной базой? Наиболее полно данный аспект изучен на материалах Украины, где созданная националистическими силами Украинская Народная Республика выступала от имени всего своего населения, большинство которого составляли крестьяне. Феномен махновщины — самого массового крестьянского движения на Украине в годы Гражданской войны — свидетельствовал, что для крестьян социальные проблемы, главной из которых был вопрос о земле, оказались важнее националистических идей. Решение советской властью этого вопроса в интересах всего украинского крестьянства выбило почву у националистов в их стремлении заручиться твердой поддержкой основной массы крестьян. Махновское движение стало убедительным тому подтверждением. Его участники не поддержали Петлюру и выступили за создание советской Украины, где власть должна быть у вольных советов, обеспечивающих на практике идею народного (крестьянского) самоуправления [51, с. 12—14]. Петлюре не удалось организовать массового добровольческого вступления крестьян в армию УНР. Как и в России, украинские крестьяне приоритетом считали занятие своим хозяйством на полученной в результате революции земле или на прежних участках и лишь под принуждением шли воевать за Петлюру, выступавшего под яро националистическими лозунгами.

Точно такая же ситуация сложилась на территории белорусских губерний, где сторонники Белорусской Народной Республики не смогли заручиться активной поддержкой крестьян в период оккупации Беларуси немцами и поляками. Данный факт подтвердили события так называемого «Слуцкого восстания» — мятежа в ноябре — декабре 1920 г., устроенного при поддержке Польши в Слуцком уезде Минской губернии «Слуцкой бригады» из местных крестьян. Поднятый после ухода оттуда польских войск мятеж имел локальный характер и был подавлен частями Красной армии [52, с. 177—210; 53].

В то же время, как показывает ситуация вокруг спора между Советской Республикой и Украинским правительством гетмана Скоропадского в июне 1918 г. по поводу территориальной принадлежности уездов Орловской губернии со смешанным украинским и русским населением, прошедшие по инициативе органов советской власти в этих уездах крестьянские сходы вынесли резолюции против присоединения к Украине и о желании остаться в составе Российской Советской Республики. Аналогичные резолюции были присланы из уездов Курской губернии, куда в конце марта 1918 г. вторглись германские и украинские войска [15, с. 241]. Данный пример говорит о том, что, имея в приоритете социальные проблемы над национальными, крестьяне тем не менее осознавали свою национальную принадлежность и в случае посягательств на связанный с нею образ жизни (веру, традиции и т. д.) выступали в его защиту против любой власти, попытавшейся сделать это. Как известно, большевики на Украине, в отличие от белых, не выступали под шовинистическими лозунгами и не посягали на украинский язык и культуру.

В районах страны с преобладанием мусульманского населения (Северный Кавказ, Туркестан и др.) особое значение имели вопросы веры. Возникшие на их территории антибольшевистские правительства использовали ущемления советской властью прав церкви и верующих в качестве важнейшего пропагандистского лозунга. Хотя он и имел определенный успех, но в конечном итоге его оказалось недостаточно для массовой консолидации сельского населения для борьбы с большевиками. Так же как и на Украине, для крестьян-мусульман (дехкан) были важнее социальные вопросы: земля, доступ к водным ресурсам, пастбищам и т. д. [54, с. 114—119; 55, с. 313; 56, с. 34—49].

В годы Гражданской войны в Туркестане и Сибири, оказавшихся под властью антибольшевистских режимов, национальный фактор проявился в конфликтах между русскими казачками и коренными жителями регионов. Но в основе их про-

творечий также была борьба за необходимые для ведения сельского хозяйства землю и ресурсы. Сохранение и защита белыми правительствами прав казаков на них и отмена советского аграрного законодательства делали последних активными их защитниками, в том числе участниками подавления крестьянских выступлений на почве недовольства политикой этих правительств.

Таким образом, крестьянство под властью антибольшевистских правительств вело себя соответственно той политике, которую проводили в деревне белые. Эта политика мало чем отличалась от политики «военного коммунизма» большевиков в плане выкачки из деревни материальных и людских ресурсов на военные нужды. Поэтому недовольство ею и сопротивление ей были вполне закономерной реакцией крестьян. В то же время, отличие ситуации на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях от ситуации в советской России состояла в отношении режимов к главному для крестьян вопросу — вопросу о земле. Большевики однозначно решили его в пользу крестьян, которые прекрасно осознавали данный факт, но были недовольны тяготами Гражданской войны, мешавшими и им свободно хозяйствовать на своей земле. При этом советская власть не ставила под сомнение право крестьян на землю, объясняя свои разорительные для крестьянских хозяйств действия необходимостью победы над контрреволюционными силами, которая и станет гарантом завоеваний «общинной революции» и «черного передела».

Ничего подобного нельзя было сказать об аграрной политике Колчака и Деникина — главной угрозе советской власти. Они согласились оставить крестьянам земельные наделы, увеличенные или полученные в 1917 г. в результате ликвидации частного землевладения, прежде всего помещичьего, но на условиях временного пользования до окончания войны. При чем полагалась компенсация бывшим землевладельцам, которые нередко без санкции властей пытались наказывать крестьян за самоуправство и возвращать себе отобранные в период

революции имения. Но главное отличие аграрной политики белых режимов от советского состояло в том, что вопрос о земле в окончательном варианте, согласно их аграрному законодательству, мог быть решен только после победы над большевиками. Крестьянам в этой ситуации оставалось только верить на слово. Вряд ли это было возможно, учитывая реалии взаимоотношений между крестьянством и властью Колчака, Деникина и других антибольшевистских правительств. Данное обстоятельство, а также реальные факты поведения белых на подконтрольной им территории страны были мощным пропагандистским оружием для советской власти в ее борьбе за крестьянство.

Статья является апробацией текста соответствующей главы 12 тома «Истории России» новой академической версии Института российской истории РАН, подготовленной автором.

Список источников и литературы

1. *Кондрашин В. В.* В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6.
2. *Кондрашин В. В.* Крестьянское повстанческое движение 1918—1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг. : очерки истории и историографии. М. ; СПб., 2018. С. 437—484.
3. *Юрченков В. А., Куршева Г. А., Чернов А. В.* Современное историографическое осмысление: крестьянство в России в годы революции 1917 года и гражданской войны // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории : матер. VII Всерос. (XV регион.) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2018. С. 17—26.
4. *Крестьянский фронт 1918—1922 гг. : сб. ст. и матер. / сост. и науч. ред. А. В. Посадский.* М., 2013.
5. *Ленинский Декрет о земле в действии : сб. ст. / отв. ред. И. И. Минц.* М., 1979.
6. *История советского крестьянства : в 5 т. Т. 1 : Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927.* М., 1986.

7. *Кабанов В. В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

8. *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

9. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1920 гг. М., 2001.

10. *Государственная* власть и российское (сибирское) крестьянство в годы революции и гражданской войны : матер. междунар. науч. конф. Ишим, 18—19 мая 2001. Ишим, 2001.

11. *Саблин В. А.* Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917—1921 (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002.

12. *Шекшеев А. П.* Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 — конец 1918 гг.). Абакан, 2007.

13. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в годы гражданской войны: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

14. *Николашин В. П.* Социализация земли и переустройство тамбовской деревни (1917—1918 гг.). Мичуринск, 2015.

15. *Ченская Т. В.* Орловское крестьянство в годы гражданской войны (1918—1921 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5.

16. *Шафир Я.* Белогвардейцы и крестьянство. М. ; Л., 1928.

17. *Фоменко П. М.* Как воронежские рабочие и крестьяне боролись против Деникина. Воронеж, 1957.

18. *Скорыходов В. П.* Из истории партизанской борьбы в Восточной Сибири. Иркутск, 1957.

19. *Гордеев О. В.* Аграрная политика временных государственных образований Сибири в период гражданской войны (1918—1920 гг.). Красноярск, 2005.

20. *Рынков В. М., Ильиных В. А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. Новосибирск, 2013.

21. *Курышев И. В.* Партизанщина («Жиляевщина») в Северном Казахстане в 1919 году // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и матер. М., 2015.

22. *Исаев В. В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы гражданской войны // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура : матер. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 109—110;

23. *Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири* (июнь 1918 — декабрь 1919 г.) : сб. док. Новосибирск, 2017.
24. *Маленьких М. А.* Крестьянство Иркутской губернии в условиях контрреволюционных режимов // *Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие* : сб. ст. Всерос. науч. конф. Сургут, 2017.
25. *Шекшеев А. П.* «Дубинная война» на юге Енисейской губернии // *Военно-исторические исследования в Поволжье* : сб. науч. тр. Саратов, 2017. Вып. 11.
26. *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998.
27. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в годы гражданской войны: Новые источники и подходы // *Власть и общество России. XX век* : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 1999.
28. *Российский государственный архив социально-политической истории.*
29. *Российский государственный военный архив.*
30. *Государственный архив Российской Федерации.*
31. *Кондрашин В. В.* Крестьянство в годы Гражданской войны. М., 2019.
32. *Мамонтов С.* Походы и кони // *Поход на Москву*. М., 2004.
33. *Красный Орел*. 1919. 2 сент.
34. *Футорянский Л. И.* Казачество России в огне гражданской войны (1918—1920 гг.). Оренбург, 2003.
35. *Россия в Гражданской войне. 1918—1922* : энциклопедия : в 3 т. М., 2021. Т. 1.
36. *Махно Н. И.* На чужбине 1923—1934 гг. : записки и статьи. Париж, 2004.
37. *Павлов В. Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. Париж, 1964. Кн. 2.
38. *Булгаков А. О.* Балашов в кольце фронтов. 1917—1921. М., 2019.
39. *Посадский А. В.* От Царицына до Сызрани : очерки гражданской войны на Волге. М., 2010.
40. *Дубровин Д. Ю.* Семеновская крестьянская дружина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и матер. М., 2015.
41. *Курьшев И. В.* Крестьянские восстания в Алтайской губернии летом — осенью 1918 г.: облик и поведение повстанцев // *Вестник Удмуртского университета*. 2014. Вып. 3.

42. *Исаев В. В.* Противостояние казачества и крестьянства на Алтае в годы гражданской войны // *Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура* : матер. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2015.

43. *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // *Власть и общество в Сибири в XX веке* : сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. Вып. 4.

44. *Россия в Гражданской войне. 1918—1922* : энциклопедия : в 3 т. М., 2021. Т. 2.

45. *Тарасов Ю. А.* Партизанское движение в 1919 г. на Дальнем Востоке в период Гражданской войны // *Россия и АТР. 2012. № 4.*

46. *Крестьянство Сибири в период строительства социализма, 1917—1937.* Новосибирск, 1983.

47. *Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД* : док. и матер. : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998. Т. 1.

48. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 5 : Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926.

49. *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961.

50. *Ленин В. И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // *Полн. собр. соч.* : в 55 т. М., 1963. Т. 40.

51. *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918—1921 : док. и матер. М., 2006.

52. *Народные вожаки 1918—1922 гг.*: проблемы изучения и понимания. Материалы заочного круглого стола // *КЛИО. 2016. № 4 (112).*

53. *Акулин Е. В.* Слуцкое восстание против советской власти 1920 г. // *Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 13 (30).*

54. *Козлов А. П.* Особенности аграрной политики большевиков в первое десятилетие Советской власти в Казахстане // *КЛИО. 2019. № 8. С. 114—119.*

55. *Момбекова Ж. К.* Кыргызстан в советский период (1918—1990 гг.) // *История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до наших дней.* Бишкек, 2020. С. 313.

56. *Акрамов М. И.* Социально-экономические преобразования в период гражданской войны в Таджикистане в 1918—1923 годах // *Историк. 2022. № 2 (30). С. 34—49.*

М. И. Роднов, Л. Ф. Тагирова

Сельские кустари в условиях Гражданской войны: стратегия выживания

Рассмотрено бытование кустарных промыслов в годы Гражданской войны, когда они стали важной стратегией выживания сельского населения. Показано, что их продукция даже в условиях экономического хаоса была востребована населением, включая военных.

During the Civil War, the development of handicrafts became an important strategy of survival for the rural population. The study demonstrates that their production remained in demand among the population, including military personnel, even amidst economic turmoil.

Ключевые слова: экономика, кустарные промыслы, демография, Гражданская война, Южный Урал

Keywords: economy, handicrafts, demography, Civil War, Southern Ural

Одним из важнейших компонентов аграрной экономики многомиллионного крестьянского социума Российской империи являлись кустарные промыслы. Климатические условия на большей части территории страны, длинная зима, во время которой сельскохозяйственные занятия были невозможны, способствовали развитию разнообразных промыслов. Кроме того, несмотря на все успехи, фабричная промышленность еще не могла обеспечить многочисленное деревенское население необходимыми товарами. Для сельских ремесленников-кустарей сохранялся огромный рынок.

В отечественной историографии существует богатая общероссийская и региональная литература о крестьянских промыслах [1—8], уходящая своими корнями в традиции дореволюционных народнических исследований. Активно изучало кустарные промыслы уфимское земство [9; 10]. В различной степени несельскохозяйственные занятия крестьянства Южного Урала затрагивались в трудах по аграрной истории.

Значительно слабее изучено положение сельских кустарей в годы Гражданской войны, когда территория Уфимской губернии стала ареной самых активных военных действий. Распалась рыночная экономика, закрылись заводы, рудники, прииски, на которых трудились жители окрестных деревень, исчезли лесоторговые фирмы, оказались заброшены частные лесные дачи. Сплошная натурализация хозяйства, господство бартера особенно тяжело ударили по жителям горнолесной зоны, где из-за сложных природно-климатических условий собственное земледелие и животноводство не могло прокормить выросшее за предыдущие десятилетия население.

Прошедшая буквально сразу после прекращения основных военных действий на Южном Урале сельскохозяйственная перепись 1920 г. позволяет увидеть сложные процессы адаптации населения к военному хаосу. В уфимском архиве сохранились подворные карточки на домохозяйства, а обстановка наступавшего голода заставила организаторов переписи собирать более подробную информацию, чем было принято в земской статистике.

Большое влияние на ситуацию в годы Гражданской войны оказывала близость к крупным городам, где сохранялся постоянный спрос на продукцию кустарей. В качестве примера возьмем три башкирские деревни современного Архангельского района Республики Башкортостан — Узунларово, Айтмамбетово и Тереклы (к востоку от Уфы, написание названий варьировалось). На фрагменте карты 1911 г. (рис.) они расположены в правой, восточной части.

Рис. Фрагмент карты 1911 г.

Эти деревни лежат в лесном предгорье Южного Урала, в долине р. Инзер, которая впадает в р. Сим, а последняя через небольшое расстояние — в р. Белую.

Владения башкир-вотчинников (по имперскому законодательству, на коллективных частных, общинных собственников не распространялся, к примеру, указ от 9 ноября 1906 г., положивший начало Столыпинской реформе) лежали по соседству с владениями Удельного ведомства (на карте: У.В.). Это земли бывшего Архангельского медеплавильного завода, начавшего работу в 1753 г. Последний владелец граф С. С. Коссаковский закрыл производство, а землю продал Уделу. В 1899—1903 гг. была неудачная попытка открыть Архангельский чугуноплавильный завод [11, с. 231—249].

Действовавшее полтора столетия крупное предприятие оказало сильное влияние на соседних башкир, которые здесь находили работу по заготовке и транспортировке леса (завод использовал древесное топливо), перевозке медной руды с расположенных за сотни верст Каргалинских рудников под Оренбургом, а на базаре в с. Архангельском всегда можно было продать свою продукцию (рыбу, мясо, кожи, мед и прочее). В значительной степени жизнь горнолесных башкир была связана с индустриальным производством.

Заккрытие заводов принципиально не изменило обстановку. В пореформенные десятилетия в предгорьях Урала развернулись широкомасштабные лесозаготовки. Речная система небольшой, несудоходной р. Инзера позволяла вести молевой сплав древесины (бревна сплавляли по течению, внизу на запрудах их вылавливали, сбивали небольшие плоты и спускали по рекам до самой Уфы). Так, в сентябре 1881 г. землемер А. К. Траппер, спасаясь от башкир, из д. Узунларово спустился «на плоту вниз по реке Инзерю» [12, с. 86].

На р. Белой, в районе впадения р. Сима к 1910 г. располагался целый «куст» хлебных и лесных пристаней, а также горнозаводских обществ по отгрузке металла [13, с. 109—111].

При поддержке местного старосты в 1870—1880-е гг. жителей д. Айтмамбетово и Узунларово заставляли продать леса, что вызвало волнения, столкновения, судебные процессы, вмешательство Сената, отменившего сделку [12, с. 83—87]. Тем не менее несмотря на сопротивление крестьян, часть окрестных земель была продана. К 1912 г. по соседству располагались крупные владения Акционерного общества Комаровских железорудных месторождений (6149 дес.), купцов Деевых (6160,05 дес.), купчихи И. А. Чижевой (5820 дес.), мещан Клементьевых (392,84 дес.). Усадьба последних, располагавшаяся возле д. Узунларово, так и звалась — Пристань. Это были исключительно лесные «дачи», сельское хозяйство в них велось в минимальных размерах [14, с. 48—55].

Жители башкирских деревень нанимались на лесоразработку к купцам, отдавали собственные леса на вырубку. Земские статистики в 1895 г. писали про д. Айтмамбетово, Азово и Узунларово, составлявшие единую общину, где «земля не делена. Поля по ровному месту, возле селения. Почва — глинистая, местами — чернозем. Пашут сабанами. Огородов нет. Скот пасется в лесу все время. Лес разбросан по всему владению, испорчен порубками. Промыслы: осенью занимаются на замочках мочалы у соседних лесопромышленников; мочала

перевозят на пристань по 1½—2 коп. с пуда; на замочках заработная плата колеблется для мужчины между 15—25 коп. в день» [15, с. 19—20].

В конце XIX в. три выбранные башкирские деревни входили в Архангельскую волость Стерлитамакского уезда: Айтмамбетово при р. Инзере (59 дворов, 271 чел., мечеть, хлебозапасный амбар), Тереклы при р. Басе (105 дворов, 562 жителя, мечеть, хлебозапасный амбар, 2 бакалейные лавки) и Узунларова тоже при р. Инзере (92 двора, 503 чел., мечеть, амбар и бакалейная лавка) [16, с. 452—453].

Несмотря на продажу части земли, у башкир-вотчинников оставались еще огромные владения. В Айтмамбетово, по данным переписи 1912—1913 гг., имелось 2467 дес. наделной земли, в том числе 1032 дес. свободной за душевым наделом (последняя не распределялась по дворам), в Терекле — 11 238 (7039) дес., в Узунларово — 5938 (3428) дес. Из 72 семей в Айтмамбетово половина имела от 30 до 40 дес. на двор, у 24 домохозяев числилось свыше 30 дес. В Терекле все 172 семейства владели по 40 и более дес., в Узунларово из 152 дворов в 125 было по 30—40 дес., у 12 — еще больше.

Но огромные душевые наделы не обеспечивали благосостояния, поскольку сельскохозяйственное производство было развито слабо. В Айтмамбетово из 72 дворов в 20 ничего не сеяли, в 47 имели скромные посевы, не превышавшие 2 дес. и лишь в 5 дворах засеивали от 2 до 4 дес. В Тереклах из 172 семейств 68 были беспосевные, в 80 дворах было менее 2 дес., в 17 сеяли от 2 до 4 дес. и лишь 7 хозяйств имели «нормальные» посевы. В Узунларово из 152 дворов в 52 ничего не сеяли, в 73 имелось не свыше 2 дес., в 26 — от 2 до 4 дес. и единственный сельчанин засеивал более 6 дес. Всего из 396 домохозяйств трех деревень беспосевными были 140 (35%), еще в 200 дворах имелись крошечные посевы, не превышавшие 2 дес. (51%). Для основной части населения этих башкирских предгорных селений земледелие не было основой хозяйства.

Жители держали много скота, благо огромные лесные просторы обеспечивали выпас. В Айтмамбетово было 10 безлошадных дворов и 15 без крупного рогатого скота, в Тереклах — 32 и 74 двора, в Узунларово — 15 и 47 хозяйств соответственно. Пчеловодство процветало в Тереклах (26 дворов и 193 улья) и в Узунларово (8 и 84), там же население было занято в кустарных промыслах: в Тереклах — 146 хозяйств из 172, в Узунларово — 84 из 152. Всего 4 промысловика было зафиксировано в Айтмамбетово [17, с. 282—305].

Таким образом, источники однозначно свидетельствуют о том, что башкирское население трех выбранных деревень существовало за счет животноводства (придомовой, отгонный выпас), пчеловодства, кустарных промыслов, куда входил труд на лесоразработках у купцов и окрестных лесовладельцев. Земледелие имело подсобный характер и не могло прокормить сельчан, в начале XX в. жители начали выращивать картофель.

В административном отношении указанные три деревни входили сперва в большую Архангельскую волость, из которой в 1910-е гг. выделилась Инзерская волость с преобладающим башкирским населением. В 1920 г. возникает отдельная Тереклинская волость в составе уже Малой Башкирии, нового национально-государственного образования, созданного в 1919 г.

Экономический кризис Первой мировой войны, хаос революции и Гражданской войны крайне тяжело сказались на населении горнолесных и горнозаводских волостей Уфимской губернии, тесно связанных с индустриальным развитием. Произошло резкое сокращение численности населения городов, заводских поселков и деревень с 1917 по 1920 г. примерно с 10 до 20% [18, с. 124; 19].

На демографической ситуации сказались последствия прямых военных действий. Через округу, село Архангельское и другие, проходила партизанская армия В. К. Блюхера, в 1918 г.

здесь бушевало антисоветское восстание, шли жестокие бои, недалеко севернее лежит Самаро-Златоустовская железная дорога, вдоль которой в ходе сражений двигались основные силы красных и белых.

На рубеже XIX—XX вв. происходил стабильный прирост жителей. С учетом сложных природно-климатических условий и крайне малых посевов, безусловно, демографический прирост держался на стабильной и процветающей лесоперерабатывающей экономике (и животноводстве). За два десятилетия население трех башкирских деревень почти удвоилось.

Революция 1917 г. и последовавшая Гражданская война привели к сокращению численности населения на 15% в соседних горнозаводских волостях Уфимского и Златоустовского уездов. Сходные показатели позволяют утверждать, что главным фактором являлись не боевые действия (рядом труднопроходимые горные леса, где скрывалось население от красных и белых), а распад рыночной экономики.

Здесь надо выделять два фактора. Во-первых, сократилось собственное хозяйство сельчан. С 1917 по 1920 г. уменьшилась площадь и без того скромных посевов: в Айтмамбетово с 38,94 до 31,9 дес., в Тереклах — с 93,06 до 72,41 дес., в Узунларово — со 102,76 до 56,66 дес. Еще сильнее упало поголовье рабочих лошадей: в Айтмамбетово — со 131 до 50 голов, в Тереклах — с 297 до 110, в Узунларово — с 355 до 89. Лошадей труднее спрятать, и проходившие воинские части реквизировали животных.

Ярким показателем натурализации экономики стало сокращение числа беспосевных дворов. В 1917 г. во всех трех деревнях их было 253, а в 1920 г. — всего 106: количество упало в 2,5 раза. Зарабатывать деньги на стороне становилось невозможно, приходилось заводить свое, пусть и небольшое хозяйство. «Многопосевные» для этой местности дворы, засевавшие хлебом более 4 дес., практически исчезли.

Во-вторых, сказалось общее разрушение рыночной экономики, в которую многие предыдущие десятилетия было во-

влечено местное башкирское население. В округе закрылись все предприятия (лесоразработки, рудники), опустели пристани и гужевые дороги. Частная собственность была ликвидирована, купцы разбежались, их усадьбы и хутора разграбили.

Но рыночная экономика никуда не делась. Выжить со скудных посевов невозможно, охотой и рыболовством семью не прокормишь. Жители башкирских лесных деревень массово обратились к кустарным промыслам, в горнолесной местности неизбежно связанным с лесными богатствами.

Подворные карточки переписи 1920 г., которую новая советская власть рассматривала, как главный источник фискальной информации, подробно фиксировали огородные культуры и все занятия жителей.

В Узунларово (137 дворов) в 1920 г. в 62 семьях занимались рубкой и сплавом леса. Кроме этого, в отдельных карточках указаны профессии: милиционер (1 двор), мулла (2 двора) и «хлебопашцы» (4 двора) [20, ф. Р-472, оп. 2, д. 862].

В деревне Айтмамбетово из 68 башкирских семей 58 домохозяев записаны как «сплавщики леса». В Тереклах, находящихся в отдалении от р. Инзер, из 179 башкирских и 2 русских семей в 121 занимались заготовкой леса для сплава. Кроме этого, в Тереклах проживали 2 семьи мулл и 2 «работающих по найму в сельском хозяйстве». Из 2 дворов русских крестьян 1 принадлежал семье мельника и 1 — секретарю исполкома.

В годы Гражданской войны башкирское население осталось без хлеба и промышленных товаров, но ниже по течению р. Инзер, Сим и Белая лежит столица региона, г. Уфа, где, как и всюду по стране, бушевал топливный голод. Нечем было топить печи, поэтому уфимцы разбирали на дрова деревянные корпуса на Верхне-Торговой площади. Лесоматериалы нужны были для строительства и ремонта домов в деревянном городе, а военным лес требовался для возведения различных фортификационных объектов.

Небольшие плоты с охраной сплавливались до Уфы, где узунларовские башкиры и их соседи предлагали горожанам прекрасный строевой и дровяной лес в обмен на... кто что предложит. Естественно, не на бесполезные бумажки, поскольку в округе не осталось ни одного магазина, а на продукты, одежду обувь. Скорее всего, с очередной властью заключались договоры на оптовые поставки древесины, которую теперь можно было рубить где угодно, поскольку ни лесников, ни хозяев больше не было.

Материалы переписи 1920 г. свидетельствуют, что рубкой и сплавом леса занималось почти поголовно население всех трех деревень. Кроме ухудшения материального положения, видимо, сказывалось отсутствие молодых мужчин, мобилизованных либо «красными», либо «белыми», прекращение и так слабой медицинской помощи.

Таким образом, в годы Гражданской войны жители трех башкирских селений продолжали заниматься лесными промыслами (рубкой леса и сплавом древесины небольшими плотами по горным речкам и далее по р. Белой). До Уфы было недалеко, а лес на дрова и строительство стал большим дефицитом. Сокращение населения на 15—17% в целом совпадает с такими же данными по промышленным русским волостям Златоустовского уезда. По всей видимости, убыль населения в годы Гражданской войны в первую очередь была вызвана экономическими факторами, распадом рыночной экономики, что особенно сказалось в хлебопотребляющих местах — городах, заводах, рудниках, горнолесных промысловых селениях.

С другой стороны, Гражданская война стимулировала возрождение кустарных промыслов, которые стали единственной стратегией выживания. Возможность бесконтрольной рубки и бартерной торговли древесиной, чего не могло быть в условиях нормальной государственной власти, обеспечила развитие рыночной экономики в обстановке военного хаоса. Это станет одним из факторов успеха НЭПа в 1920-е гг.

Список источников и литературы

1. *Александров Н. М.* Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2007.
2. *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX—XX столетий. М., 2004.
3. *Егоров В. Г., Зозуля О. А., Палеолог М. В.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX — начала XX вв. (на материалах Московской губернии). М., 2011.
4. *Максимов С. В.* Российский кустарь (Опыт исследования досоветской историографии) // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе. Чебоксары, 2002.
5. *Никулин В. Н.* Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX — начало XX века). СПб., 2017.
6. *Рындзюнский П. Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е гг. XIX в.) М., 1966.
7. *Смурова О. В.* Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861—1914 гг. (по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний). Кострома, 2003.
8. *Тарновский К. Н.* Мелкая промышленность дореволюционной России : историко-географические очерки. М., 1995.
9. *Кустарные промыслы Уфимской губернии.* Уфа, 1912.
10. *Ионов Н. М.* Отхожие, местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии. Б. м., б. г. [оттиск из хозяйственно-статистического обзора за 1905 год].
11. *Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков : историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. 1.
12. *Ремезов Н. В.* Быль в сказочной стране : очерки. Уфа, 1986.
13. *Роднов М. И., Дегтярёв А. Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX века. Уфа, 2008.
14. *Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии.* Уфа, 1915.
15. *Сборник статистических сведений по Уфимской губернии Т. 2 : Стерлитамакский уезд. Оценочно-статистические материалы*

по данным местных исследований 1895 и 97 гг. / под ред. С.Н. Велецкого. Отдел V. Примечания. Краткая характеристика волостей и селений. Самара, 1899.

16. *Полный* список населенных мест Уфимской губернии / под ред. Н.А. Озерова. Уфа, 1896.

17. *Крестьянское* хозяйство Уфимской губернии : подворная перепись 1912—1913 гг. Уфа, 1914. Ч. 2 : Таблицы.

18. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

19. *Роднов М.И.* Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сб. материалов IV Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2013.

20. *Национальный* архив Республики Башкортостан.

Аграрная политика и сельское хозяйство регионов Северного Кавказа (1953—1964)

Анализируются некоторые особенности аграрной политики и развития сельского хозяйства регионов Северного Кавказа в 1953—1964 гг. Рассматривается политика освоения целинных земель в регионе. Отмечаются противоречия и результаты аграрной политики периода руководства Н. С. Хрущева.

The article delves into various aspects of agrarian policy and agricultural development in the North Caucasus regions in 1953—1964. Specifically, it examines the development policy pertaining to previously uncultivated lands in the regions. This analysis sheds light on the contradictions inherent in the agrarian policy during Khrushchev's leadership and highlights the outcomes it produced.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ростовская область, сельское хозяйство, аграрная политика, целина, колхозы и совхозы

Keywords: North Caucasus regions, Rostov region, agriculture, agrarian policy, virgin lands, collective farms and state farms

К началу 1950-х гг. были достигнуты определенные результаты в восстановлении сельского хозяйства Северо-Кавказского региона, однако по ряду параметров оно не превыша-

ло довоенного уровня, испытывало недостаток квалифицированных кадров, капиталовложений, сельскохозяйственной техники, строительных материалов. Большая часть колхозов, сельских населенных пунктов не была электрифицирована. Деревня оставалась поставщиком ресурсов для промышленности и города. Большинство крестьян жило бедно.

Сохранялись многочисленные проблемы, связанные с несоблюдением устава сельхозартели, бесхозяйственностью, расхищением земель колхозов, нарушением трудовой дисциплины и т. п., что нашло отражение во многих документах партийных и советских органов региона [1, ф. 9, оп. 1, д. 1127, л. 33—35; д. 1155, л. 21; д. 1602, л. 30—31; 2, ф. Р-3737, оп. 2, д. 1121].

Во второй половине 1953 г. политическим руководством СССР были провозглашены изменения в аграрном курсе, суть которых состояла в определенном пересмотре приоритетов аграрной политики. Был принят закон, вдвое уменьшивший налог с приусадебных участков и упорядочена система налогообложения, значительно повышены заготовительные цены на сельхозпродукцию, снижены нормы обязательных поставок с личных подсобных хозяйств, аннулированы долги колхозов и колхозников, началась выплата денежных авансов колхозам, приняты меры по укреплению колхозов кадрами, усилению роли МТС, увеличивались поставки техники в сельское хозяйство, расширены права колхозов и совхозов в области планирования производства: колхозам было предоставлено право определять минимум выработки трудодней. В 1958 г. были отменены все колхозные натуральные поставки и введена система государственных закупок и т. д.

Однако наряду с давно назревшими и вполне логичными изменениями в рамках сложившейся колхозно-совхозной системы, в основном преодолевшей наиболее тяжелые последствия оккупации и разорения военного времени, на Северном Кавказе, как и в других регионах страны, была предпринята

попытка реализовать такие решения в аграрной сфере, которые нельзя определить иначе, как произвол высокого начальства. Одной из мер, направленной на борьбу с отставанием в отрасли и решение зерновой проблемы не только в регионе, но и в СССР в целом, было провозглашено освоение целинных земель. В постановлении февральско-мартовского (1954) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» отмечалась необходимость этих действий, в том числе «частично в районах Северного Кавказа» [3, с. 365—366].

Опираясь на архивные материалы, рассмотрим вопрос о том, насколько обоснованными были планы освоения целинных и залежных земель в регионе, прежде всего в Ростовской области. Подчеркнем при этом, что общая характеристика курса на освоение целины в СССР не рассматривается в данной статье [4].

С 1954 г. в регионе проводилась большая работа по выявлению земель, годных для распашки. Правда, за 3 года до принятия решения об освоении целины ситуация выглядела иначе. В «Объяснительной записке к проекту плана развития сельского хозяйства колхозов Ростовской области на V (II послевоенную пятилетку) 1951—1955 гг.» отмечалось, что вся земельная площадь колхозов с 1941 по 1950 г. уменьшилась на 111,8 тыс. га, в том числе площадь пашни на 39,6 тыс. га. Таким образом, общее уменьшение колхозных земель с 1941 по 1955 г. составляло 251,3 тыс. га, списанных по решениям правительства в связи с отводом их под гослесополосы, государственные дубравы, постоянную оросительную сеть, специальные сооружения, зону затопления, организацию новых госпредприятий в зоне орошения и т. д.

Учитывая изменения в колхозном землепользовании и принимая во внимание, что: а) в колхозах юго-восточных районов области овцеводческого направления дальнейшая распашка постановлением правительства воспрещена; б) в колхо-

зах, имеющих значительные площади сенокосных и выгонно-пастбищных земель, расположенных в займищах р. Дон, распашка нецелесообразна, так как эти земли представляют высокопродуктивные кормовые угодья; в) в колхозах зоны орошения распашка новых земель для богарного земледелия вызовет потребность в пополнении трудоспособного населения, которая и без того исчисляется в десятки тысяч семей; г) в значительном числе районов области за послевоенные годы вовлечены в полевые и кормовые севообороты все пахотно-пригодные участки, а оставшиеся выгонно-пастбищные угодья непригодны по рельефу и почвенным условиям. Проект пятилетнего плана не предусматривал расширения пашни [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 1656, л. 1—2].

Далее в документе отмечалось, что в процессе территориальных изменений пахотные земли уменьшились и еще уменьшатся к 1955 г. в общей сложности на 203,5 тыс. га. Однако абсолютное сокращение пахотных земель значительно больше, примерно 300 тыс. га. С 1941 по 1951 г. происходила распашка сенокосных и выгонно-пастбищных земель, и в таком виде они передавались колхозам или преобразовывались до 1955 г. в другие угодья (плодово-ягодные, тутовые и лесные насаждения площадью около 110 тыс. га) [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 1656, л. 3—4].

К объяснительной записке было приложено обращение к заместителю Председателя Правительства СССР Г. М. Маленкову, в котором отмечалось несоответствие принятых в колхозах севооборотов и планов перехода к ним с данными годовых плановых заданий. Основными причинами этих расхождений были введение в колхозах севооборотов при отсутствии государственных плановых заданий и территориальные изменения в колхозном землепользовании за счет получения пахотоспособных земель под дубравы, государственные лесополосы и специальные сооружения. Для этих целей за пятилетку колхозам было передано свыше 200 тыс. га пахотоспособных земель.

Кроме того, в сельском хозяйстве области произошло укрупнение колхозов, число которых уменьшилось вдвое. В связи с этим предстояла большая работа по их внутривоспроизводственному землеустройству. Отсутствие государственного планового задания сдерживало проведение внутривоспроизводственного землеустройства, исправление ошибок, допущенных при введении севооборотов, размещение полевых защитных лесных полос, что замедляло темпы выполнения сталинского плана преобразования природы. Применение в колхозах орошения на огромной территории должно было внести изменения в структуру посевных площадей и повлиять на размещение сельскохозяйственных культур. Новым условием в изменении хозяйства колхозов области стало государственное задание по развитию тонкорунного овцеводства. Для этого требовалось создать соответствующую кормовую базу.

В ряде районов области были сосредоточены большие площади выгонно-пастбищных целинных земель. Их распашка малоэффективна для растениеводства, сохранение же является жизненно важным условием для тонкорунного овцеводства. В связи с этим область нуждалась в плановых заданиях по развитию сельского хозяйства; в решении вопроса о схемах севооборотов, которые обеспечат рациональное использование сельскохозяйственных земельных угодий, правильное размещение сельскохозяйственных культур и их чередование; в прямом указании правительства о прекращении распашки выгонно-пастбищных земель в колхозах, сохранении их для развития тонкорунного овцеводства и племенного коневодства; во внесении изменений в структуру посевных площадей [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 1656, л. 3—4].

Таким образом, разработанными в области планами развития сельского хозяйства на 1951—1955 гг. не ставились задачи освоения целинных и залежных земель. Напротив, в них говорилось о необходимости расширения посевов кормовых культур как базы развития овцеводства, соблюдения схем севооборотов, нецелесообразности распашки выгонов и пастбищ.

Между тем, как отмечалось в письме Г. М. Маленкову, Министерство сельского хозяйства СССР, участвуя в разработке показателей развития колхозов Ростовской области, не принимало во внимание изменений в сельском хозяйстве региона. Несмотря на отсутствие возможностей для расширения пашни, явной нецелесообразности распашки выгонно-пастбищных земель, существенного уменьшения у колхозов пахотнопригодных земель, Министерство в целях сохранения довоенного уровня некоторых сельскохозяйственных культур проектировало распашку сотен тысяч гектаров земли при незначительном расширении площади кормовых культур. В этих условиях область просила при установлении плановых заданий на пятилетку не увеличивать пашни под посевами и парами, значительно расширить площади посева кормовых культур, приведя их в соответствие с потребностью в кормах для растущего животноводства [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 1656, л. 41—45].

Судя по масштабам развернувшейся в регионе целинной кампании, обращение к Г. М. Маленкову не получило поддержки.

Политическое руководство страны во главе с Н. С. Хрущевым, инициировав ряд вполне назревших изменений в аграрной политике, вместе с тем стало на путь волюнтаризма и произвола, игнорируя вполне разумные, соответствующие требованиям агрономии, предложения, одновременно продвигая и поддерживая прожектерские инициативы. Результат не заставил себя долго ждать.

В регионе была усилена работа по выявлению целинных и залежных земель: согласно представленному отчету от 4 декабря 1954 г., в области было выявлено 94,0 тыс. га в колхозах, пригодных под распашку и посеvy зерновых и других сельскохозяйственных культур. Из указанной площади в результате изменения землепользования и уточнений исключено: а) 2,7 тыс. га, как непригодные земли под посев зерновых культур после проведения в 1955 г. почвенного обследования;

б) 1,5 тыс. га, как фактически используемые под улучшение пастбищ; в) 1,6 тыс. га, требующих предварительного проведения мелиорации. Часть земли передана новым совхозам: Мартыновскому зерносовхозу — 5,5 тыс. га, «Южному» зерносовхозу — 1,9 тыс. га и виноградным совхозам Романовского и Семикаракорского районов — 3,3 тыс. га; итого 10,7 тыс. га. Оставшиеся 77,5 тыс. га по годам распределялись так: в 1954 г. освоено под посевы 21,4 тыс. га, из них залежи — 15,6 тыс. га, сенокосы — 3,6 тыс. га, выпасы — 1,2 тыс. га и прочее — 1,0 тыс. га; весной 1955 г. освоено под посев 36,6 тыс. га, из них залежи — 16,3 тыс. га, сенокосы — 14,2 тыс. га, выпасы — 4,3 тыс. га и прочее — 1,8 тыс. га. В 1956 г. отведено под урожай 19,5 тыс. га, из них залежи — 10,5 тыс. га, сенокосы — 4,8 тыс. га, выпасы — 3,1 тыс. га и прочее — 2,3 тыс. га [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 3154, л. 1—2].

Согласно другому представленному в Министерство сельского хозяйства РСФСР отчету (июль 1955 г.), в Ростовской области в колхозах были выявлены целинные и залежные земли, пригодные под распашку и посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур, на площади 93 984 га, а также 105 366 га государственного земельного фонда. Из площади колхозных земель по результатам почвенного обследования было исключено 2741 га как непригодные земли под посев зерновых культур; 10 587 га передано зерновым, виноградным и плодоовощным совхозам; 746 га нуждались в предварительной мелиорации (засыпка противотанковых рвов и окопов, разминирование и проч.). У колхозов области осталось 83 748 га земли, пригодной для распашки. Дальнейшее освоение новых территорий под распашку и посевы в области не намечалось [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 3154, л. 1—2, 76, 110].

Как видно из документов, первоначальные планы освоения целинных земель, поддержанные областью, были существенно меньше, чем намеченные в министерстве (табл. 1).

Таблица 1

Вспашка целинных и залежных земель, тыс. га

Регион	В колхозах и в совхозах Министерства совхозов				В том числе в колхозах			
	1954	1955	1956	Итого за 3 года	1954	1955	1956	Итого за 3 года
Каменская об- ласть	40	14	—	54	17	11	—	28
Ростовская область	201	102	8	311	35	30	8	73
Краснодарский край	23	21	—	44	13	20	—	33
Ставрополь- ский край	296	261	37	594	120	126	27	273

Источник: [5, с. 182].

В сельских районах Ростовской области было распахано 475,8 тыс. га целины [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 5387, л. 11], в восточных районах Ставропольского края в 1954—1958 гг. — 855 тыс. га [6, с. 307]. Что касается Краснодарского края, то площади освоенных в нем целинных земель были незначительны, что связано с их отсутствием на Кубани.

На рубеже 1950—1960-х гг. работа по дополнительному вовлечению в оборот целинных и залежных земель активизировалась, и это несмотря на то, что динамика распашки новых земель в регионе после начала целинной кампании носила отрицательный характер. Так, в постановлении бюро Ростовского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся «О распашке целинных и залежных земель в колхозах и совхозах области» от 29 января 1959 г. отмечалось, что колхозы и совхозы области в ближайшие 2—3 года имеют

возможность без больших затрат распашать 200 тыс. га целинных и залежных земель, в том числе в 1959 г. 80 тыс. га, что позволит расширить посевы кукурузы, площади чистых паров и увеличить производство зерна [1, ф. 9, оп. 1, д. 2361, л. 13].

27 мая 1961 г. бюро Ростовского обкома КПСС и исполком областного Совета приняли постановление «О дополнительном вовлечении под распашку целинных и залежных земель в колхозах, совхозах и других хозяйствах на 1961—1965 годы», в котором в соответствии с решениями декабрьского (1959 г.) и январского (1961 г.) пленумов ЦК КПСС ставилась задача по выявлению в 1961 г. целинных и залежных земель на площади не менее 300 тыс. га. Из них предусматривалось распашать в 1961 г. 100 тыс. га. Кроме того, постановление обязывало Областное управление сельского хозяйства разработать мероприятия по хозяйственному освоению солонцовых земель, намеченных под распашку в восточных районах области: Дубовском, Заветинском, Орловском, Пролетарском и Ремонтненском [1, ф. 9, оп. 1, д. 2740, л. 41].

Однако курс на дальнейшее освоение целинных земель нельзя признать оправданным: в регионе не было такого количества пригодных для распашки целинных земель. Поэтому для дальнейшего освоения целинных земель намечалось сократить посевы многолетних и однолетних трав, распашать земли у обочин железных и шоссейных дорог, оросительных каналов, лесополос, выгонов, солонцовых земель в восточных районах области, часть лугов и пастбищ конезаводов и другие земли, что негативно отразилось на состоянии кормовой базы.

Конечно, освоение целинных и залежных земель стало одним из факторов увеличения производства зерна на Северном Кавказе, что отражено в таблицах 2, 3. С другой стороны, под прессингом местных властей и вопреки рекомендациям специалистов, хозяйства нередко сокращали чистые пары, распахивали луга и посевы многолетних трав, в том числе и на территории конезаводов, что тяжело отразилось на состоянии коневодства в области. Поля стали засоряться, усилилась подвер-

женность почв ветровой и водной эрозии. Имели место и пыльные бури в регионе, например, в 1960 г. в Ростовской области [1, ф. 9, оп. 1, д. 2516, л. 40].

Таблица 2

**Динамика валовых сборов зерна
(без кукурузы молочно-восковой спелости), тыс. т**

Регион	Среднегодовой сбор в 1954—1958 гг.	Среднегодовой сбор в 1959—1963 гг.	Валовой сбор 1959—1963 гг., % к 1954—1958 гг.
Краснодарский край	4299,5	4775,0	111,0
Ставропольский край	2538,0	3350,0	132,0
Ростовская область	3652,1	4251,0	116,4

Источник: [2, ф. Р-3737, оп. 9, д. 529, л. 1].

Таблица 3

Динамика и удельный вес Северного Кавказа в производстве зерна

Год	Объем производства зерна, тыс. т		Удельный вес Северного Кавказа в производстве РСФСР, %
	РСФСР	Северный Кавказ	
1953	48226	7978	16,5
1955	58415	10469	18,0
1958	76768	16484	21,5
1959	68359	9272	13,6
1960	76201	13308	17,45
1961	73693	13379	18,1
1962	86754	17000	19,6
1963	65433	15376	23,5

Источник: [2, ф. Р-3737, оп. 9, д. 529, л. 3].

В справке о состоянии животноводства в колхозах Ростовской области, подготовленной к областной партконференции, отмечалось, что в 1955 г. вступившее в зимовку поголовье скота было обеспечено кормами: грубыми — на 53,0%, сочными — 45,0%, концентратами — на 28,8%. Обеспеченность помещениями крупного рогатого скота составляла 78,8%, овец — 79,8%, свиней — 75,2%, лошадей — 77,1%, птицы — 69,05%. С 1 октября 1955 г. по 1 апреля 1956 г. пало 12 082 голов (2,5%) крупного рогатого скота, 122 741 (6,4%) овец, 57 490 (9,9%) свиней. Количество птицы за это время сократилось на 778 529 голов (38%), лошадей — на 9823 голов (16%) [2, ф. Р-4127, оп. 1, д. 3580, л. 2].

Таким образом, в историографии при рассмотрении вопроса о роли целинной кампании в развитии сельского хозяйства СССР не всегда обращается внимание на региональные особенности целинного курса. Руководство Северного Кавказа активно поддержало освоение целины, хотя площади целинных земель в регионе были весьма ограниченными и не могли существенно повлиять на выращивание зерновых культур. Оценивая освоение целины в регионе, необходимо отметить, что оно носило в известном смысле периферийный характер и не может рассматриваться как необходимое условие для подъема сельского хозяйства. Региональный курс на освоение целины не был результатом научно обоснованного выбора. В его проведении проявился субъективизм, административный произвол, инициированный сверху. Это частный, но показательный случай, отражающий несамостоятельность не только руководства колхозов и совхозов, но и властей региона.

Список источников и литературы

1. *Центр* документации новейшей истории Ростовской области.
2. *Государственный архив* Ростовской области.
3. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). М., 1985. Т. 8.

4. *Наухацкий В. В.* Целинная кампания Н. С. Хрущева: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов н/Д, 2018.
5. *Народное хозяйство РСФСР в 1956 году* : стат. сборник. М., 1957.
6. *Очерки истории Ставропольского края* : в 2 т. / отв. ред. А. А. Коробейников. Ставрополь, 1986. Т. 2.

В. Н. Томили

Колхозы в аграрной политике государства (1946—1950)

Рассматриваются положение советской деревни и аграрная политика Советского государства в первые послевоенные годы. Исследуются мобилизационные методы правительственной деятельности, которые предусматривали перераспределение ресурсов деревни в пользу государства.

The article explores conditions that characterized the development of rural areas in the Soviet Union after the end of the Second World War II. The author analyses the agrarian policy of the Soviet state during this crucial period. The study examines the multifaceted strategies employed by the government to marshal its efforts, encompassing the strategic redistribution of rural resources to bolster the interests of the state.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства, сельское хозяйство, колхозы, машинно-тракторные станции

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, agriculture, collective farms, machine and tractor stations

Победа советского народа в Великой Отечественной войне потребовала напряжения всех сил на фронте и в тылу. Переход от войны к мирной жизни осложнился невиданным доселе объемом восстановительных работ: необходимо было поднимать из руин города, заводы, фабрики, шахты, предприятия

энергоснабжения и многое другое. На помощь союзников по антигитлеровской коалиции рассчитывать не приходилось. С разгромом фашистской Германии исчез страх перед ней, на основе которого и сформировался союз СССР, США и Англии. Идеологические, геополитические и экономические разногласия между ними оказались столь велики, что привели к новому витку противостояния, получившему название «холодной войны».

Соперничество великих держав затронуло все сферы и прежде всего военную. Вторая мировая война способствовала ускоренному развитию научно-технической и конструкторской мысли, появлению новых технологий. Открылась перспектива создания вооружения на иных принципах. Появились образцы нового стрелкового, артиллерийского, ракетного вооружения, реактивная авиация вытеснила поршневую, атомное оружие изменило представления о будущих войнах и их последствиях. СССР был поставлен перед выбором: принять глобальный вызов или уйти с международной арены как великая держава. Глубокая модернизация Вооруженных Сил стала велением времени. Во второй половине 1940-х гг. Советским государством решалась геополитическая задача по формированию социалистического лагеря.

Решение внутренних проблем и международных задач требовало огромных средств. Одним из источников их пополнения правительство рассматривало сельское хозяйство, которое находилось в трудном положении. Засуха 1946 г. показала степень деградации сельского хозяйства страны. Из-за небыстрой засухи, вследствие слабости материально-технической базы, невозможности выполнить основные агротехнические работы в срок производство зерна сократилось почти на 20%. В стране начался массовый голод, гибли люди.

Новейшая историография послевоенной советской деревни обширна. Современные исследователи активно рассматривают аграрную политику Советского государства в первые послевоенные годы. На передний план выходит понимание сложности положения деревни, связанной со слабостью материально-тех-

нической базы, снижением уровня энерговооруженности труда, падением уровня агротехнической культуры и т. д. [1; 2] Некоторые современные ученые продолжают оставаться в плену прежних представлений, согласно которым трудности послевоенной деревни сводились к политике властных структур [3], повторяются тезисы о доминировании репрессивных методов и даже «разграблении» деревни [4, с. 74—76].

Главная беда послевоенного колхозного производства заключалась не только в низкой мотивации производительного труда, но и в отсутствии возможности его интенсификации. Слабость материально-технической базы, неразвитость инфраструктуры и, как следствие, примитивная культура земледелия обусловили огромные затраты ручного труда, его непривлекательность и низкую производительность.

За годы войны трудовые ресурсы колхозной деревни значительно сократились. Это привело к большей напряженности труда в сельском хозяйстве, что видно из данных таблицы.

**Восстановительные процессы в колхозах СССР
в первые послевоенные годы, %**

Восстановление посевных площадей (на начало 1947 г. к 1940 г.)	Наличие трудоспособных колхозников (на 1 января 1946 г. к 1940 г.)	Наличие живой и механической тягловой силы (НР) (на начало 1947 г. к 1940 г.)	Увеличение нагрузки (1947 г. к 1940 г.)	
			посевных площадей на одного трудоспособного колхозника	пашни в обработке на одну НР механической и живой тягловой силы
79	66,4	68,2	20	19

Источник: [5, ф. 7486, оп. 7, д. 410, л. 227].

Количество рабочей силы в колхозах на 1 января 1946 г. составляло лишь 66,4% от того же показателя 1940 г., механической и живой тягловой силы — 68,2%, что не соответствовало темпам восстановления посевных площадей, которые в

1947 г. в расчете на одного трудоспособного человека в сравнении с довоенным временем увеличились на 20%. Живой и механической тяговой силы (НР) стало меньше на 31,8%.

В итоге в сельском хозяйстве сложилась крайне противоречивая ситуация, когда меньшим количеством людей, при сокращении живого и механического тягла предстояло восстановить довоенное производство. Особенно большие трудности возникли в колхозах Алтайского края, Куйбышевской, Ростовской, Саратовской, Сталинградской и Крымской областях Российской Федерации. В них на одного трудоспособного колхозника приходилось 8—10 га посевов, что в 2—2,5 раза превышало средние показатели по стране. При этом следует учесть и тот факт, что нагрузка пахотной земли в обработке в расчете на одну условную лошадиную силу (НР) механической и живой тяги также выросла в этот период на 19% [5, ф. 7486, оп. 7, д. 410, л. 227].

Правительственная политика по восстановлению народного хозяйства предусматривала не только перераспределение финансовых средств колхозов, но и их трудовых ресурсов. В соответствии с государственным планом в 1947 г. предстояло мобилизовать из деревни на работу в промышленности 1818 тыс. чел. По мнению министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова, это были запредельные цифры, они превышали возможности колхозной деревни. В служебной записке на имя члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова, подготовленной в марте 1947 г. (перед началом весенне-полевых работ), он отмечал: отвлечение рабочих рук из колхозов в таких масштабах «еще больше увеличит напряженность с рабочей силой... неизбежно скажется на удлинении сроков и тем самым снижении качества обработки и уборки сельскохозяйственных культур и понижении урожайности». Министр просил пересмотреть вопрос о мобилизации рабочей силы для промышленности и произвести ее главным образом за счет городского населения и деревенских жителей, не занятых в колхозах [5, ф. 7486, оп. 7, д. 410, л. 227—229].

Колхозы 18 субъектов Российской Федерации, основных производителей зерна: Алтайского, Краснодарского и Красноярского краев, Башкирии, Кемеровской, Курганской, Сталинградской и некоторых других областей — «испытывали большое напряжение с рабочей силой», их предлагалось «полностью освободить от мобилизации», а в колхозах 18 регионов, производящих технические культуры и овощи, уменьшить задание наполовину.

В сталинском руководстве И. А. Бенедиктов был фигурой «второго плана», поэтому он не мог повлиять на реализацию государственной политики в сфере трудовой миграции. В то же время записка является документом, отражающим проблемы послевоенной колхозной деревни и противоречивость прайвительственного курса.

Перераспределение трудовых ресурсов деревни осуществлялось государством даже в тех случаях, когда в самих колхозах ощущалась острая нехватка рабочих рук, а сельскохозяйственное производство велось на примитивном уровне. В этом плане показательным положением Костромской области. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. урожаи зерновых в них не превышали 5 ц с га, картофеля — 60—70 ц. В 1952 г. на трудодень костромские колхозники в среднем получили 442 г зерна, 510 г картофеля и 46 коп. [6, ф. 5, оп. 46, д. 14, л. 2—3].

В письме руководителей Костромской области секретаря обкома партии Д. Л. Сумцова и председателя облисполкома Г. В. Хорькова, направленном в ЦК КПСС, сложившиеся трудности объясняются нехваткой рабочих рук, тем, что деревня обезлюдела. И так было в действительности.

Перераспределение трудовых ресурсов колхозов в послевоенные годы проводилось государством с большим размахом. С 1945 по 1953 г. в порядке организованного набора в промышленность, на строительство и транспорт было направлено 45,4 тыс. чел., а еще 27,9 тыс. подростков — в школы ФЗО и ремесленные училища. За указанный период 9,2 тыс. колхозников выехали для заселения Калининградской области и районов Дальнего Востока. Далеко не всегда миграционные

процессы, протекавшие в послевоенной деревне, носили управляемый характер. Как раз наоборот. Население покидало деревню из-за тягот жизни, низкого социального статуса, отсутствия перспектив. В частности, только в 1945—1946 гг. колхозы Костромской области самовольно покинули более 27 тыс. чел.; как правило, не возвращались в колхозы демобилизованные из армии военнослужащие.

В 1946—1953 гг. количество дворов в костромских колхозах уменьшилось со 134,8 тыс. до 103,8 тыс., или на 23%, а трудоспособных людей — со 184 тыс. до 132,5 тыс., или на 28% [6, ф. 5, оп. 46, д. 14, л. 1]. Часть населения откровенно уклонялась от работы в колхозах. Методы административного нажима и угроз не давали экономического эффекта. Нужны были решения, способные повлиять на повышение культуры сельскохозяйственного производства и его эффективность. С этой целью принимались правительственные постановления.

В феврале 1947 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), в центре внимания которого был вопрос преодоления кризиса в сельском хозяйстве. Прежде всего предстояло восстановить посевные площади. В качестве главной задачи развития сельского хозяйства была определена зерновая проблема. Разрешить ее предполагалось за счет повышения культуры земледелия на базе интенсификации производства. Это улучшение обработки земли, введение травопольных севооборотов, восстановление семеноводства и переход к сортовым посевам, ликвидация засоренности полей, использование удобрений.

Интенсификация сельского хозяйства невозможна без привлечения соответствующих финансовых и материальных ресурсов. А их не было. Пятилетний план развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. предусматривал выделение на развитие аграрного сектора 57,9 млрд руб., или почти 27% всех вложений. Здесь же учитывались инвестиции колхозов в размере 38 млрд руб. В действительности у колхозов таких денег не было. Реальные вложения государства в развитие сельского хозяйства в предстоящее пятилетие были запланированы на уровне 11% от общего объема [7, с. 252, 254, 273—274].

И предназначались они для укрепления сети государственных машинно-тракторных станций и совхозов. За счет аграрного сектора экономики формировалась, как минимум, треть бюджета государства. Таким путем осуществлялся механизм перераспределения ресурсов из деревни в казну.

В первые послевоенные годы в колхозах была очень высокой доля тяжелого ручного труда, отсюда его непривлекательность и низкая оплата. Своеобразным признаком неблагополучия колхозной деревни стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Устанавливался порядок, когда на основе решения общего собрания колхозников или поселения человека могли выселить в отдаленные районы Сибири сроком на 8 лет [8].

Исполнение Указа о выселении должно было напоминать колхозникам о «первой заповеди», создавало в деревне атмосферу нервозности и страха перед жестоким наказанием, но оно никак не могло повлиять на повышение агрокультуры и рост общественного производства.

Низкий уровень развития агротехнической культуры в СССР ставил сельское хозяйство страны в жесткую зависимость от природно-климатического фактора. В основных зернопроизводящих районах СССР засуха случается в среднем один раз в 4 года. Правительство приняло ряд мер по борьбе с ней. В 1947 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о развитии орошения и полезащитного лесонасаждения в областях Черноземного центра России. В следующем году был принят еще более масштабный проект «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». Проект был рассчитан на 1949—1965 гг. и призван изменить климат и побороть засуху за счет полезащитного лесоразведения и орошения. Для ре-

ализации задачи следовало создать 8 лесных полос в степных и лесостепных районах протяженностью свыше 5,3 тыс. км, посадить 3592,5 тыс. га полезащитных лесонасаждений и построить 41,3 тыс. прудов и водоемов. Следует обратить внимание на тот факт, что основную часть работ по созданию полезащитных лесополос и строительству прудов должны были выполнить колхозы [9, ст. 80].

Разоренные войной, пережившие засуху колхозы не имели ни материальных, ни финансовых ресурсов для выполнения работ такого масштаба. Они полностью зависели от машинно-тракторных и специализированных лесозащитных станций. Оплата тракторных работ по полезащитному лесоразведению производилась по государственным расценкам. Денег на это не имели даже относительно крепкие колхозы. В результате финансирование работ мелиоративных тракторных отрядов осуществляло само государство, выделяя колхозам целевые ссуды. Тем самым правительство принуждало их финансировать реализацию «плана преобразования природы».

Реализация «плана преобразования природы» проходила в основном в 1948—1953 гг. В условиях ограниченности ресурсов страны это был крайне нерациональный и даже расточительный с финансово-экономической точки зрения проект. Он был невыполним, так как в послевоенной стране для него не было средств, и не нужен, поскольку не водный баланс определял уровень сельского хозяйства [10, с. 613]. Путем проведения разовых мероприятий было невозможно изменить климат и вывести из упадка сельское хозяйство. Более того, исполнение правительственных директив нередко представляло собой борьбу с природой, с экономической точки зрения выглядело полной бессмыслицей. В этом плане показательна ситуация в Тамбовской области. Ее руководство в лице секретаря обкома партии А. М. Школьников и председателя облисполкома П. Ф. Морозова в обращении в ЦК КПСС от 6 сентября 1954 г. (пусть задним числом) вынуждено было признать ошибочность претворяемого ими в жизнь «плана преобразования природы»: «Как показала практика, орошаемое земледе-

лие в Тамбовской области, в том виде как оно создано, совершенно неприемлемо и оно себя не оправдало. ... На поливных землях колхозы получают урожаи такие же или даже ниже, чем на обычных землях. В то же время эксплуатация орошаемых участков обходится очень дорого — требуются дорогостоящее топливо, квалифицированные кадры, большие затраты на ежегодное устройство оросительной сети. Орошаемое земледелие потеряло всякое значение в глазах колхозников» [6, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 81].

Положение в Тамбовской области является прекрасным образчиком того, как в нишей послевоенной деревне «закапывались в землю» колоссальные деньги без всякой надежды на отдачу. В колхозах области было «сдано» 27 тыс. га орошаемых земель, из которых почти половина (!) никогда не эксплуатировалась вследствие ошибок, допущенных при проектировании и строительстве, которые велись наспех, неправильно производился отбор земель, допускались грубые ошибки в выборе способов полива, а главное, совершенно не принималась во внимание экономическая целесообразность поливного земледелия. Во многих колхозах для него отводились самые худшие и наиболее удаленные от населенных пунктов земли [6, ф. 5, оп. 46, д. 22, л. 82].

Правительственная политика в деревне была направлена на развитие общественного сектора сельского хозяйства. Между тем колхозы и совхозы занимались преимущественно земледелием. Животноводство как отрасль во многих предприятиях только обозначалось. Так, в 1948 г. в общественном секторе было произведено лишь 32 % мяса, 19 % молока, 8 % яиц, а большую часть животноводческой продукции давали личные подсобные хозяйства [11, с. 107].

Власть предприняла ряд мер по развитию животноводства в общественном секторе. 18 апреля 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «Трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)». В течение

трех лет в колхозах и совхозах предстояло увеличить не менее чем в полтора раза производство мяса, масла, яиц и других продуктов [12, с. 343].

Развитие общественного животноводства требовало больших финансовых и материальных ресурсов для создания материально-технической и кормовой базы, налаживания селекционной работы, зоотехнической и ветеринарной служб и т.д. Государственная поддержка программы осуществлялась посредством проведения организационных мер районными и областными партийно-государственными структурами, а также через МТС. Машинно-тракторные, создаваемые машинно-животноводческие и лугомелиоративные станции оказывали колхозам существенную помощь при механизации работ по выращиванию и заготовке кормовых культур.

Трехлетняя государственная программа по развитию общественного животноводства была выполнена. В 1949—1951 гг. производство мяса и сала выросло в 1,8 раза, молока — в 1,7, яиц — в 3,4. При этом следует подчеркнуть: высокие темпы роста общественного животноводства — это не столько показатель благополучия отрасли, сколько ее невысокого исходного уровня. Преобладающую часть животноводческой продукции по-прежнему давали личные подсобные хозяйства. В 1950 г. доля их продукции составляла по мясу 67%, молоку — 75%, яйцам — 89% [13, с. 124].

В послевоенные годы руководство страны сделало ставку на максимально эффективное использование ресурсов МТС. В пропагандистский оборот был пущен тезис о том, что серьезным препятствием в деле дальнейшего развития сельского хозяйства является наличие мелких колхозов, которые не могут развивать общественное хозяйство вследствие ограниченных размеров закрепленных за ними земель. ЦК ВКП(б) 30 мая 1950 г. принимает постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [6, ф. 89, д. 4, л. 1].

Укрупнение колхозов шло, как правило, путем слияния хозяйств, имеющих большую задолженность перед государст-

вом, с экономически крепкими, не имеющими ее. После реформы долги легли на объединенные колхозы. К сожалению, экономическая эффективность реформы не просчитывалась. На практике все свелось к голому администрированию и механическому слиянию хозяйств. При этом правительство исходило из интересов государства и стремилось вернуть недоимки прошлых лет по натуральным поставкам и денежным платежам, что сдерживало развитие укрупненных колхозов. Попытки снизить бремя расходов на содержание управленческого аппарата, его сокращение привели к образованию колхозов, включивших в свой состав порядка десяти и более деревень. Возникали совершенно неуправляемые хозяйства. Но главная беда колхозного производства была не в том, что возможности использовались плохо, а в слабости материально-технической основы, то есть в отсутствии необходимой инфраструктуры и ресурсной базы.

Производство зерна является базовой отраслью сельского хозяйства. Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. предусматривал значительное увеличение производства зерна с тем, чтобы к концу пятилетия довести годовой сбор зерна до 127 млн т при достижении средней урожайности в 12 ц с га [7, с. 273]. Цель не была достигнута. В 1950 г. валовой сбор зерна в СССР составил 81,2 млн т [11, с. 148].

Таким образом, в аграрной политике советского государства колхозы занимали центральное место. И по-другому быть не могло: они производили преобладающую долю сельскохозяйственной продукции, колхозники составляли основную часть жителей деревни. В силу крайне ограниченных финансово-материальных ресурсов государство поддерживало аграрный сектор лишь в том объеме, чтобы он функционировал. Для развития колхозного производства путем интенсификации в первые послевоенные годы государство необходимых средств не имело.

Список источников и литературы

1. *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система Сибири в 1946—1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016.
2. *Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н.А. Серогодский, В.Н. Ратушняк, А.С. Демченко [и др.].* Краснодар, 2017.
3. *Ломшин В.А.* Крестьянство и власть Мордовии в послевоенный период (1946 — середина 1950-х гг.). Саранск, 2008.
4. *Коньшев Д.Н.* Аграрная политика СССР после Великой Отечественной войны (1945—1953 годы) // Преподавание истории в школе. 2012. №3. С. 74—76.
5. *Российский государственный архив экономики.*
6. *Российский государственный архив новейшей истории.*
7. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. 1917—1967 гг. : сб. документов за 50 лет. М., 1968. Т. 3 : 1941—1952.*
8. *О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни : указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. URL: <http://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480602.htm> (дата обращения: 25.02.2023).*
9. *Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. М., 1948. №6.*
10. *Аврех А.Л., Канищев В.В.* «Зеленая революция» или Напасть. Очерки по истории Сталинского плана преобразования природы в Тамбовской области. Тамбов, 2011.
11. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 гг. М., 1972.
12. *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917—1957 : сб. документов : в 4 т. М., 1958. Т. 3 : 1946—1952.*
13. *История социалистической экономики СССР : в 7 т. Т. 6 : Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 — начало 1960-х годов. М., 1980.*

А. И. Шевельков

**Документы федеральных архивов
о формировании аграрной политики государства
в Нечерноземной зоне РСФСР
в первой половине 1970-х годов**

Анализируются отдельные документы из фондов федеральных архивов, позволяющие выявить процесс формирования аграрной политики государства по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в первой половине 1970-х гг.

The publication examines records sourced from the collections of federal archives. These documents provide insights into the evolution of the state agrarian policy, aimed at advancing agricultural growth in the Non-Chernozem zone of the RSFSR in the first half of the 1970s.

Ключевые слова: Нечерноземная зона РСФСР, аграрная политика, сельское хозяйство, архивные документы, проекты постановлений

Keywords: Non-Chernozem zone, RSFSR, agrarian policy, agriculture, archival documents, draft resolutions

В ряде фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), содержится значительное количество документов, включая проекты постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, позволяющих достаточно объективно проследить процесс формирования аграрной политики государства в Нечерноземной зоне РСФСР в 1970-е гг.

После многочисленных дискуссий в Президиуме ЦК (1965—1966), Политбюро ЦК КПСС (1966—1974), Бюро ЦК по РСФСР (1965—1966), Советах министров СССР и РСФСР (1965—1974), 20 марта 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР о дальнейшем развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР [1, с. 889], которое определило начало нового этапа аграрной политики государства в крупнейшем социально-экономическом районе страны.

Несомненно, что это был успех российских ведомств, которые, начиная с 1965 г., регулярно ставили вопрос о принятии партийно-государственного постановления по развитию сельского хозяйства региона. К сожалению, процесс был растянут практически на десятилетие, что сыграло негативную роль в снижении эффективности аграрной политики государства в Нечерноземье в последующие годы.

Проведя объективный анализ состояния сельского хозяйства Нечерноземья, социальной сферы села, обнажив проблему оттока в города трудоспособного населения, руководители ряда российских профильных министерств и ведомств, а в конечном итоге СМ РСФСР, вскоре после мартовского (1965) пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству настаивали на двукратном увеличении финансирования, материально-технического обеспечения колхозов и совхозов региона. Что и было ими изложено в «Мероприятиях по подъему и дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (1965). По всей видимости, подобные «аппетиты» российских ведомств, стали основным препятствием в принятии постановления ЦК и Совмина СССР по региону во второй половине 1960-х гг. Хотя у СМ РСФСР во главе с членом Президиума ЦК Г.И. Вороновым была серьезная надежда на поддержку Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которое возглавил новый Первый секретарь ЦК Л.И. Брежнев. Тем более что Президиум ЦК поручил ему курировать сельское хозяйство. Г.И. Воронов знал о ряде заявлений Л.И. Брежнева на заседаниях Президиума ЦК о готовности выделить необходимые финансовые и мате-

риальные ресурсы для подъема сельского хозяйства, включая Нечерноземную зону РСФСР, поскольку засуха 1963 г., приведшая к обострению продовольственной проблемы, сокращению золотовалютных и стратегических ресурсов страны, требовала принятия срочных мер в аграрном секторе экономики.

Л. И. Брежнев первоначально ставил вопрос и о списании всех 5,4 млрд руб. задолженности колхозов страны на 1 января 1965 г., в том числе по ссудам Госбанка СССР, взятым на покупку техники, оборудования и сооружений, реорганизованных МТС и РТС, а также полученных в качестве аванса от заготовительных организаций. Однако по мере выявления более важных проблем в сельском хозяйстве страны в ходе подготовки к мартовскому (1965) пленуму ЦК, возникла проблема дефицита финансовых ресурсов, поиска источников их пополнения для реализации решений ЦК и СМ СССР по итогам партийного форума [2, ф. 2, оп. 1, д. 768, л. 100].

В итоге общая сумма списания задолженности колхозов составила 2,13 млрд руб. Оставшаяся же задолженность колхозов в сумме 3,27 млрд руб., стала серьезным бременем для хозяйств в годы VIII пятилетки (1966—1970).

Несмотря на то, что Министерство сельского хозяйства РСФСР в годы VIII пятилетки выделило хозяйствам зоны около 5 млрд руб. или 33 % от всех государственных капитальных вложений, увеличило поставку тракторов в 1970 г. против 1966 г. на 31 %, а также минеральных удобрений, ожидаемого существенного роста сельхозпроизводства здесь не произошло [2, ф. 5, оп. 63, д. 249, л. 27].

Несомненно, что отрицательный ответ СМ СССР на просьбу СМ РСФСР об увеличении финансирования, обеспечении более объемным техническим оснащением сельхозпредприятий региона, изложенную в «Мероприятиях по подъему и дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (1965), сыграл негативную роль в выполнении задач развития аграрного сектора экономики региона. Равно как и отказ в принятии в 1965—1966 гг. постановления ЦК и

СМ СССР по широкой мелиорации земель Нечерноземья. Что, однако, не остановило стремление СМ РСФСР разработать и принять партийно-государственное решение.

В годы VIII — начале IX пятилеток, были подготовлены несколько вариантов проектов постановления ЦК и СМ СССР, которые без широкого обнародования рассылались для согласования руководителям обкомов КПСС Нечерноземья. О существовании одного из вариантов российского проекта, мы узнаем только из выступления первого секретаря Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикова на декабрьском (1968) пленуме ЦК, в котором он высказал свое отношение к содержанию отдельных положений документа.

Вот почему о разработке проекта не упоминается в записке в ЦК министра сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьева «О состоянии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (апрель 1971 г.). Между тем, министр обозначил наиболее острые проблемы, влияющие на выполнение колхозами и совхозами плановых заданий, которые должны были отразиться в содержании отдельных пунктов проекта.

По мнению Л. Я. Флорентьева, денежная политика государства требовала постоянной корректировки, поскольку повышение закупочных цен на некоторые виды сельхозпродукции по решению мартовского (1965) пленума ЦК, дало определенный положительный эффект лишь в первые 2 года пятилетки. В дальнейшем же производство большинства видов продукции с каждым годом становилось все менее выгодным, а для многих хозяйств и убыточным. Если в целом по РСФСР почти у 27% совхозов в 1970 г. производство продукции было нерентабельным, то в Нечерноземной зоне РСФСР таких хозяйств было 34%. В большинстве субъектов зоны в конце пятилетки численность убыточных совхозов росла. Так, в Новгородской области их удельный вес вырос с 55% в 1965 г. до 61% в 1970 г., в Кировской области — с 36 до 55%. В итоге, если в РСФСР в 1970 г. совокупная рентабельность сель-

хозпроизводства в совхозах составила 16,2%, то в Нечерноземье — 9%. В колхозах, соответственно, 37 и 34%. Если в целом по совхозам РСФСР в расчете на один затраченный в производстве человеко-день было получено чистой прибыли 1 руб. 21 коп., то в Архангельской области — 18 коп., в Новгородской — 15 коп., а в Брянской — лишь 9 коп. [2, ф. 5, оп. 63, д. 249, л. 39].

В записке министра в ЦК было указано на очень большие потери, которые сельхозпредприятия несли при доставке продукции заготовительным и перерабатывающим организациям. Из-за бездорожья, отдаленности, разбросанности производства, отсутствия приспособленного грузового автотранспорта приходилось перевозить продукцию преимущественно на тракторах. По действующему законодательству, государство возмещало затраты на доставку продукции по единым тарифам только автомобильным транспортом, то есть совхозам — только 35% фактических затрат на транспортные расходы, а хозяйствам Северо-Западного района Нечерноземья: Архангельской и Новгородской областей — 20% [2, ф. 5, оп. 63, д. 249, л. 36—37]. В результате у хозяйств отсутствовали собственные средства для обеспечения расширенного воспроизводства.

В 1969 г. 25% колхозов Нечерноземной зоны произвели на один человеко-день менее 4 руб. валового дохода, а 1311, или свыше 20% от их общего количества, вообще не отчисляли собственных средств на пополнение основных фондов. В Костромской, Кировской, Ивановской областях, а также в Удмуртской АССР было 20% таких колхозов.

В итоге к 1970 г. задолженность колхозов Нечерноземной зоны по долгосрочным ссудам Госбанка на капиталовложения и заработную плату сельским труженикам против 1965 г. возросла более чем на 1 млрд руб. и составила 1,8 млрд руб., или свыше 50% от дохода за 1970 г. Задолженность же по краткосрочным ссудам составила 291 млн руб., или в 3,6 раза больше уровня задолженности в 1965 г. [2, ф. 5, оп. 63, д. 249, л. 36—37].

Эти и другие проблемы, поднятые в записке Л. Я. Флорентьева, по всей видимости, должны были «подвести» ЦК к необходимости принятия постановления по Нечерноземью.

Из-за отсутствия гласности при подготовке проектов в СМ РСФСР и их изъятия в фондах ГАРФ нами был выявлен только 9-й вариант проекта постановления образца мая 1971 г. Несомненно, что его появление было связано с решением Политбюро ЦК от 21 января 1971 г., поручившего Председателю СМ РСФСР Г. И. Воронову осуществить анализ положения в сельском хозяйстве региона и подготовить предложения по его дальнейшему развитию.

Проект образца мая 1971 г. состоял из 52 пунктов. Вместо «Пояснительной записки» к нему, которая вскоре стала обязательной, на 3 первых страницах были подведены краткие итоги аграрной политики государства в Нечерноземной зоне за минувшие 10 лет, а также изложено обоснование необходимости принятия постановления ЦК и Совмина СССР по развитию сельского хозяйства региона [3, ф. А-262, оп. 18, д. 1069, л. 1—3].

Отмечая определенные положительные результаты в выполнении решений мартовского (1965 г.) пленума ЦК по подъему сельского хозяйства Нечерноземья в годы VIII пятилетки, разработчики проекта перечислили «серьезные недостатки». Во-первых, не использовались внутренние резервы и возможности сельскохозяйственного производства. Во-вторых, продолжалось сокращение сельскохозяйственных угодий и пашен. В-третьих, был сорван пятилетний план мелиорации земель, а уже мелиорированные земли, использовались не должным образом. В-четвертых, на низком уровне находилась культура земледелия и семеноводства, мало вносилось органических удобрений. В-пятых, оставались низкими урожайность зерновых культур и продуктивность скота. В-шестых, сохранялась распыленность сельхозпроизводства и мелкоконтурность полей, сдерживающих внедрение прогрессивных тех-

нологий, проведение комплексной механизации. В-седьмых, был низкий уровень механизации работ по возделыванию отдельных культур, а также в животноводстве, в том числе по причине недостаточного применения электроэнергии в производственных целях. В-восьмых, преобладало большое количество мелких населенных пунктов, которые не укрупнялись и не превращались в перспективные. В-девятых, в неудовлетворительном состоянии находилась производственная база по приему, переработке и хранению сельхозпродукции. И наконец, в-десятых, оставалась запущенной социальная сфера села, оказывающая важнейшее влияние на миграцию трудоспособного сельского населения [3, ф. А-262, оп. 18, д. 1069, л. 3].

В пункте №2 проекта постановления образца мая 1971 г. были определены объемы производства сельскохозяйственной продукции (во всех категориях хозяйств) к 1975 г. (табл.) [3, ф. А-262, оп. 18, д. 1069, л. 4].

**План производства основных продуктов сельского хозяйства
во всех категориях хозяйств Нечерноземной зоны РСФСР
на 1975 г., млн т**

Зерно	Картофель	Льноволокно	Мясо в живом весе	Молоко
26,3	34,3	0,271	3,8	22,6

В конце текста к пунктам проекта прилагались около 69 заданий, в которых были определены объемы производства сельхозпродукции, поставок техники, удобрений, направление развития социальной сферы, подготовки кадров и др.

Кроме заданий на ближайшую перспективу, в проект постановления были включены показатели производства сельхозпродукции на 1980 и 1985 гг. То есть проект предусматривал задания по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР на 15-летний период.

Список источников и литературы

1. *О мерах* по дальнейшему развитию сельского хозяйства Не-черноземной зоны РСФСР : постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 20 марта 1974 г. // Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.). М., 1975.
2. *Российский* государственный архив новейшей истории.
3. *Государственный* архив Российской Федерации.

ОБ АВТОРАХ

Александров Николай Михайлович, канд. ист. наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль.

E-mail: dreem10@mail.ru

Бершадская Ольга Владиславовна, канд. ист. наук, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации, Краснодар.

E-mail: berscoll@mail.ru

Иванов Алексей Ананьевич, д-р ист. наук, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола.

E-mail: ivanov.al.1974@bk.ru

Иванов Владимир Иванович, д-р ист. наук, Краснодарский социально-экономический институт, Краснодар.

E-mail: ivanovst@mail.ru

Кондрашин Виктор Викторович, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН, Москва.

E-mail: vikont37@yandex.ru

Ланской Григорий Николаевич, д-р ист. наук, Историко-архивный институт РГГУ, Москва.

E-mail: gri_lanskoi@list.ru

Наухацкий Виталий Васильевич, д-р ист. наук, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону.

E-mail: naoukhatskiy@rambler.ru

Никулин Валерий Николаевич, д-р ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Уфа.

E-mail: rodnov@ufacom.ru

Соколова Наталья Викторовна, канд. ист. наук, Институт славяноведения РАН, Москва.

E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Степанова Лилия Геннадиевна, д-р ист. наук, Кубанский государственный университет, Краснодар.

E-mail: liliya_stepanova@list.ru

Тагирова Лейла Факиловна, канд. ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа.

E-mail: sleila.83@mail.ru

Томилин Виктор Николаевич, д-р ист. наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк.

E-mail: tomlin58@mail.ru

Федяева Татьяна Павловна, канд. ист. наук, администрация Надымского района, Надым.

E-mail: do_fedyaeva@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна, д-р ист. наук, Вологодский государственный университет, Вологда.

E-mail: mscherkasova@mail.ru

Шевельков Анатолий Иванович, канд. ист. наук, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна.

E-mail: shevelkov51@mail.ru

Научное издание

СЕВЕРО-ЗАПАД
В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
Межвузовский тематический сборник
научных трудов

Выпуск 29

Под редакцией
Никулина Валерия Николаевича

Редактор *О.И. Бессчастнова*
Компьютерная верстка *Г.И. Винокуровой*

Подписано в печать 12.09.2023 г.

Дата выхода в свет 05.09.2023 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,8

Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14